ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

www.lgz.ru

Газета основана в 1830 году
при участии А. С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году

Выходит по средам

№2–3 (5863)
23 – 29 января 2002 г.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Кто поднимает цены
Академик Николай ШМЕЛЕВ о новогоднем «вальсе этикеток» стр. 2

Россию есть за что любить
Продолжаем дискуссию о патриотических идеях стр. 3

Как немцы с марками прощались
Евро начало свое шествие по Европе стр. 4

Узники желаний
Чтобы спасти дочь, мать спровоцировала против нее уголовное дело стр. 6

ТУРИСТЫ ВМЕСТО КОСМОНАВТОВ

Антон МЕНЬШЕВ

Валентин ЛЕБЕДЕВ,
летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза,
член-корреспондент РАН

На днях услышал по радио, что в Звездном городке готовится очередной турист из ЮАР для полета в составе нашего экипажа на Международную станцию, а за ним уже в очереди следующий из Италии.

Видимо, у нас действительно наступил кризис в пилотируемой космонавтике, если мы свою квоту в Международной космической программе расходуем на богатых чудаков.

Интересно, как бы мы поступили, если бы кто-то предложил нам за большие деньги организовать казино со стриптизом в Кремле? Мы что, тоже согласились бы, объясняя это трудностями бюджета, не считаясь с общественным мнением и престижем страны? Каждый нормальный человек, наверное, скажет, что это неприемлемо.

После полета американского туриста Тито на нашем корабле «Союз-ТМ» мне позвонили из газеты «Трибуна» и спросили мнение по поводу этого полета на Международную космическую станцию (МКС). Ответил: это то же самое, что послать туда пустой мешок за 20 миллионов долларов. Я считаю это безнравственным, и вот почему. Нарушается принятый странами-участницами этого проекта статус МКС, предназначенной для проведения научно-исследовательских работ. Это обязательства каждой стороны в общем партнерстве.

Нельзя не учитывать и мнение тех, кто посвятил жизнь созданию космической техники и освоению космоса. Это ни много ни мало, а уже несколько поколений людей, идущих по пути к великой цели расширения границ наших представлений об окружающем мире полетами за пределами Земли. Оправданно ли государству, не считаясь с их подвижничеством, энтузиазмом и тяжелейшими жизненными испытаниями на этом пути, принимать такие решения, не беря во внимание их точку зрения?

Укрепляется ли вера нового поколения специалистов в стремлении творческого совершенствования или это унижает, оскорбляет циничным объяснением, что все это делается якобы во благо выживания космонавтики и сохранения коллективов?

Эти объяснения – ложь, которой прикрываются чиновники и функционеры космической отрасли, ввергая великое дело в рыночную неразбериху, где можно корысть спрятать за благородством, уповая, что время скроет все следы их деяний, направленных прежде всего на свое выживание, с потерей приоритетов, перспектив для страны в освоении космоса.

Один глобальный шаг на этом пути сделали, обосновав необходимость затопления станции «Мир», когда ценой национального достояния устроили звездный дождь над земным шаром, продемонстрировав всему миру глупость и бездарность нынешних хозяев отечественной космонавтики, ее приватизировавших. И нет никого в ответе за это, только объяснение: «Клиент умер естественной смертью, намного пережив самого себя».

Но если долгая жизнь станции «Мир» стала возможной благодаря таланту, опыту и подвижничеству ее непосредственных творцов, то спрашивается: почему решение о кончине произошло без их согласия? И, главное, без учета их права искать решения для продолжения работы с заменой по мере необходимости отработавших модулей, с возвращением их на Землю как бесценных плодов наших достижений для использования сегодняшними и будущими поколениями? Потеряны уникальные возможности изучения и исследования станции на Земле, ее систем, агрегатов, материалов, прошедших эксперимент в естественной лаборатории по воздействию условий космоса (вакуум, излучение Солнца, потоки микрометеоритов, космические лучи и т.д.), с динамическими нагрузками на корпус, его узлы, агрегаты при маневрах, ориентациях, стыковках.

И все это пошло прахом в угоду опять же спокойствию функционеров космонавтики. А ведь они из тех же рядов партийных и советских чиновников, кто привел страну к развалу.

Все это стало возможно в стране, где отсутствует государственная компетентность. К сожалению, мы так «барахтаемся» после крушения СССР уже десять лет, позволив небольшой группе политиков и близких к ним кругов делать с его останками все, что угодно, уродуя организм страны, подгоняя пропагандистскую мешанину под общее звучание: все стабилизируется, уровень жизни повышается, объем производства растет, инвестиции не за горами, бюджет тоже пухнет и т.д.

Окончание на стр. 3

ЛГ-РЕЙТИНГ

● Азат Абдуллин. **Нездешний сад.** Драмы. – М.: Радуга, 2001. – 448 с.

Сборник вобрал в себя четыре наиболее известные пьесы популярного башкирского драматурга. Первая из них, давшая название всей книге, посвящена судьбе великого танцовщика Рудольфа Нуреева. Следующая, «Тринадцатый председатель», самая знаменитая из пьес Абдуллина, имела в предперестроечную эпоху очень трудную судьбу. Ее запрещал лично секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Во всех пьесах идет речь о героях, одержимых идеей справедливости, наделенных духом и волей творца, чувством высокой ответственности за собственный дар и желанием отдать его людям.

Книга двуязычная (на русском и башкирском языках), иллюстрирована фотографиями сцен спектаклей.

● Анатолий Азольский. **Розыски абсолюта:** Повести, роман. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 383 с. – (ОРИГИНАЛ).

Лауреата русского Букера Анатолия Азольского часто сравнивают с Грэмом Грином. Впрочем, стильная, жесткая, порою жестокая, намеренно отстраненная проза Азольского кому-то может напомнить и отточенную стилистику Хемингуэя. И все же Азольский – писатель очень русский: на героях его повестей («Облдрамтеатр», «Нора», «Розыски абсолюта») лежит клеймо отечественной истории, намертво завязывающей судьбы в гибельный узел. Особняком стоит роман «Кровь», где сама ткань бытия трещит и распадается в хаосе второй мировой, добро и зло неразделимы, как Инь и Ян, а за внешним беспристрастием автора скрывается столь мощный эмоциональный накал, что читать эту книгу нервным барышням и прекраснодушным юношам мы не советуем. Это книга сильного мужчины о сильных мужчинах.

● Евгений Богат. **...Что движет солнце и светила. Любовь в письмах.** – М.: Захаров, 2001. – 320 с.

Переиздание весьма популярной и остродефицитной в свое время книги давнего и многолетнего сотрудника «ЛГ», основанной на переписке Абеляра и Элоизы, Дидро и Софи Волан, Стендаля и М. Дембовской, Байрона и Терезы Гвиччиоли, Грановского и Лизы Мюльгаузен, А.К. Толстого и С.А. Толстой, Эдуарда Гольдернесса и Ирины Д.

Вернее, героев у этого удивительного романа в письмах неизмеримо больше. Новое издание достойно продолжает духовную и нравственную эстафету другой оригинальной книги – «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII – XIX веков». Странности и парадоксы любви давно умерших людей и наших современников нашли в Богате достойного исследователя и интерпретатора. Говоря его же словами, посла особого дивного мира, одаряющего избранных, своих читателей, царским милосердным огнем.

Годы Украины

Когда в России объявили Год Украины, сразу стало ясно, что последует за этим. Комиссии, комитеты, планы мероприятий, доказательства дружбы в виде прощения газовых долгов и – Черномырдин, Черномырдин.

У нас все и пошло как по писаному: заседания, концерты, делегации, съезды, воспоминания о полтавских корнях, крымских зорях, пение украинских песен, реструктуризация долгов и – Черномырдин, Черномырдин. В погонах, с казацкой саблей, горилкой...

С украинской стороны реакция была, мягко говоря, кислой. О националистах и говорить не будем. Но и более умеренные политики говорили не более того, что оно, конечно, хорошо, но главное – не противоречит многовекторной политике суверенной Украины и ее «европейскому выбору». А менее сдержанные на язык украинские СМИ понимающе усмехались: опять Москва чудит, стараясь подчинить независимую Украину своему имперскому влиянию. Даже о реструктуризации долгов, слишком похожей на их полное прощение, писали с подозрением: что-то слишком легко Москва все сдала, никак замышляет что-то нехорошее против нашей независимости...

Но вот начался этот самый Год Украины. И что же мы имеем? Имеем «автомобильную войну». Киев намерен резко ограничить экспорт российских автомобилей. Имеем ужесточение таможенного режима со стороны Украины. Имеем неудовольствие украинских властей по поводу решения о строительстве газопровода из России в Европу через Польшу. Так как они свято уверены, что Россия должна вкладывать деньги лишь в ремонт проходящих по Украине трубопроводов и не мешать ей монопольно заниматься транзитом и воровством нашего газа.

Все это лишь еще раз подтверждает давно известное: в лице независимого украинского государства Россия имеет соседа, всегда готового использовать ее трудности, хитрого и безжалостного конкурента, не стесняющегося в средствах.

Тут, повторим, ничего нового. Идеологи независимой Украины никогда и не думали скрывать, что весь расчет «незлежных» политиков строится на получении выгод от противоречий между Россией и Западом. И с готовностью предлагали Западу свою страну в качестве «санитарного кордона» между ним и Россией. В Киеве посчитали, что антагонизм между США и Россией, Европой и Россией будет существовать вечно. И потому дивиденды от их антироссийских замашек тоже не оскудеют. Вот поэтому ни с каким самым отсталым африканским государством украинские политики не позволяли себе вольности, какие позволяли в адрес России. Перед теми они щеголяли своей «европейскостью», а Россию сладострастно и шумно ставили на место, «сбивая имперскую спесь».

Каким-то оправданием такой политики правящей украинской элиты может служить лишь то обстоятельство, что Украине больше просто нечего предложить на мировой сцене. У нее нет природных ресурсов, ее технологические возможности развитые страны заинтересовать не способны. Да и научно-культурный потенциал, скажем так, весьма скромен. Доказательством чему служит теперь уже всем очевидная неспособность выработать за десять лет суверенной жизни какие-либо крупные духовные идеи. Кроме, пожалуй, одной: не надо было расставаться с ядерным оружием.

Вот и остается украинским властям предаваться занятиям, о которых еще в начале прошлого века предупреждали Н. Трубецкой и уроженец Одессы профессор П.Бицилли:

Эти люди постараются всячески стеснить саму возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельной украинской культурой. Постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется еще внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попрания собственных национальных святынь... Однако нетрудно понять, что украинская культура, создаваемая в только что описанной обстановке, будет из рук вон плоха... И главными двигателями этой культуры будут не настоящие творцы культурных ценностей, а маниакальные фанатики, политиканы, загипнотизированные навязчивыми идеями...

Так чего же ждать, исходя из реальных обстоятельств, от упомянутого Года Украины? Может ли он изменить сознание и менталитет украинских правящих кланов? Нет, разумеется. Украина выбрала свой путь, и куда он приведет, сегодня не способны сказать даже самые маниакальные его сторонники. На нем независимую страну ждет много открытий. Часть уже сделана. Стало, например, ясно, что в «золотом миллиарде» пятьдесят миллионов украинцев никто не ждет. Что канадская диаспора вовсе не горит желанием кормить покинутое отечество. Что антироссийское усердие не заставит Запад вкладывать в нее серьезные средства и открыть ей ворота на высокотехнологичные рынки. Что при нормальных отношениях между Западом и Россией Украина просто выпадает из мировой политики...

Что ж, пусть украинское государство ищет свои национальные идеи и новую элиту, способную по-новому осмыслить роль Украины в мире и ее судьбу. А вот России давно пора избавиться от привычки впадать в отношениях с украинской стороной в кисельно-панибратски-сентиментальное настроение. Ибо мы имеем дело с жестким, неблагодарным и зачастую нечестным партнером. Достаточно вспомнить, как вела себя украинская верхушка, когда ее ракета сбила российский пассажирский самолет.

Помпезно-неискренние или помпезно-поверхностные мероприятия тут ничего не изменят. Наоборот, послужат для украинского официоза лишь удобным прикрытием прежней политики, смысл которой – по отношению к России все средства хороши и ничего не стыдно. Эти мероприятия ничего не изменят в жизни миллионов наших соотечественников, живущих на Украине, в жизни украинцев, не желающих в угоду националистической пропаганде видеть в России врага и виновника всех бед. Чтобы поддержать этих людей, нужны иные способы и средства. Вот о них и надо думать. Год за годом.

Игорь СЕРКОВ

АКТУАЛЬНО

Почему в Якутии опять неспокойно

Еще у всех на памяти беспрецедентные скандальности (даже по российским меркам) – выборы президента Якутии, а в республике опять напряженно. И понятно почему. Став президентом, руководитель алмазодобывающей компании «АЛРОСА» Вячеслав Штыров освободил место президента компании – российского алмазного монополиста, ворочающего миллиардами долларов и являющегося крупным игроком на мировом рынке. Но для Якутии важно прежде всего то, что компания является основным поставщиком средств в республиканский бюджет, от нее зависит вся социально-экономическая обстановка. И потому гадания и предсказания центральных СМИ о том, кого «посадят» на «АЛРОСУ» и в чью пользу он будет направлять ее финансовые потоки, вызвали в республике, еще не остывшей от президентской гонки, тревожные ожидания.

Именно на это указывает прежде всего в своем письме-обращении на имя представителя президента в Дальневосточном федеральном округе Константина Пуликовского ряд видных лиц Якутии. Среди них – министр культуры и социального развития А. Борисов, президент Ассоциации женщин-предпринимателей Г. Васильева, председатель молодежного парламента С. Адамов, президент Академии наук Г. Крымский, председатель правления общественного объединения «Конгресс народов Саха» В. Иванов...

На их взгляд, руководителем компании «АЛРОСА» должен стать нынешний председатель правительства республики Василий Власов. Как они пишут в письме Пуликовскому, которого просят поддержать эту кандидатуру перед руководством страны, такое решение «может упредить возможные проявления социальной напряженности». К тому же Власов «коренной якутянин, горный инженер, ученый с солидным научным заделом в области алмазодобычи».

Прислушаются ли к мнению якутских товарищей наверху? Тут все зависит от исхода борьбы различных группировок, ведущейся сейчас вокруг компании в Москве. Но и спокойствие в такой громадной и богатой природными богатствами республике дорогого стоит.

Виктор БАЛУЕВ

СКАНДАЛ

Комом, блин!

Общероссийская общественная организация «Идущие вместе» придумала акцию, призванную «возвращать в наш обиход книги, ставшие в последние годы «несовременными», «неактуальными», «немодными»» (цитата из интернетовского сайта «Идущих вместе»).

Список «жертв»: Пелевин, Сорокин, Маркс.

Их книги предлагается обменять на специально изданную книгу Бориса Васильева, «продолжающего традиции классической русской литературы, открывающей перед читателем мир подлинных человеческих чувств».

Эквивалент обмена: одна книга на одну. Исключение составляет Пелевин. Он обменивается в расчете две книги Пелевина на одну Васильева.

Организация «Идущие вместе» обращает внимание, что полученные ею книги «не будут использоваться в коммерческих целях, а будут возвращены авторам».

Наш комментарий

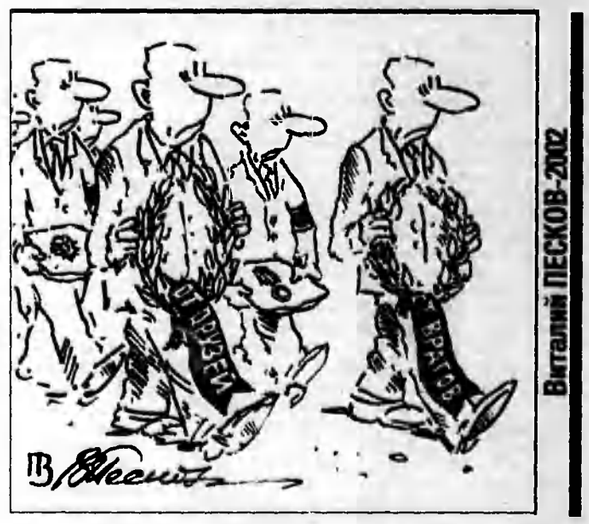
Идея изначально хорошая, но блин комом! Во всех приличных странах общество влияет на литературу не только котельком, из которого расплачиваются в книжных магазинах, но и прямо – общественными акциями, в том числе и акциями протеста. А как же иначе? Литература – та же пища, только духовная. На ее продаже нельзя экспериментировать, нельзя говорить: раз покупают и пробуют, значит, товар правильный. Общество обязано прогнозировать последствия таких «проб». Другое дело, что акция «Идущих вместе» какая-то мелкая, несерьезная, а кроме того, явно выгодная Пелевину, Сорокину и даже Марксу, о котором в России уже благополучно забыли. Но возмущает и откровенный наезд на эту акцию СМИ (НТВ, «Московский комсомолец», Дмитрий Быков в своей ТВ-программе и др.), которые трактуют ее как якобы возврат в тоталитаризм. На самом деле нормальная демократическая акция. Но не очень умная.

Павел БАСИНСКИЙ

В данном случае рыбак нашел рыбака. Владимир Сорокин и его издатель Александр Иванов (издательство «Ad marginem») уже договорились, что каждая возвращенная книга (с соответствующим штемпелем, которым «Идущие» собираются «гасить» выменянные плохие книжки) будет подписана автором и продана как раритет – по двойной цене. В общем, мы получили еще один эффективный литературно-рыночный механизм: «Премия имени Бориса Васильева» типа. Хотя сам Борис Львович, как уже стало известно, в ужасе от навязанной ему такой чести.

Лев ПИРОГОВ

P.S. Согласно последним известиям акция завершилась не начавшись в связи с принципиальной позицией писателя Б. Васильева.

Виталий ПЕСКОВ-2002

ЧИТАЙТЕ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ «ЛГ»:

Клеветникам Ордуси
Кому мерещится тоталитаризм в эпопее «Евразийская симфония»

Лоббисты своего отечества
Как антисоветчик стал лоббистом интересов России в Конгрессе США

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

Революция снизу или реформация сверху?

Александр ПАНАРИН

Сегодня всем ясно, что большинство наших экономических, социальных и политических провалов последних лет связано не столько с пережитками коммунистического и докоммунистического прошлого, сколько с ошибками и злоупотреблениями новой властвующей элиты. Это ее представители стали смотреть на нашу действительность не изнутри, а извне, накладывая на нее готовые шаблоны нового безошибочного учения.

«Шоковая терапия» и номенклатурная приватизация – по заранее составленным спискам «своих людей» – исключили большинство населения из сферы новой экономической самодеятельности. Не традиционалисты, а либералы, исполненные снобистского отношения к «агрессивно-послушной» пролетарской массе, сделали ставку на номенклатурную элиту.

Новый капитализм вырастал не из трудовой культуры промышленно занятого большинства, а из сибаритско-паразитарной субкультуры «спецраспределительного» меньшинства. Отсюда его неудержимая тенденция выхода из трудной сферы продуктивной экономики в «легкую» сферу теневых практик и спекулятивных нажив.

Не традиционалисты, а глобалисты, переполненные идеологической ненавистью к «социалистической промышленности», организовали деиндустриализацию, открыли внутренний рынок для иностранных товаров, а государственные границы – для свободного вывоза прибыли за рубеж. В результате Россия стала ударными темпами переходить из ряда развитых в ряд слаборазвитых стран, лишившись и экономической самостоятельности, и продовольственной безопасности.

Не традиционалисты, а радикал-либералы, переполненные недоверием к «недемократическому большинству» собственного народа, создали квазимонархический институт президента, фактически не контролируемый парламентом. Творцы Конституции 1993 года намеренно создавали свободу рук для «демократически благонамеренного» президента в его борьбе с «неблагонамеренным» парламентом и стоящим за ним недовольным большинством.

В результате мы имеем то, что имеем – перманентный кризис общества, стремительно деградирующего и нищающего, удаляющегося от цивилизованных эталонов. Суммарным показателем тотального неблагополучия является беспрецедентное снижение продолжительности жизни на целых 12 лет – невиданный случай во всей новой и новейшей истории.

Казалось бы, для нашего демократического авангарда имеется веский повод перейти от догматической самоуверенности к самокритичному беспокойству, то есть стать на уровень рефлексивной демократии, готовой отвечать за свои ошибки и корректировать свои стратегии.

В условиях ею самой развязанного кризиса демократическая элита может подтвердить свои модернизаторские полномочия, только продемонстрировав способность к реинтерпретации своего «проекта преобразований». Публичное употребление демократичного разума вместо авгуровых перемигиваний в узком кругу своих – вот истинное доказательство приверженности ценностям «открытого общества».

Круг демократических комментаторов, обладающих монополией на публичность, отличается завидным постоянством. Прежде, когда они комментировали не ими созданную ситуацию коммунистического кризиса, на их объективность еще можно было кое-как положиться. Но сегодня, когда они комментируют причины и последствия кризиса, созданного деятелями их собственного круга, неплохо было бы перепроверить их выводы посредством «альтернативной экспертизы».

Для этого имеется не только внутренний, но и внешний повод – провал «аргентинского чуда» ультралиберала Д. Кавалло, объявленного нашими реформаторами эталоном эффективного реформирования. Трагический казус с аргентинским чудом – на фоне успехов Китая, Вьетнама и других – лишний раз доказывает, что это банкротство чикагской модели – не российский синдром, связанный с неисправимым менталитетом «этого народа», а закономерность, которую пора принять во внимание.

И что же? Услышало ли общество подобные признания со стороны нашего либерального истеблишмента? Сменил ли он свой агрессивно-нетерпимый тон на готовность к партнерскому диалогу с теми, кто думает иначе? Введены ли в круг экспертов, принимающих решения или публично комментирующих происходящие события, те, кто представляет другие типы социального опыта, другие подходы, другой тип рефлексии?

Нет, наш либеральный авангард предпочитает слишком хорошо нам знакомый образец поведения в щекотливых ситуациях: валить все на «пережитки прошлого в сознании людей». Словом, авангард по-прежнему репрессивен, а не рефлексивен и адресует свое негодование именно тем, кто более всего пострадал от его злополучных экспериментов.

Как и знакомый нам из прошлого никогда не ошибающийся «рулевой», новый авангардный корпус более всего озабочен идеологической чистотой своих рядов и сохранением монополии на истину. Дефицит гражданской самостоятельности и гражданской инициативы сегодня не столько наследие прошлого, сколько результат нового «демократического монополизма» и новой идеологической нетерпимости.

Я не утопист и отдаю себе отчет в том, что нашими реформаторами подготовлены условия не для демократии, а для новой однопартийной диктатуры (боюсь, что возражать они станут только в том случав, всли это будет не их диктатура). Поэтому говорю сейчас не об условиях, созданных в стране вообще, а о менталитете нашей демократической элиты.

Сама-то она готова поступиться своей монополией на дискурс, открыть свои ряды новым инакомыслящим из оппозиции, сменить курс, приведший страну к банкротству? Повторяю: вопрос пока что не в том, насколько реальна демократизация страны, вопрос в том, насколько реальна демократизация самой реформаторской элиты.

В период системного кризиса – а он, судя по всему, у нас впереди – у страны два пути: революция снизу или реформация сверху.

Готов ли наш либерально-демократический авангард к качественному реформированию самого себя – перестройке своих рядов и своего менталитета? Если готов, то у нас есть шанс, что к 2017 году мы не окажемся в ситуации 1917 года.

Кто поднял цены

2002 год начался с «вальса этикеток»

То, что мы живем 10 лет в условиях открытой инфляции, а перед этим 70 лет жили в условиях когда скрытой, когда тоже открытой инфляции – норма нашей жизни. У всякой инфляции много порождающих ее факторов. Здесь и бюджет, и ненасытные аппетиты производителей, и дефицит бюджета, и так называемые инфляции издержек, и валютный фактор, и т.д.

Некоторый рост цен и справедлив, и несправедлив. Чего больше, чего меньше – я затрудняюсь сказать.

Наши естественные монополии – железные дороги, газ, электроэнергия – справедливо ставят вопрос о том, что они отстают от всех других цен, растущих на рынке. Хотя перед этим, в начале – середине 1990-х, они себе обеспечили рывок. Сегодня их выигрыш тех лет потихоньку усыхает. Но опять-таки, кто определит, насколько справедливо поднята их рамка? Здесь надо в каждом конкретном случае считать.

Вот, скажем, заломил Чубайс сначала процентов на 70 цену на электроэнергетику – правительство согласилось на 35. Поэтому, где здесь жлобство, а где реальность – в каждом конкретном случае надо думать и обсуждать. По-моему, 35-процентный рост на электроэнергию более или менее справедлив, потому что нельзя, чтобы на все на свете цены повышались, а на электроэнергию оставались на мертвом уровне. То же самое можно сказать и про газ, и про железную дорогу.

Сложнее вопрос о жилищно-коммунальной реформе, которой все особенно боятся. Я, например, считаю, что мы ввязываемся в социально очень опасное дело, и не удивился бы, если президент постарался наших ретивых реформаторов, губернаторов и других региональных начальников попридержать за штаны. С одной стороны, да, в сравнении с мировыми ценами у нас и жилье, и коммунальные услуги невероятно низкооплачиваемы. Но ведь у нас и зарплата невероятно низка. Все ставят вопрос о том, что цены отстают. Но, простите, а где цена главного товара – рабочей силы? Об этом ничего не говорят. Хорошо, надо поднять цену на коммунальные услуги если не до уровня Нью-Йорка, то хотя бы до восточно-европейского. Тогда поднимите и зарплату до такого же уровня. Тогда человек будет в состоянии платить 25–30 процентов своих доходов на жилье и коммунальные услуги.

Николай ШМЕЛЕВ, *писатель, экономист*

Поэтому я не могу однозначно сказать, что повышение цен – заговор против нашего народа. Это не так. Тут очень много объективного. Но сам размах этого явления вызывает у меня очень большие недоумения, опасения и подозрения. Вот говорят о 100-процентной оплате жилья и коммунальных услуг. Но в эти проценты они хотят включить оплату и прокладки разных теплотрасс и коммуникаций. В то время как во всем мире за это платит муниципалитет, а не люди – они уже оплатили все это через муниципальные или федеральные налоги. А наши собираются и это всадить в счет потребителя.

Кстати, иногда происходит и просто откровенное жлобство. Спорная вещь, но все-таки можно понять 10-процентный налог на добавленную стоимость на лекарства, газеты и на все прочее. Но не успели ввести этот налог, как уже аптеки мгновенно отреагировали, вздув цены на лекарства.

Что тут можно сказать? Только то, что российский капитализм – это бандитский капитализм. Без всякой пощады к человеку и даже озабоченности социальными последствиями. Потому что дальше собственного носа никто ничего не видит. Рвануть и убежать – это их психология. К сожалению, это наша действительность. В такой стране мы живем. Таково лицо нашего рыночного хозяйства.

Об общем повышении цен в этом году на 12–14 процентов уже было официально объявлено. Хотя как власти сумеют удержать этот рост? Я себе не представляю. По-моему, рост цен на 25–30 процентов просто гарантирован на 2002 год. Надо исходить из того, что в этих условиях мы будем жить.

Однако не надо забывать, что главный товар в рыночном хозяйстве – рабочая сила. А главная наша болезнь – до невероятия заниженная цена этой силы. Сейчас мы ее хоть немножко начали лечить. Я не раз говорил, что наш президент за два года ни одной серьезной ошибки не сделал, хотя Ельцин лепил их каждую неделю.

Немотивированный, безудержный, иногда очень спорный рост цен, как, скажем, в жилищно-коммунальном хозяйстве, может дорого обойтись нашей политической системе. Это вопрос социального климата и социальной напряженности. Поэтому надо апеллировать к здравому смыслу и чувству самосохранения, в том числе наших политиков. Начиная с самого верха.

Записал
Армен ГАСПАРЯН

НА ТЕЛЕВИЗИОННОМ ПОСТУ

Им все равно

Намерение «ЛГ» писать в новой рубрике о телевидении как о явлении жизни, которому надо противостоять, с влиянием и диктатом которого надо бороться, нашли понимание и поддержку наших читателей. Вот только два письма из нашей почты.

Я сама тележурналист. Когда-то вела передачу «Дискуссионный клуб «Диапазон». Мы собирали большие молодежные аудитории и до хрипоты спорили обо всем: о карьере, порядочности, учебе, литературе... В студии собирались студенты, школьники, научные сотрудники, пэтэушники. И что интересно – они умели говорить. Особенно если их удавалось «завести». Их речь становилась яркой, убедительной. Потому что они думали.

Недавно молодые журналисты нашей компании попытались сделать что-то подобное под названием, ратинки. Она, картинка, все сравняла. Перед нею ВСЕ равны и ВСЁ равно. Подвиг и преступление, ложь и правда, высокое и низкое. Все равно зачем, все равно что, все равно кто. И все равно – что дальше...

Антон ТРУБКИН, *студент, Москва*

Телевидению, судя по тому, что нам показывают, действительно ВСЕ РАВНО.

Например, объясняя смысл теле-шоу «За стеклом», один из столпов наших свободных СМИ договорился до того, что заявил: «И читая гоголевскую «Шинель», мы подглядываем за жизнью маленького человека Акакия Акакиевича».

То есть этот человек настолько слеп, что он не видит разницы между вещами несопоставимыми – между великой болью и мелкой гадостью, между состраданием и похотливым подглядыванием, между сочувствием и откровенным издевательством... А скорее-то всего, что и не слеп, и разницу все-таки знает, но просто выгораживает своих, защищает рейтинги, а значит, прибыль.

Эта карикатура Сергея Коняхина поступила в запасники «ЛГ» задолго до отключения ТВ-6. Недаром говорится, что идеи имеют свойство витать в воздухе, чтобы потом материализоваться...

Одна из телекритикесс недавно наставительно объяснила, что телевидение идет к новой эстетике. Это раньше нам показывали жизнь замечательных людей. Теперь показывают жизнь незамечательных людей. И, оказывается, следить за жизнью незамечательных тоже интересно. Даже ей самой.

Потом эти мысли подхватили и дожевали ее коллеги: телевидение сегодня раскрывает нам глаза на самих себя, показывает, насколько мы еще скоты, насколько бываем грязны, отвратительны. И правильно делает – надо нам с собой разобраться, пора уяснить...

Спрашивается, от чего это они так устали, что их прямо к самому настоящему скотству потянуло? Где они так благородством объелись? Высокими помыслами и мечтами отравились? Так покажите их нам! Неужели их так много вокруг, что уже и помычать для разнообразия хочется?

Игорь МИТИН

Телевизионная картинка сглаживает все шероховатости, полирует индивидуальности, нивелирует личности. Главное – попасть на экран. А там, как «за стеклом», все равны и одинаковы, все герои одной пьесы. Ухмыляющийся Радуев и каменный Устинов, бородатый Киселев и гладкий Кох, бандит и милиционер, проститутка и актриса, начинающая журналистка и серьезный писатель...

Что кирзовый сапог, что лакированный туфель – никакой разницы. Ведь они – часть телевизионной карзумеется, «ток-шоу». И не получилось. Знаете, почему? Молодые не умеют мыслить. И потому им нечего сказать. Они могут прикалываться, хохмить. Они веселые, раскованные, но мыслей нет. Я уверена, что телевидение сыграло свою роль в том, что они такие. Ведь нынешнему телевидению невыгодны умные, размышляющие программы. Появление таких передач – редкость и радость.

Н. ЛАТЫШЕВА, *Сахалин*

Мир опустел

Памяти Юрия Давыдова

«Мир опустел...» – так написал Пушкин после смерти Байрона. Мир вокруг него был плотно наполнен друзьями и врагами, а ему казалось – опустел.

Есть люди, от присутствия которых зависит ощущение бытийной и сущностной полноты этого мира, чей уход принципиально меняет характер жизненного пейзажа. «Пустыня мира...» – это тоже сказал Пушкин.

В марте прошлого года Давыдов прислал мне открытку – просто так, без всякого повода, – которая начиналась словами: «Мой дорогой старый товарищ!» Товарищество больше, чем дружба. Он тончайшим образом понимал оттенки не только языка, но и человеческих отношений. Он был для меня не только другом – товарищем в этой жизни.

Я знал много лет, что в Москве живет Юра Давыдов, мой товарищ, мой собеседник, мой соратник, с которым мы делаем одно дело, и оба понимаем это. Теперь его нет. «Мир опустел...»

В семидесятых, приезжая в Москву, я останавливался у него, ночевал в его кабинете. В пять утра он тихо входил, садился за письменный стол и работал до десяти. Потом мы шли пешком в Аэровокзал, беседуя по дороге. В Аэровокзале тогда был ресторан со шведским столом, а главное, Юру там обожали буфетчицы и официантки... Мне уже случалось писать о его высоком и совершенно естественном демократизме. О его внешности и повадке морского волка, с нахмуренными бровями и хриплым боцманским голосом: «Врежем по сто пятьдесят на нервной почве!» Его повадка была столь же органична, как и его напряженный интеллектуализм, его огромная образованность, сила и нетривиальность его мысли. Он не любил и не умел играть. Он был равен самому себе, я уверен, и на Северном флоте во время войны, и в сталинском лагере, и в жюри Букеровской премии...

Его любимые герои совершенно не похожи на своего автора. Он объективировал свой духовный и бытовой опыт гораздо более сложным путем. Он, битый и ломанный нашим веком, знал, как опасна роль историка-судьи, тем паче прокурора. И передавал эти жестокие функции бескомпромиссным персонажам – Лопатину, Бурцеву... И наблюдал за их страстными неудачами.

Ближе всех для него был персонаж вымышленный – Николай Николаевич Усольцев, доктор Усольцев, русский интеллигент народнического толка, которому Давыдов поручил рассказать один из самых глубоких своих сюжетов: историю крушения народной утопии. Его глазами видит Давыдов историю умирания близкого ему, Давыдову, Глеба Успенского. А несколько лет назад Давыдов рассказывал мне замысел большого романа, действие которого должно было происходить в 1920–1930-е годы, и старый уже доктор Усольцев стоял в центре событий и наблюдал их. Давыдов высоко ценил в Усольцеве великий талант свидетеля – не судьи.

«Воды глубокие тихо текут...» – писал он мне в той же открытке. Сторонившийся всякой шумихи и суеты, он проживал нашу историю как собственную жизнь и относился к ней с той же мерой ответственности. Таких мало. Оттого с их уходом и пустеет мир.

Он был бесстрашен в историософском диагнозе. Он анатомировал душу палача и химерическое сознание провокатора. Но сам, знавший, что такое унижение и обида – что мог испытать молодой флотский офицер на допросах в НКВД? – он старался понять и объяснить душу оскорбленного человека с бомбой в руке, когда ему не оставляют иного пути. Уж он-то знал разницу между Верой Засулич, выступившей с каким-то игрушечным пистолетом против махины беззакония и произвола, и безумцами, совершающими тысячные жертвоприношения ради своих корыстных утопий...

Десятилетие за десятилетием он, великий труженик, бился над тем, чтобы показать нам страшную и величественную изнанку нашей истории, и делал это «тоскуя и любя», презирая и сострадая. Он свершил монументальный труд. «Глухая пора листопада», «Судьба Усольцева», «На скаковом поле, около войны...», «Две связки писем» и, наконец, поразительный «Бестселлер» – это концентрация давыдовского таланта, владения языком, ощущения исторического потока, понимания парадоксальности – не линейности! – истории вообще и бытия отдельного человека в частности.

Ожесточающая болезненность выхода из рабства, все волчьи ямы полусвободы, неадекватность восприятия реальности оскорбленным человеком – обо всем, что сегодня потрясает нас, он твердил в каждой своей книге. Но «воды глубокие тихо текут», а мы, как известно, «ленивы и нелюбопытны». Но Давыдов был человеком долга. Он не кричал об этом, он просто делал свое дело. И делал его до «полной гибели всерьез» – как Пушкин, как Гоголь, как Толстой, как Достоевский.

В предисловии к «Глухой поре листопада» он писал: «В архиве тайной полиции, в катакомбах, где явственны следы мучителей и мучеников, блеснула мне однажды предсмертная записка безымянного узника. Записка обрывалась латинским «Fuimus», что значит «Мы были»...»

Что тут скажешь, мой дорогой старый товарищ? Будем утешаться тем, что мы были и честно делали свое дело, свидетельствуя и предупреждая, что «не прославили ни хищи, ни поденщины, ни лжи» и что для тех, кто, Бог даст, прочтет наши книги, мир не покажется опустелым.

Яков ГОРДИН, *САНКТ-ПЕТЕРБУРГ*

«РОСБАЛТ» СООБЩАЕТ

«Туманный мост» в Европу

За последние два года бюджет Союзного государства России и Белоруссии вырос в 4 раза. Если в 1999 г. он был 800 млн. руб., то в текущем достигнет 3,3 млрд. руб. Об этом корреспонденту «Росбалта» сообщил государственный секретарь Союзного государства Павел Бородин. Он уточнил, что наряду с действующими программами по выпуску телевизоров и автомобилей планируется реализация новых совместных проектов, связанных с наукой и высокими технологиями.

П. Бородин считает необходимым «дать решительный бой» теневому капиталу, контролирующему, по его данным, две трети товарооборота двух государств. Потоки через Белоруссию сегодня превысили 200 млн. тонн в год. Только через Боровичи в Москву ежесуточно проходят 1400–1700 грузовых автомобилей, но доходят до российской столицы в лучшем случае 300. «Непонятно, куда деваются остальные. Для прекращения этой практики, – отметил госсекретарь, – планируется создать специальный вычислительный центр, который будет контролировать все грузопотоки. Пока же Белоруссия остается туманным мостом между Европой и Россией, и его функционирование выгодно как нашему разношерстному бизнесу, так и некоторым чиновникам».

По мнению П. Бородина, строительство Союзного государства сегодня фактически блокировано в информационном плане. Российская пресса этой теме уделяет мало внимания, и «народ скупо осведомлен о том, куда движется союзное строительство». В этом есть и вина Постоянного комитета Союзного государства.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕР

Последняя песня в России

В Малом зале ЦДЛ прошел творческий вечер Тимура Зульфикарова. На вечере был представлен диск «Последняя лошадь в России». На диске – песни на слова и музыку поэта в исполнении актрисы Ирины Дмитриевой-Ванн.

Зульфикаров прочитал новую новеллу, а затем передал микрофон певице. Его песни приближаются ко многим жанрам: романс, народная песня а капелла, молитва, цыганская песня, но по драматическому напряжению отличаются от их привычных образцов. Признанный мастер утонченной стихопрозы, Зульфикаров сочиняет песни всю жизнь. Их знали и любили Высоцкий и Шукшин, а «Листопад» исполняется в картине Аркадия Кордона «Послушай, не идет ли дождь...», названной по первой строке песни, но идея записи появилась совсем недавно. «Песни – это жмых моей поэзии», – говорит Тимур Зульфикаров, классик эстетской литературы, у которого за последние десять лет вышла всего одна книга. Зульфикарова не читают в метро, и он этим гордится, также как и тем, что Саддам Хусейн (как ни относиться к этой фигуре) во время американских бомбардировок Багдада декламировал в своем бункере инвективы из «Смерти Амира Тимура» Тимура Зульфикарова, создавшего новый художественный язык в рамках литературного русского. Незнакомая иностранная речь кажется нам довольно жестко ограниченной по своему звуковому и лексическому узору. Чужая речь однообразна и скучна, но, изучая язык, «входя» в него, мы открываем его лексическое и смысловое богатство. Так же обстоит дело с чтением Зульфикарова: однообразная графика, длинные периоды, не стесненные «корсетом пунктуации», ограниченное «высоким штилем» лексическое пространство, чуть ли не роль артиклей играющие восклицательные междометия. Это все поверхностные признаки, бросающиеся в глаза иностранцу в литературном государстве Зульфикарова, верхушка айсберга. Словарь Зульфикарова изобилует формами типа «нощь», «дщерь», «млявый», «живожемчужный» и лексикой, отражающей среднеазиатские этнические реалии, – «чироги», «дувал», «дервиш», но сочетание этнологии, старославянизмов и неологизмов старославянского образца с европейской модернистской стилистикой создает свой особый мир.

Диск Тимура Зульфикарова – нечто неожиданное в российской песне: соединение достаточно простых мелодий и сложных, философско-драматических текстов, как бы маскирующихся то под сентиментальные романсы, то под гимны любви к Родине. Музыка бередит раны, а наносит их слово.

Ирина Дмитриева-Ванн лауреат Всероссийского конкурса романсов. Обладая не только исполнительским, но и актерским талантом, песни Зульфикарова она разыгрывает как маленькие пьесы, а точнее, как маленькие трагедии. В ее репертуаре гораздо больше песен Зульфикарова, чем вошло на диск, идет работа над следующей записью.

Надежда ГОРЛОВА

Зимний праздник

журнала «Знамя» в Библиотеке иностранной литературы

Здесь писатели, поэты и журналисты собрались на вручение ежегодных премий журнала «Знамя». Открывший вечер главный редактор журнала Сергей Чупринин заметил, что минувший год был для «Знамени» не только юбилейным, но и очень напряженным – журнал окончательно оставил своим попечением фонд Сороса «Открытое общество», а намерения Министерства культуры, хоть и благие, пока остаются весьма туманными. Мало того, последние две недели журнал «бомжует» – по старому, всем известному адресу на Никольской его уже нет, а по новому (Большая Садовая, дом 2/46, вход с Малой Бронной) еще нет. Тем не менее вручение премий (по схеме 7+1) состоялось. На сей раз лауреатами стали: Светлана Хазагерова за статью «У них там были забавные представления о писательстве...»; Леонид Зорин за романы «Трезвенник» и «Кнут»; Михаил Айзенберг за цикл стихотворений «Тайные рычаги» и повествование «Ваня, Витя, Владимир Владимирович»; Владимир Рецептер за роман «Ностальгия по Японии»; Феликс Светов за роман «Мое открытие музея» и повесть «Чижик-пыжик»; Асар Эппель за рассказ «Дробленый сатана» и Роман Сенчин – за повесть «Минус».

«Минус» тут же компенсировался «плюсом», вернее «Премией-Плюс», присуждаемой журналом за патриотизм. Первоначально она именовалась «За просвещенный патриотизм», но затем, по словам Сергея Чупринина, название решили укоротить, поскольку «непросвещенного патриотизма не бывает». Политолог С. Караганов, вручавший эту премию, отметил, что перед ним и членами комиссии стоял тяжелый выбор – следовать правилам, согласно которым члены редколлегии журнала автоматически выводятся за пределы конкурса, или же нарушить их. Тем не менее поскольку, по его словам, «у нас, в России, поступают не по справедливости, а по понятиям», премию получила достойнейшая Наталья Иванова, чья любовь к русской литературе и есть лучшее проявление патриотизма.

М. ГАЛИНА

Хроника

● В конференц-зале СП России (Комсомольский проспект, 13) прошел творческий вечер тольяттинского поэта Константина Рассадина.

К. Рассадин – автор нескольких поэтических книг, собрания сочинений в 2-х томах, дипломант Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского, лауреат ряда литературных премий.

Поэт при большой поддержке зала читал свои лучшие и совсем новые стихи, прозвучали под гитару песни на его слова, собравшиеся из многих городов и весей России его друзья-коллеги читали свои стихотворные посвящения герою вечера.

● Там же Союз писателей России и издательство «Русский Двор» провели презентацию «Антологии белорусской поэзии», в ней участвовали известные писатели России и Белоруссии.

Оба вечера вел секретарь правления СП России Николай Переяслов.

● В актовом зале Московской писательской организации состоялось вручение годовых премий за 2001 год журнала «Московский вестник» следующим лауреатам: С. Говорухину и Ю. Полякову (проза), С. Есину (публицистика), В. Верстакову (поэзия).

● Состоялось заседание правления Московского Литфонда. На нем было рассмотрено заявление В. Азерникова о досрочном сложении полномочий председателя правления в связи с большой творческой загруженностью. Правление выразило благодарность В. Азерникову, который в течение 8 лет возглавлял Московский Литфонд. Председателем правления избран А. Бархатов.

«ЛГ» продолжает дискуссию о печальной судьбе патриотических идей в нашем общественном сознании.

В первом материале «Врожденный порок красного патриотизма» (№36, 2001) речь шла о том, что судьба патриотической идеи в современной России во многом объясняется тем обстоятельством, что она была взята на вооружение лишь левыми политиками.

Сегодня свое мнение о том, что есть патриотизм и каким он должен быть в современных российских условиях, высказывает член политсовета Союза правых сил доктор философских наук, профессор Алексей КАРА-МУРЗА.

Россию есть за что любить

КЛЮЧЕВАЯ ОШИБКА ПРАВЫХ

– Алексей Алексеевич, как вообще могло случаться, что знамя патриотизма захватили в свое монопольное владение коммунисты – прямые наследники тех (и они постоянно подтверждают эту преемственность), кто лютее всего ненавидел Россию и ее народ, кто нанес им наибольший вред, возможно, просто-напросто погубил его, подорвав генетический фонд?

– Патриотическая идея сейчас действительно узурпирована коммунистами. И это в самом деле парадокс. На идее патриотизма паразитируют люди, которые под флагом Интернационала взорвали российскую государственность. Им приходится тратить уйму сил, чтобы сшить расползающиеся швы, подогнать свою историю и идеологию под понятие патриотизма...

– Они это делают с помощью примитивной демагогии. «Недостаточно громко кричишь о своей любви к Родине? Значит, не патриот». «Оглядываешься на Запад? То же самое...»

– Я бы хотел напомнить коммунистам, как Ленин плясал и хлопал в ладоши, когда Россия терпела поражение во время русско-японской войны. Это же у него во всех тогдашних текстах стояло первым пунктом: поражение собственного правительства. Во время японской, во время германской войны он прямо призывал развернуть фронт и направить его против собственного правительства. Это была его принципиальная позиция – сделать Россию бикфордовым шнуром мировой революции. Иными словами, просто растоптать собственное Отечество. Как известно, японскую войну Россия еще пережила, а первую мировую уже нет. И это прямая вина коммунистического вождя. Это опять тот шов, который Зюганов не в состоянии сшить. Поэтому, когда заходит речь о том, кто погубил, кто разрушил Россию, он всякий раз начинает переводить стрелки на Ельцина, на Бурбулиса, на Гайдара... Коммунисты чувствовали бы себя гораздо легче, если бы объявили, что они наследники не Ленина, не марксистского космополитического интернационализма, а наследники Сталина, его национал-большевизма. С Лениным у них большие проблемы...

– Тем не менее сейчас самые большие патриоты они. Правые тут здорово промахнулись, не так ли?

– На мой взгляд, то, что была допущена нечувствительность к проблематике патриотизма, действительно ключевая ошибка либерального реформаторства в России. Дело в том, что любые либеральные, правые реформы в мире всегда проводились патриотами. В то время как социализм, мы знаем, всегда был интернационалистским.

– Как нынешние правые понимают патриотизм?

– Когда человек становится хозяином своей жизни, он становится и хозяином своей собственной страны. В этом смысле, несколько утрируя дело, можно сказать, что патриотизм – это любовь к своей собственности. Семья человека, корпорация, в которой он работает, страна, в которой он живет, – это все его частное пространство. Он его любит потому, что он им владеет. Это элементарная, азбучная вещь в политологии: человек любит то, что он контролирует, что принадлежит ему. Страна, государство, история – это все либеральное частное пространство человека.

– Любит то, чем владеет... Прямо скажем, звучит не очень романтично. По-жлобски как-то. Дело, однако, в том, что все последние годы, проводя реформы, реформаторы вообще ни звука не произносили о патриотизме. Или почти ни звука...

– Реформами занимались технократы, по преимуществу экономисты, люди с универсалистским мышлением. В общем-то это нормально. Так и должно быть. Плохо, что у этих людей не оказалось помощников из среды гуманитарной интеллигенции. Мы ведь знаем: эта интеллигенция часто тяготеет к интернационализму. Вот уважаемые мной шестидесятники – они в основном интернационалисты. А патриотического либерализма, почвенного либерализма у нас практически не было. Сейчас ваш покорный слуга пытается быть идеологом почвенного российского либерализма. Кроме того, еще 5 – 6 лет назад патриотизм среди серьезных людей вообще считался просто неприличным словом. Проистекало это в основном из-за того, что при распаде СССР была разрушена автаркическая государственность. Именно приверженность ей интерпретировалась как патриотизм. Следы такой государственности и такого «патриотизма» до сих пор сохраняются. Возьмите нынешние так называемые шпионские дела – Никитина, Пасько и др. Это же бред: человек защищает национальную экологию, а ему говорят, что он норвежский или японский шпион. То есть, по определению, не патриот.

РОССИЮ ЕСТЬ ЗА ЧТО ЛЮБИТЬ

– Где проходит водораздел между вами и «чистыми» западниками?

– Ведь что говорят нам экономико-центристы, технократы, западники: в истории России им якобы нечего любить. Это, мол, царство тьмы, это еще не проснувшееся общество, где процветают всеобщая давиловка, держимордство и т. д. В их представлении Россию можно будет полюбить только тогда, когда она станет Западом. Это типичная вульгарная западническая интерпретация России. На самом деле в истории нашего Отечества было и много другого. И его не только можно любить – его необходимо любить.

– Такого рода разногласия имеют место и внутри СПС?

– К сожалению, да. Я называю свою линию в СПС несколько парадоксальным образом – теми словами, которые я уже привел: либеральное почвенничество. Я вытаскиваю из истории России, которую достаточно хорошо знаю, историю российских демократических устроений, историю русской либеральной мысли, историю русского осмысленного европеизма. Да, Москва – это иногда тотальная азиатчина. Но у нас был Новгород, был Псков, была Тверь... Тверь – это история русского кадетства, имея в виду конституционно-демократическую партию. Там родились Петрункевич и Родичев. Там был первый полигон российских александровских реформ. В нашей истории была Пермь... Вроде бы место ссылки, но там родился Струве, там родился Михаил Осоргин... Там долгое время в ссылке жил Герцен... Когда начинаешь говорить с пермяками об этих фигурах, не чувствуешь никакого противоречия между либерализмом и патриотизмом в отношении собственного города. Так что сейчас в этих городах мы, СПС, опираемся не просто на западничество, а на западничество, укорененное в России. Вообще западничество – это давнишняя российская традиция.

«Н.В. Гоголь среди русских художников в Риме». Дагерротип. 1845 г.

– А что любить в России в кровавом XX веке?

– Он тоже для нас не потерян. Один из главных их козырей (я имею в виду левых и так называемых «патриотов») – Отечественная война. Тут идет не знающая границ апология Сталина. Но вот вопрос: мы выиграли войну благодаря тому, что «великий вождь» растерзал нашу армию в самый ее канун или вопреки этому? Наверное, вопреки. Войну выиграл не Сталин, а народ. Войну выиграли, если угодно, либеральные ценности – стремление защитить свой дом, свою культуру, язык, частное пространство малой родины. Возьмите хотя бы патриотические песни тех лет – «Землянку», «Темную ночь» и др. Знаменитое стихотворение Симонова «Жди меня»... Это что – коммунистические гимны? Да нет, это апелляция к абсолютно частным, либеральным ценностям. Так что Россию минувшего XX века можно и нужно любить, конечно, и за эту тяжелейшую победу.

– Все-таки, насколько я понимаю, вы сейчас высказываете свои личные взгляды. В какой мере они распространены внутри СПС?

– К сожалению, в СПС до сих пор господствует экономико-центричная, технократичная линия, о которой я уже говорил. Просто благодаря тому, что ведущую роль там играют известные вам фигуры – Гайдар, Чубайс, Немцов... Это все уважаемые люди, мои друзья. Но они либо либеральные экономисты, либо либеральные управленцы. К сожалению, как я уже сказал, вся гуманитарная проблематика у нас была отодвинута на задний план. Это часто бывает, не только в России. Но СПС – молодая партия, у нее есть все возможности устранить это упущение. Кстати, мне была поручена формулировка партийной программы, и то, о чем я вам сейчас говорю, не просто мои личные взгляды, это уже входит в программу. В частности, тезис о том, что патриотизм – это желание блага стране... Кстати, любые экономические реформы, даже если они на каком-то этапе выглядят достаточно жесткими, но в конечном счете направлены на благо страны, они патриотичны.

ЕВРОПА – НАША РОДИНА

– Вы ведь были альтернативным Немцову кандидатом на пост лидера партии, но проиграли. Ваши взгляды пока не пользуются популярностью среди правых?

– Меня поддержала примерно треть проголосовавших. Это люди, которые понимают, что поворот в сторону гуманитарных ценностей необходим. Впрочем, нельзя сказать, что и другие этого не понимают. Просто схема, которой руководствовалось при голосовании большинство, была такая: пусть Немцов будет лидером партии, а Кара-Мурза – идеологом.

– На последнем съезде вашей партии Немцов сказал, что СПС можно расшифровать как Союз патриотических сил. Что это означало как раз то, что правые сейчас намерены более серьезно относиться к гуманитарной проблематике или это была просто декларация?

– Я хотел бы думать, что это был признак серьезной идейной эволюции под влиянием той идеологической линии, которую я представляю в СПС. Хотя в устах Немцова это прозвучало не очень органично. Не он это должен говорить.

– Если ваша идеология – идеология почвенного либерализма – в СПС возобладает, означает ли это, что европеизму, столь популярному среди правых, придет конец?

– Что такое органичный русский европеизм? Это не попытка стать Европой, а стремление показать, что Россия уже есть Европа. Вот я выпустил четыре книжки, посвященные знаменитым русским, жившим в Италии, думавшим об Италии, говорившим об Италии... В ряде случаев похороненных в Италии. В Риме похоронены Брюллов, Кипренский, Зинаида Волконская, Вячеслав Иванов... В Венеции похоронены Стравинский, Дягилев, Бродский... Флоренция строилась на деньги Демидовых... Современная Флоренция... Здесь все перемешано. Это наше родное. Если иметь в виду слова Пушкина про «любовь к родному пепелищу... к отеческим гробам», наши «отеческие гробы» не только в России, но и по всей Европе. Уже упомянутый мной известный русский либерал Михаил Осоргин говорил: «Любовь к Риму – это любовь к своей родине». Гоголь утверждал, что Италия – его вторая родина. Даже Достоевский называл Европу своей второй родиной. Так что мы не лезем в Европу, мы туда возвращаемся.

Другое дело, что сама Европа относится к этому настороженно. Она боится наших посткоммунистических варваров, она не верит, что мы – это та же самая традиционная Россия. Так что русский европеизм укоренен в русской культуре. Он и останется в ней укорененным. России было хорошо в Европе. И осознание этого – тоже часть русского патриотизма.

– Некоторые считают, что на правом либеральном фланге как-то само собой произошло разделение функций: СПС занимается экономикой, а всю гуманитарную проблематику вроде бы отдали «Яблоку»...

– Это не совсем верно. «Яблоко» – во многом социал-демократическая, а не либеральная партия. Она наследница тех самых шестидесятников. Можно сказать, что Явлинский – это Горбачев сегодня. Он говорит многие дельные вещи. Тем не менее, повторю еще раз, нельзя отдавать гуманитарную проблематику левым. Правые реформы обязательно должны подкрепляться правой идеологией.

– Вас, правых, упрекают в «государственном нигилизме». Не происходит ли это из-за смешения понятий: экономический либерализм предполагает, что государство должно иметь несколько четко прописанных ограниченных функций – оборона, безопасность граждан, иностранные дела и т. д. И не выходить за их рамки. То есть государство не должно повсюду совать свой нос, как это у нас было до недавнего времени и как во многом остается теперь?

– Те, кто нас в этом упрекает, говоря словами Салтыкова-Щедрина, родину с начальством путают. Они считают, что любить родину – это значит лизать зад вышестоящему начальнику. А кто не хочет этого делать, тот антипатриот. На самом деле патриотическая позиция прямо противоположна – человек, гражданин должен иметь возможность нанимать себе государство такое, какое он хочет, возможность формировать государственную систему, за которую он отвечает и которая выражает его интересы.

– «Патриоты» обвиняют не только вас, но и Путина в том, что он «не имеет ни своей патриотической партии, ни своей целостной патриотической идеологии». Не следует ли президенту в самом деле обзавестись еще и такой партией, а заодно и этой самой идеологией (кстати, не знаете, что это такое?)?

– Путин ведь тоже, строго говоря, человек без большой, проработанной гуманитарной подготовки. Хотя, я думаю, он получил образование не хуже, чем Буш-младший. Отсутствие такой подготовки – это не его проблема, это проблема, условно говоря, его ближнего круга. Когда все упирается в одну фигуру, это старые русские монархические заморочки. Президент – лишь функция от политического и интеллектуального расклада в обществе. Это тоже либеральный подход. Вопрос не в том, чтобы докопаться, «ху из мистер Путин», а в том, чтобы создать для него конкурентную идею. Он проводит некоторые либеральные реформы. Видно, что он хочет органично соответствовать некоторым общеевропейским, общемировым реалиям. Это требует соответствующего идеологического обеспечения.

– Вы готовы предоставить его?

– Задача любой власти в любом обществе, даже в самом либеральном, – собственное воспроизводство, самосохранение. Почему Петр занимался реформами? Почему Александр II их начал? Почему Горбачев вдруг затеял перестройку? Почему Ельцин предпринял радикальные перемены в стране? Да потому, что они так понимали собственное политическое выживание, самосохранение у власти. Задача интеллектуальной элиты – политических партий – запараллелить присущие власти инстинкты самосохранения с определенной интеллектуальной программой, предложить власти эту программу. Путин сейчас находится на распутье. Он идет на либеральные реформы просто для того, чтобы быть конкурентным в мире. Так же, как это делал Петр. Тот сделал это по-восточному, но пришел на Запад. Путин в значительной степени тоже движется на Запад по-восточному, сохраняя жесткую властную конструкцию. В России нет еще нормального парламента, нет нормальной свободной прессы, нет нормальной партийно-политической системы. И все-таки либеральные реформы проводятся. То есть это пока авторитарное западничество.

Наш интерес, Союза правых сил, в том, чтобы запараллелить экономические западнические реформы с внутренней демократизацией. Поэтому европеизм для нас – это не просто рынок, а это еще конкуренция идей, мозгов, партий. Интеллектуальная конкуренция. Ведь Путин тоже в значительной степени технократ. В этом смысле он близок к Чубайсу, к Немцову и др. Так что в целом в то, что он делает, требуется привнести еще и гуманитарную, духовную демократизацию.

МЕЖДУ ЛЕНИНЫМ И СТАЛИНЫМ

– Говорят, что нынешняя так называемая Русская партия (Проханов и проч.) была бы значительно сильней, если бы она не сошлась с коммунистами...

– Вряд ли она станет сильней, если порвет с ними. Я уже говорил, что основу идеологии нынешних коммунистов фактически составляет не ленинская, интернационалистская, космополитическая концепция, а сталинская, национал-большевистская, имперская. Она вполне приемлема и для русских националистов. Для них вполне приемлем образ России как новой милитаризованной империи. Именно ее они хотели бы построить. В принципе это мощная идея. Так что им и не надо сейчас размежевываться. Для них союз и идеологически органичен, и электорально выгоден. Наконец, они просто интеллектуально не готовы к «идейному размежеванию»: чтобы хирургически расчленить ленинский космополитизм и сталинский национал-большевизм, для этого ведь тоже мозги нужны...

– Еще Русскую партию некоторые по-дружески корят за то, что она грешит антисемитизмом. Все бы у них было прекрасно, зря, мол, только ребята этакими глупостями занимаются. Но разве антисемитизм и вообще ксенофобия не есть органическая черта мировоззрения этих господ?

– Здесь надо опять различать ленинизм и сталинизм. Ленин не был бытовым антисемитом – как известно, он сам «на осьмушку» был евреем. В ленинскую команду, которая разрушала православную Россию, входили прибалты, поляки, кавказцы и те же евреи. Сталин же, напротив, был антисемитом уже на бытовом уровне. Кроме того, политика заставила его бороться с космополитической партией: во время термидора он уничтожил Троцкого, Каменева, Зиновьева, Радека... Так что он вынужден был стать еще и политическим антисемитом. Так вот, наследники Ленина и Сталина здесь опять мучаются – они это тоже никак не могут сшить, чтобы не расползалось, они мечутся между интернационализмом и имперством, которое всегда было замешено на черносотенстве и антисемитизме. Это же все видно невооруженным глазом. Из сталиниста Проханова антисемитизм так и прет. А Зюганов, который никак не решится окончательно расстаться с товарищем Лениным, с этим делом не очень вылезает...

– Что, по-вашему, следует сделать, чтобы понятие «патриотизм» перестало быть объектом политических спекуляций и сделалось реальным элементом динамичной духовной жизни общества?

– Нельзя придумать общее для всей России определение патриотизма. И либеральный подход вовсе не означает, что мы хотим силой навязать всем западническую модель России. Ну чего мы будем нашим буддистам навязывать идею, что мы – Запад? Или мусульманам. Наша страна вообще до сих пор не решила вопрос о своей цивилизационной идентичности. Вот я сторонник представления, что мы Европа. Но для части нашего населения, чьи предки пришли с Востока, Россия геополитически – Евразия. Либеральный подход заключается не в том, чтобы в этом споре – а он неизбежен – задавить соперников, а в том, чтобы установить либеральные правила игры: всем дать возможность говорить, всех выслушать. Единственное условие: человек должен действовать в пользу России, а не во вред ей.

Вот традиционные западничество и славянофильство были теми идейными течениями, которые вели между собой культурный диалог, помогавший российскому самоопределению.

Россия еще очень долго будет оставаться страной с многими мнениями. В том числе и нелиберальными. Даже радикально нелиберальными. В этом смысле она может стать экспериментальной площадкой подлинного либерализма. Сейчас же наша беда не в том, что у нас очень много точек зрения, а в том, что они не предполагают культурного диалога. В том они все направлены на убиение друг друга.

Олег МОРОЗ

Туристы вместо космонавтов

Окончание. Начало на стр. 1

Тенденции общие: от отдельно взятой части организма, будь то армия, промышленность, сельское хозяйство, наука, образование, до общего диагноза, когда, издеваясь над страной, все декларируется как ей «во благо». Возможно, и во благо, но не России, а Европы и Америки.

То же самое происходит на примере полета Тито.

Гражданин США попросил у другого государства – подчеркиваю: не частной компании, а государства – продать ему право на полет на станцию, являющуюся общенациональным достоянием нескольких стран, ответственных за перспективу ее развития и использования. Поправ мнения всех участников проекта, взбрыкнув от постоянного давления и соглашательств с Америкой, всё ей уступив и проиграв от трусости и бездарности, нашли повод упереться и показать: «Мы такие!» Опять же за наш счет и вопреки всему ради откупных части ничтожного дохода в 20 млн. грязно-зеленых.

Их реформаторский почин – каждый человек в мире может сегодня обратиться к ним (а не к нам, стране, народу в лице правительства, Госдумы) не с просьбой, так как она предполагает обоснование, а с предложением «хочу» и «за сколько?».

Полететь в космос во благо ракетно-космической корпорации с членами совета директоров, часть которых не имеет к ней никакого отношения и понимания; пойти в поход на атомной подводной лодке в боевое дежурство во благо выживания стареющего нашего флота; полетать на опытном истребителе во благо штопорящей авиационной промышленности...

А кто-то может пожелать нажать и на ядерную кнопку, шарахнув по «излюбленному месту» на земном шаре. Оказывается, весь вопрос в цене. Главное – «я хочу», а вы – государство, или как там называетесь, в лице Коптева, Клебанова и пр., скажите, сколько это будет стоить. Мы договоримся – я, Тито или кто-то ему подобный, а вы – «государство».

Бред сивой кобылы, скажет каждый. Возможно ли так опускаться в глупости и всеобщей пассивности взирающих на верховновластные упражнения? Так и хочется сказать «Долой!» безответственным выскочкам во власти, министрам с портфелями членов совета директоров подведомственных им компаний, ведущим «аскетическую» жизнь на госокладах не выше 10 тысяч рублей и представляющим нас с вами в «Газпроме», РАО «ЕЭС», и всех тех компаниях, распоряжающихся кладовыми наших народных богатств, умиляющихся нашему терпению, патриотизму не во имя страны, а во имя их богатых, престолонаследных правителей России.

После таких шагов за выживание нашего государства (а значит, нас с вами) теряется цель высокого служения Отечеству не щадя живота своего, во благо ему. На чем расти будет новое поколение – на торговле идеалами отцов и матерей, истории нашей? Во имя чего жить будут – во благо хапнувших общенародное, их дворцов и двойных гражданств, а значит, и морали?

С чем пойдем в космос – с желанием только побольше заработать, потеряв мечту в светлое, возвышенное? Нет, не верю в такое будущее и не хочу его. Или мы народ единый со славной историей предков, их заветами, или будем жить кто во что горазд. Это и есть новая идеология, которая стремится вырвать у нас прошлое.

Мне могут возразить: а почему бы не дать возможность тем, кто хотел бы ощутить космос, посмотреть на Землю со стороны глазами рядового обывателя, за их деньги, если техника надежна и такая возможность есть?

Конечно, сегодня космонавтика достигла такого уровня, что возможны полеты вокруг Земли обычных людей, способных платить за свою любознательность. Но для этого надо создать соответствующую туристическую программу, условия ее реализации, у которой будут свои цели, коммерческие и рекламные задачи. Такая программа может осуществляться как государством, так и на акционерной основе рядом государств. Но сегодня даже самые предприимчивые американцы не пошли по этому пути, им недосуг и не хочется ставить копейку выше престижа.

Такая программа должна не мешать тем, кто должен идти вперед, имея свободу и ограждение от посягательств на творчество коммерций, создавая новую технику, определяя перспективу прогресса общества научными открытиями и высокотехнологичными достижениями, открывающими мир познания дальнего космоса.

Идти на поводу чьих-то желаний, пусть даже за большие деньги, государству не к лицу. Оно должно на законодательном уровне защитить национальное достояние от обслуживания чьей-то прихоти. Вся циничность этих деяний просматривается даже на примере состава экипажа, в котором бортинженером выступает бывший секретарь Совета безопасности Батурин, который на закате «романтической юности» сумел второй раз пробиться в космос. Не по заслугам в инженерной работе, не по таланту ученого, а как чиновник высшего разряда за заслуги или услуги тем, кто сегодня эксплуатирует космонавтику. В экипаже наглядно спаялись политическая воля, конъюнктура, преодолевшая российско-казахскую границу, окучивание служебного положения в личных целях, а может, и как разменная карта, когда в космос отправляют обмишулившегося чиновника из власти, как за рубеж в посольства, и тех, кто считает, что за деньги можно все.

В. ЛЕБЕДЕВ во время второго полета в космос, 1982 г.

В интервью, опубликованном в №7 за 2001 год журнала «Новости космонавтики», отвечая на вопрос корреспондента, оправданно ли пребывание пассажира на борту, командир корабля «Союз ТМ-32» Мусабаев заявил: «А почему бы не заработать, если третье место свободно?»

Но в таком случае напрашивается вопрос: а почему его не занять нашим ученым в области наук о Земле, ведь это место и было предназначено для космонавта-исследователя. Что, у нас уже нет задач, условий и аппаратуры для его работы на станции? В таком случае и в кресла командира с бортинженером можно посадить пассажиров, так как наша техника позволяет спокойно доставить их на станцию в автоматическом режиме. И будет уже не 20, а 60 миллионов долларов в кармане. А с героической миссией, как их на станции разместить, накормить, удовлетворить их любознательность и назад отправить, для основного экипажа станции не составит особого труда, так как им приходится столько грузов принимать и отправлять. А если еще за каждого богатенького им и всем специалистам, обеспечивающим полет, выдать премию, то проблем вообще не будет.

Конечно, космическое пространство привлекательно. Пока его стерильная среда засоряется отработанной техникой, что уже неприемлемо, но выносить туда проблемы нашего общества на Земле недопустимо. Дорога космонавтики прокладывается сегодняшними реформаторами в никуда, а точнее, в направлении обслуживания интересов тех, кто ею управляет, и тех, кому позволяется ее эксплуатировать в ущерб нашим национальным интересам.

Если Ю. А. Гагарин осуществил мечту человечества, открыв дорогу за горизонт наших представлений в познании жизни Вселенной, то такие полеты через 40 лет после него засоряют чистую дорогу в космос низменным земным проходимцев.

Нельзя путать божий дар с яичницей. МКС только разворачивается как экспериментальная научная лаборатория, в ней сейчас идет отработка всех звеньев обеспечения полета с отладкой функционирования всех систем орбитальной станции во взаимодействии представителей разных технических школ – участников проекта. В этот период безопасность экипажа зависит от глубины профессиональных знаний и сплоченности экипажа. По сигналу возможной аварии в случае пожара, разгерметизации космонавты обязаны в минимальное время, исчисляемое минутами и даже секундами, оценить ситуацию, резервное время возможной борьбы за живучесть станции, чтобы принять решение, в крайнем случае, не покинуть с обязательным захватом с собой контейнера с материалами исследований.

А экипаж нагружают дополнительным грузом – туристом, который, естественно, не сможет адекватно оценить степень опасности, реагировать на нее, а следовательно, и вести себя, усугубляя тем самым сложное положение. Оправданно ли это путешествие, понижающее безопасность членов коллективной международной команды таким довеском? Полагаю, об этом надо спросить всех участников проекта. Изначально мы создаем климат своеволия в общем деле.

Разменивая наши исследовательские возможности на МКС на частные задачи, которые расходятся с общей идеологией станции, мы посягнули на корпоративные обязательства по реализации общих возможностей. Не к лицу нам занимать такую позицию в сотрудничестве по освоению космоса. Столбовой дорогой космонавтики является изучение Земли, возможностей космоса, познания Вселенной, чтобы жизнь людей стала лучше и более предсказуемой, а не сдача кораблей в извоз для катания на космических горках.

Яна ДЖИН

Толстые и скучные

В Америке, похоже, приживается новая традиция – печально-торжественные собрания, посвященные 11 сентября. Месяц со дня трагедии, два, три, четыре... Предсказуемо ведет себя на этих собраниях публика. Все изрекают одну и ту же мудрость: кажется, что с тех пор прошла уйма времени!

И действительно, американцы заметно повзрослели. Американцы научились стареть.

В самые последние недели обнаружилась еще одна тревожная тенденция. Американцы, постоянно стремившиеся к укреплению мышц и призывавшие к индивидуальному бессмертию, стали вдруг выказывать скандально халатное отношение к здоровью. Круто пошла в гору торговля алкоголем и табаком. Одна из ведущих телекорпораций NBC впервые за десятки лет нарушила строжайшее табу и вернула в эфир рекламу крепких спиртных напитков.

Традиционно угодная себе и весьма довольная собой американская нация стала постепенно свыкаться с ужасающей догадкой, что не все вечно под солнцем. В том числе жизнь американских граждан. Жаль только, разумеется, что так дорого обошлось американцам это «азбучное» умение сомневаться в собственном бессмертии.

И до 11 сентября американцев всерьез тревожило увеличение физического веса молодежи и приход на смену поколению X поколения XXL – очень толстых. Но тревожил больше с эстетической и медицинской точек зрения. С началом же войны, когда на телеэкранах замелькали образы исхудавших в кость, озлобленных судьбой и бомбежками афганских молодых людей, проблема ожирения обрела в сознании американской элиты конкретно-историческое измерение. А именно: воевать нам придется, вероятно, долго. А из супертолстой молодежи супервоин не сделать.

Теперь споры в обществе касательно борьбы с ожирением вошли в соответствующее русло: вместо запрета на производство гигантских бургеров в пришкольных «Макдоналдсах» предлагают включать в школьные программы... патриотические молитвы.

Но в целом возвращается к привычным формам.

Телестанции, особенно новостные, в целом оправились от шока террористических атак и сосредоточились на привычных темах и скандалах. Лишенные роскоши «прямых круглосуточных трансляций с фронта», как было в добрые старые времена телегеничной войны против Ирака, они нашли спасение в почти ежедневных пресс-конференциях с новопровозглашенным американским сексимволом – министром обороны США Дональдом Рамсфелдом. Этот моложавый патриций 70 с лишним лет на большинство вопросов отвечает своей уже знаменитой фразой: «Да, я располагаю информацией, необходимой для ответа на ваш вопрос, но, нет, делиться этой информацией я с вами не буду!»

Как правило, журналисты хохочут и аплодируют. Иначе будет непатриотично.

Как правило, министр держит сейчас на лице выражение не охочего до драки ковбоя, а уставшего вояки, которому вместо разговоров о террористах было бы интереснее попивать виски на собственной роскошной вилле. Эта мина очень подошла и вице-президенту Дику Чейни. Который тоже как бы устал. Но одна мысль о том, что эти два пожилых и очень богатых человека могут вдруг решиться бросить все к чертям и вернуться на свои виллы, наводит на каждого американца ужас. Ибо они знают цену своему президенту. Хотя и скрывают это знание, понимая его неуместность в военную годину.

В общем, все стало скучно, привычно и размеренно до зевоты.

Сегодня здравомыслящий американец приходит к выводу столь же плачевному, сколь универсальному: зло творится ныне с такой настойчивостью, что стало не просто обыденным явлением, но еще и несносно скучным. Поэтому я легко представляю себе, что будет с рейтингами телепрограмм, если Усаму с Омаром все-таки выловят и начнут судить. Через пару часов придется переключать каналы на программы, демонстрирующие реальную жизнь «за стеклом». Чтобы не умереть со скуки.

http://1965, new mail.ru

Как немцы с марками прощались

Пожалуй, никто в Европе так не усердствовал по поводу введения в обращение единой валюты, как немцы. Большинство местных политиков и сейчас, после появления новых, веселеньких, разноцветных купюр на руках у населения не сомневаются в правильности этого шага. Ну а что приобрели или потеряли обычные бюргеры с наступлением эры общеевропейской валюты?

Захожу в расположенный от меня в паре кварталов «Дрезднер банк». Сразу бросаются в глаза непривычные очереди к стойкам. Люди несут оставшиеся дойчмарки, которые можно до конца февраля без процентов и ограничений класть на счет. Тут же в аккуратные мешочки служащие банка пакуют мелочь, которую до последнего пфеннига сдают немцы. Удивительно, что у некоторых в руках большие пластиковые пакеты, наполненные медяками. Ситуацию прояснил знакомый банкир. Как выяснилось, это детские деньги из копилок, которые есть у каждого ребенка. На вопрос, как банк справляется с таким масштабным обменом денег, Оливер Эрнст ответил, что сказалась тщательная двухлетняя подготовка. Несмотря на очереди, ажиотажа не возникло. Хотя, конечно, были привлечены дополнительные силы. Например, сеть немецких сберкасс организовала передвижные пункты приема, где можно было поменять на евро до двух тысяч марок. В первые дни января в эти палатки-обменники стояли огромные очереди. Сейчас уже больше двух третей марок изъято из обращения. Нет сомнений, что обмен пройдет без осложнений и в срок.

Правда, до сих пор определенные неудобства возникают в маленьких магазинах, которые отказываются принимать оставшиеся марки в уплату за товары. Хотя по закону должны это делать до 28 февраля. Как правило, продавцы ссылаются на сложности с пересчетом и проблемы с бухгалтерией, отсылая незадачливых покупателей в ближайший банк.

Однако все эти несущественные для населения мелочи, связанные с технической стороной дела, которая в Германии четко организована, перехлестывает один негативный момент – рост цен. Первое неприятное удивление у меня по этому поводу вызвал местный домоуправ. Обратившись к нему с просьбой продать жетоны для стиральной машины (стирка в доме производится в подвальном помещении на общественных агрегатах за небольшую плату), он вдруг заявил, что они подорожали вдвое. На вопрос, а почему, ответил просто: «Так все же дорожает!» Понятно, что это был не показатель. Главный хозяйственник моего двора просто решил воспользоваться ситуацией и сделать маленький бизнес. Но примерно то же самое произошло, извиняюсь, и с немецкими туалетами, а это уже совсем другой – общенациональный масштаб. Вместо обычных 30 пфеннигов за услугу в них вдруг решили брать в два раза больше – 50 центов (один евро примерно равен двум маркам). Но, так как турникетов и прочих заградительных барьеров при входе в эти заведения в Германии нет и оплата не принудительная, а по желанию, народ, не сговариваясь, установил собственную границу благодарности – 20 центов.

Продолжая тему бытовых услуг в противоположном, так сказать, направлении общепита, стали очевидны и другие «евронеприятности». Выросли чаевые. Раньше немец, да и я тоже, переплачивал в ресторанах и пивных сверх счета, хотя чаевые в него официально включены, от трех до пяти–семи марок. Теперь ту же сумму, но в евро. Почему? Я вот тоже задавал этот вопрос знакомым и самому себе. Просто люди платить один-два евро официанту чисто психологически не могут, как бы считая это неприлично маленькой суммой. То же самое относится и к такси: 1–3 марки сверх счетчика превратились в 1–3 евро.

Печальнее другое: в большинстве немецких магазинов при чисто механическом пересчете всех цен с марок на евро персонал чуть-чуть «ошибся», всего на несколько центов, но в свою пользу. Что называется, курочка по зернышку... При этом большая часть продуктов подорожала просто так – за компанию, – без объяснения причин. Повысилась плата за проезд в общественном транспорте, объявлено о росте телефонных тарифов крупнейшей компанией «Дойче телеком».

Хотя, конечно, причины есть. Сколько ни убеждают политики, что евро – это здорово, сильная и стабильная марка осталась в прошлом. Сначала к ней подвесили средние и откровенно слабые валюты 11 стран Евросоюза, теперь, отказавшись от нее, Германия будет экономически тащить весь валютный союз. Не секрет, что на 80 процентов европейскую интеграцию, включая евро, оплачивают немцы. Не случаен и беспрецедентный рост цен в Германии за прошлый год – два с половиной процента. Такого скачка не было с пятидесятых годов. Поэтому понятно, что на бытовом уровне в разговорах люди в основном не в восторге от введения общей валюты. Обычный ответ: «Все подорожало, и конца этому не будет». Более оптимистически отреагировала на мой вопрос соседка Виола Бриль: «Цены-то вроде повысились, но по цифрам все стало стоить почти вдвое меньше, а это все равно приятно. Опять же долги наполовину сократились». Правда, в одночасье, после перевода франков, песет, эскудо, гульденов и т.д. в евро, немцы увидели, что цены у них в сравнении с другими странами ЕС почти по всем позициям ниже. Например, пресловутый гамбургер в Париже стоит 5 евро, а в Германии – 2,5. Вопрос в том, надолго ли сохранится такая разница. В Европейской комиссии уже лежат законопроекты о выравнивании цен в Европе. Понятно, что не в сторону их снижения. Наверное, тогда многие в ФРГ осознают, что старая марка была куда как надежнее евро. Но за удовольствия – возможность жить в единой Европе, без границ и обменных пунктов – всегда кто-то должен платить.

Олег ЧУМАКОВ,
соб. корр. «ЛГ» в ФРГ, БОНН

На всех не угодишь!

Финская кухарка участвует в управлении государством

Недавно довелось побывать на заседании парламента Хельсинки – совета городских уполномоченных. Первое, что бросилось в глаза, изрядное количество женщин, навскидку – не менее трети депутатского корпуса. И симпатичных навыбирали!.. У нас-то в Питере всего одна прекрасная дама на 50 депутатов.

Зал заседаний их совета напоминает, скорее, офис – хоромам нашего Мариинского дворца не чета. Зато у каждого на столе монитор, на стене большущий экран, который фиксирует буквально все: пункт повестки, регламент выступающего, поименные результаты голосования... До боли знакомые нам ситуации, когда депутат приходит (на работу!), но демонстративно не регистрируется (а просто, как сказал один народный избранник, «не желаю участвовать в этом фарсе»), или, наоборот, регистрируется и покидает зал, а за него орудует ключом коллега по фракции, абсолютно исключены. Как и срыв заседаний ввиду отсутствия кворума – все места заполнены. Если уполномоченный не может прийти на заседание, его заменяет запасной из той же партии.

Сидят, как в конторе, перебирают бумажки, глядя на монитор, слушают, как что-то вещает спикер, переходя с финского на шведский и обратно... Я бы назвал эту картинку «Прагматики на службе граждан». К примеру, администрация Хельсинки внесла инициативу изменить строительные нормы и снабжать лифтами все здания, начиная с трехэтажных, в интересах инвалидов и пожилых людей. Новшество продиктовано тем, чтобы сэкономить на социальных расходах, но суть от этого не меняется! Лифтами оснащают и старые дома. Государство несет 40 процентов расходов по этой программе, город – 10 процентов, то есть из каждых двух новых лифтов один бесплатный, за другой жильцам надо платить дополнительно, но в этом и проявляется внимание общества к немощным и старым. Совет одобрил ход ее реализации и двинулся дальше.

Как вдруг в этой упорядоченной схеме наметилось какое-то брожение. Пригляделся – по рядам гуляет петиция: двое уполномоченных обнаружили, что по ночам в предпраздничном Хельсинки мало общественного транспорта и люди вынуждены мерзнуть на остановках (мне-то казалось, что трамваи тут ходят как часы, а метро лишь ненадолго закрывается), и просят транспортную комиссию к Рождеству увеличить подвижной состав. Спрашивается, почему было не заявить об этом с трибуны? Ответ неожидан: система управления городом ограничивает права уполномоченных обсуждать то, что им вздумается.

Фактически Хельсинки управляется как концерн. Городских уполномоченных выбирают раз в 4 года по партийным спискам, так что из 85 членов совета лишь один независимый. Они в свою очередь выбирают мэра сроком на 7 лет и городское правление – на два года, как правило, на основе пакетных соглашений. Скажем, в нынешнем совете доминируют консерваторы и социал-демократы, а возглавляет его представитель «зеленых» – за это им пришлось поступиться рядом постов в исполнительных структурах правления. При этом никакой межпартийной полемики. Считается, что наличие «идейной» оппозиции в системе городского управления тормозит процесс принятия решений. Демократия, где ты, ау?

Парадокс и в том, что совет (напомню, высший орган власти) не распоряжается своей повесткой дня, ее формирует правление, которому он делегировал часть своих полномочий. Вот и приходится пускать обращение к исполнительной власти по рядам. Ну а поскольку транспортную петицию подписали более 80 депутатов, можно не сомневаться, что все гуляки разъедутся по домам, добрым словом вспоминая благодетелей из совета.

Учет общественного мнения – один из ключевых факторов в системе любой демократии. С ним вечно возникают проблемы: мнение имеет свойство разделяться. Вроде ясно, что позицию большинства надо брать за основу, но как при этом меньшинство не ущемить? А главное, всегда ли большинство компетентно? Так, недавно в двух районах Ленинградской области параллельно с выборами депутатов прошли референдумы о строительстве молельни «Свидетелей Иеговы» в Сосновом Бору и алюминиевого завода под Всеволожском. Мнение жителей обещано было учесть, но учитывать нечего: ввиду низкой явки избирателей референдумы признаны несостоявшимися... Чуть раньше проект закона о местном референдуме был принят в Петербурге. Я сам участвовал в некоем плебисците в ходе муниципальных выборов – о намерении властей внедрить элитный дом в сквере на Каменноостровском проспекте. Почти все, кто проявил гражданскую активность, высказались против, но к урнам не явилось и половины избирателей. Как прикажете трактовать наш коллективный позыв?

Тем примечательнее оперируют общественным мнением наши северные соседи, с их устоявшейся демократией. Никаких референдумов по ключевым вопросам городской жизни у них не проводится! Из уст лорд-мэра Хельсинки суперобаятельной Эвы-Риитты Сиитонен прозвучало жесткое признание: «На каждого не угодить. Ведь никто не хочет жить рядом со свалкой, нам же надо думать о потребностях города. А городу нужен завод по переработке отходов».

Иными словами, бремя непопулярных решений несет избранная горожанами власть. Не сумеет убедить в их необходимости – в следующий раз не изберут. Любопытно, что в Финляндии, как в ряде других стран Запада, нет нижней планки явки, при которой выборы считаются легитимными. Не голосуют – значит, не против сохранения статус-кво. А высокий процент голосующих можно трактовать как сигнал общественного недовольства.

Вообще в истории Финляндии было два национальных референдума: в 1932 году об отмене сухого закона и в 1994 году – о вступлении страны в ЕС. Случается волеизъявление и на местном уровне. Совсем недавно шла речь о возможном объединении городка Раахе и коммуны Паттийоки. Большинство горожан были «за», 53 процента жителей коммуны воспротивились. И слияние не состоялось.

Но в Хельсинки общественное мнение предпочитают выяснять с помощью городских социологических опросов. Они проводятся раз в два года и касаются качества услуг в самом широком спектре. Скажем, какова должны быть дотация на ребенка, содержащегося дома при отсутствии места в детском садике? Социологи опытным путем вывели сумму, приемлемую и для семейных кошельков, и для городской казны. Программы исследований разрабатывают на три года, кроме того, проводят экспресс-опросы (говорят даже, что горожан ими перекормили – отвечать стали неохотно). Результаты поступают в комиссии городского правления, принятые там решения утверждает – или отвергает – совет городских уполномоченных.

Серьезные дебаты развернулись вокруг предложения на месте старых, еще царских времен, кирпичных складов построить музыкально-образовательный комплекс. Впрочем, проекта еще нет, но «зеленые» уже выступили против внесения корректив в генплан и сноса старой застройки. Так, может, не дожидаясь политизации конфликта, провести на эту тему референдум? В ответ г-жа Сиитонен лишь улыбнулась и поведала о том, что... у 63 процентов горожан есть домашний выход в Интернет, остальные имеют бесплатный доступ к Сети в своих офисах, в школах, вузах, наконец, в городских библиотеках.

Вот интересно: у нас приобщают к компьютеру молодежь, власти Хельсинки организуют Интернет-курсы для пенсионеров. А поскольку «паутиной» охвачены все, обсуждение городских проектов ведется в режиме on-line, с участием жителей и чиновников, последним иногда крепко достается. Во всяком случае, по упомянутой проблеме уже «нарисовался» компромисс – один из старых складов, возможно, сохранят. Так через Интернет и независимую прессу горожане вовлечены в самоуправление. Поневоле приходишь к мысли: будь все наши граждане при Интернете, вряд ли стоило бы огород городить с референдумами.

Самое удивительное открытие я приберег для концовки: в финляндской столице, с ее 550-тысячным населением, нет районного и местного звена. Это единая коммуна. «А как же насчет высшей формы демократии, как насчет реализации прав каждого?» – упорно лез я со своим уставом в чужой монастырь. «Чем содержать еще два уровня бюрократов и проигрывать в эффективности управления конкурентам, лучше мы эти деньги потратим на социальные нужды горожан», – возразили служаки из мэрии.

Есть такая нехитрая шутка: «Чем отличается экономист от бизнесмена? Экономист знает, как работает экономика, но она у него не работает. Бизнесмен не знает, как работает экономика, но она у него работает». Переиначив ее, можно сказать, что в Хельсинки не заботятся о формальных признаках демократии, но, по-моему, там она работает.

Аркадий СОСНОВ,
ХЕЛЬСИНКИ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Мы не знаем себе цену

Свыше 100 000 интеллектуалов во Франции не имеют постоянной работы

Анна и Марина Рамбах зарабатывают на жизнь пером. Пишут в основном за других, что называется, «негры». Правда, Анна уже опубликовала под своим именем два триллера. Литература, как известно, кормит не всех и не всегда досыта. Как-то, в дни полного безденежья, им пришла в голову мысль: а что, если написать о таких, как они? О перебивающихся случайными заработками интеллектуалах? Набросали план будущей книги и разослали издателям. Ответ был одинаковый: таких, как вы, десяток-два, и эта тема никого не интересует... И лишь Клод Дюран, возглавляющий издательство «Фаяр», нашел идею оригинальной, подписал с ними контракт и даже выдал аванс со словами: «На голодный желудок много не напишешь...» Получив чек на 11 тысяч долларов, девушки не верили своему счастью... Книга под названием «Неустроенные интеллигенты» привлекла к себе внимание.

– Так сколько же вас, «неустроенных»?

Анна. На основе полученных от профсоюзов данных мы чисто эмпирически вывели число: больше 100 000. Это очень приблизительно.

Марина. Все свободные журналисты, которых мы встретили, не являются членами профсоюза и поэтому никем не учитываются. У меня, например, нет никакого официального статуса. Таких много. Можно считать, что «неустроенных» на самом деле вдвое больше. Потом есть люди, которые в ожидании постоянной интеллектуальной работы подрабатывают в соседнем супермаркете. Они не входят в число «неустроенных», хотя на самом деле таковыми являются...

– Оказывается, больше всего временных работников и почасовиков в государственном секторе.

Анна. Это прежде всего образование и наука. В музеях много временных гидов. А различные ассоциации, курсы и кружки при мэриях используют почасовиков. Контракт на временную работу с одним и тем же человеком нельзя подписывать более трех раз – затем его следует брать на постоянную. Некоторые организации даже завели в компьютере специальные программы, которые следят за тем, чтобы регулярно менять временных работников. А с почасовиком еще проще – он не на контракте, и его можно использовать годами. Что же касается работы «по-черному», это вообще особая статья. Официально она не существует – на нее ведь нет инструкции. Просто все закрывают глаза...

– «Неустроенный интеллигент» – новое явление. Каковы его причины?

Марина. Экономический кризис. Временная работа существовала и раньше, например на телевидении. Но она стала массовой в 80-е годы. В книгоиздании контракты на постоянную работу редкость.

Анна. Другая причина: все больше молодых получают высшее образование.

– Из-за кризиса и недостатка рабочих мест им не остается ничего другого, как жить с родителями и продолжать учебу...

Анна. Это еще и социальная политика. Тридцать лет назад отбор в школе был строгий, а сегодня подростков толкают на то, чтобы они учились. Влияет и новое разделение труда в мире: работа интеллектуальная или в сфере обслуживания – здесь, а производство переводят в бедные страны. Я не помню цифры, но количество занятых в культуре возросло невероятно. . Несмотря на кризис, уровень жизни значительно повысился. А с переходом на 35-часовую рабочую неделю появилось больше свободного времени.

– «Неустроенный» мечтает о постоянной работе, но ему претит отсиживать весь день в офисе, где ему к тому же «промывают мозги»...

Марина. Я думаю, что ему хотелось бы получать зарплату и работать дома. То есть иметь уверенность в завтрашнем дне, но не подвергать себя зомбированию. Он критикует предприятие за негибкость, напряженную обстановку и большую трату времени впустую.

– ...особенно на бесконечных совещаниях, которые стали настоящей «французской болезнью»... Я вижу, у вас стоит тренажер. Когда человек привык, встав утром, крутить велосипед, вместо того чтобы бежать к девяти на работу, трудно перестроиться...

Анна. Нам не позавидуешь... Мы много работаем, сроки обычно сжатые, мы сами покупаем и ремонтируем за свой счет технику. Тратим силы и время на поиски заказов, а потом на то, чтобы нам заплатили... К тому же надо постоянно заводить и поддерживать полезные знакомства... Все это отнимает очень много энергии. На предприятии тоже работать несладко, но у рабочего дня есть начало и конец, а «неустроенный» вкалывает все время. Для него не существует выходных. Какая там 35-часовая рабочая неделя!

– И тем не менее он не всегда соглашается на постоянную работу?

Марина. Есть области, где нет смысла быть «неустроенным» – в школе или вузе. А вот в прессе... Очень многие журналисты говорят, что в редакциях отвратительная обстановка – чуть ли не поголовное пьянство или депрессия... Невозможно писать то, что хочется. Многие предпочитают свободу, зная, что будут зарабатывать меньше и что это очень непросто.

– Обычно за одну страницу платят 70 долларов, а свободные журналисты нередко получают в пять раз меньше.

Анна. Хуже того. Некоторые газеты решили привлекать к сотрудничеству литературных критиков на добровольных началах: это ведь такая честь – писать о книгах!

– Поразительна творческая неуемность «неустроенных»: они создают ассоциации, пишут для души, публикуются...

Марина. Мы печатаем три книги в год, которые не приносят прибыли, но мы обожаем эту работу... Стараемся организовать наше время так, чтобы его на все хватало. Анна еще сочиняет детективы. Три недели назад ее роман был отобран на конкурсе для экранизации, она побывала в Монако на форуме, который объединил актеров, сценаристов, режиссеров и писателей. Ей нужно было платье для участия в торжествах, мы обзвонили всех знакомых и с трудом нашли его.

– Вечернее платье можно взять напрокат.

Марина. Это очень дорого, 150 долларов в день, а Анна уезжала на три дня.

– Вы тоже ездили?

Марина. Меня пригласили... Но я должна была заплатить из своего кармана 570 долларов за питание плюс билет на самолет. Так что я предпочла остаться в Париже. Организаторы форума не могли понять, почему я не приеду, и очень сожалели...

– Это называется, сытый голодного не разумеет... Кстати, «неустроенный» ведет достаточно любопытный образ жизни. Например, он предпочитает ютиться, как вы, в комнатенке, но зато в центре Парижа, поблизости от интеллектуального Сен-Жермена, а не ехать на окраину или за город, где снять квартиру дешевле...

Анна. Район имеет большое значение. Когда мы говорим, что живем на улице Дофин, к нам сразу другое отношение, чем если бы мы жили в Сен-Дени (рабочий пригород. – **Л.О.**)...

Марина. Каждую неделю я доставляю наши книги в магазины, у нас нет машины, и я хожу пешком. Если бы мы жили за городом, это было бы гораздо сложнее и отнимало больше времени.

– Другая проблема – медицинское страхование. «Неустроенные» часто оказываются неохваченными...

Марина. Почти все, кого мы опрашивали, жаловались на то, что не могут лечить зубы – слишком дорого. Я зарабатываю недостаточно, чтобы получить статус автора, который дал бы мне право на медицинскую страховку, не говоря уже о пособии по безработице или пенсии.

Анна. У таких, как мы, часто не один заработок, а несколько. В общей сложности это составляет достаточную сумму и достаточное количество часов для того, чтобы иметь социальную защиту, но закон ничего не предусмотрел для нас и вообще никак не регламентирует нашу работу. У журналистов есть профсоюз. Когда правительство решило отнять у них налоговую льготу, они стали протестовать. Льгота осталась, ее даже увеличили. А писатели ее лишились, потому что у них нет профессиональной организации, которая бы отстаивала их интересы.

Марина. Интеллектуал вообще стесняется говорить об условиях работы. Он не имеет представления о том, сколько «стоит» на рынке труда. На литературном факультете совершенно не ведут разговор о деньгах. Мы не знаем себе цену!

– Вы думаете, что ваша книга поможет что-то изменить?

Анна. Будем надеяться... Мы ежедневно получаем письма и электронные послания. В издательстве «Фаяр», пока мы работали над книгой, «неустроенные» шептали нам в коридоре: «Правильно, нужно об этом написать»... А теперь они говорят в открытую. Некоторые, прочитав нашу книгу, решили требовать, чтобы им платили больше за работу. Да, книга дала толчок чему-то...

– А в вашей жизни что-то изменилось?

Анна. Я подписала контракт на новую книгу. Но в общем... Мы думали, что работодатели станут лучше к нам относиться... Ничего подобного. Нам уже предложили «черную работу» – написать статью. И знаете о чем? О нашей же книге.

Беседу вела
Лариса ОБАНИЧЕВА

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Борис ГОРЕВ

Реформа или коммунальные грабежи?

Кому выгодно постоянное повышение платы за жилье

КАК В НАС «ЗАГОНЯЮТ» КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Вот и дождались. В Москве и многих других городах в очередной, но явно не в последний раз были повышены тарифы на коммунальные услуги.

Реформа коммунального хозяйства, которой так долго пугали налогоплательщиков, можно сказать, началась. При этом началась в условиях, когда истинное экономическое положение дел в коммунальной сфере остается полной тайной для граждан.

В последние 10 лет населению активно внушали, что оно не оплачивает получаемые коммунальные блага и поэтому повышение тарифов естественное явление. А пока добрая городская власть платит за нас из своего большого кармана.

В конце концов чиновники решили, что комплекс неполноценности у граждан в достаточной степени выработался и можно приступать к сбору долгожданных податей.

Дело в том, что власть давно поняла старую истину: от богатых ничего получить не удастся. Логика при этом проста: если даже взять по одному миллиону с каждого очень богатого человека и таких людей окажется сотня, значит, удастся собрать 100 миллионов рублей. Поэтому нужно найти способ получать деньги не с богатых, а с огромного количества рядовых горожан.

Высшей математики здесь не надо: если с каждого гражданина получить только по одному (!) рублю, то по стране это будет 140 миллионов рублей. А если по 100 рублей в месяц? Получится 14 миллиардов! Впрочем, это просто пример для понимания того, что происходит. Сегодня эту аксиому хорошо усвоили коммунальщики, газовики, энергетики, транспортники...

КАК НАС ШЕЛЬМУЮТ МОНОПОЛИСТЫ

Поднимая лишь чуть-чуть цены на хлеб, отопление, воду, электроэнергию или на проезд в общественном транспорте, т.е. на те товары и услуги, которые все потребляют каждый день, заинтересованные структуры получают огромные суммы. При этом весьма сомнительно, что эти деньги идут на улучшение дела.

Так, в тарифах на электроэнергию монополистом РАО «ЕЭС» заложены приобретение и эксплуатация крайне дорогого собственного самолета ИЛ-62, содержание множества резиденций. Другой монополист – «Газпром» – за счет тарифов построил баснословно дорогие офисы и комплексы для отдыха как на территории страны, так и за рубежом, приобрел самолеты.

Такое использование доходов от монополистической деятельности, что бы ни говорили руководители монополий, совершенно отчетливо свидетельствует о получаемых ими сверхприбылях. В нормальной стране монополист, так использующий средства, собранные за счет тарифов с граждан, давно бы оправдывался в суде.

Тем временем и без реформ цены на коммунальные услуги растут, но при этом граждан уверяют, что они по-прежнему платят около 40% от стоимости тепла, холодной и горячей воды и других коммунальных услуг.

Взглянем, однако, на факты. В ноябре 1999 г. отопление в Москве стоило 1 руб. 10 коп. **за квадратный метр жилой площади,** водоснабжение и канализация – 14 руб. 72 коп. и горячая вода – 19 руб. 40 коп. с человека, что легко определить **по квитанциям.**

Оставим промежуточные значения (за это время тарифы повышались 7 раз!) и отметим, что с апреля 2001 г. эти же блага стоят соответственно 2.60, 35.98 и 47.60. А теперь немного простейшей арифметики. Легко подсчитать, что если в ноябре 1999 г. мы платили 40 %, то в апреле 2001 г. мы оплачиваем 94% стоимости отопления, 97% стоимости холодной и 98% стоимости горячей воды. Такова арифметика, иллюстрирующая примитивную ложь о 40 %: москвичи оплачивают фактически почти 100% стоимости коммунальных услуг. А с 1 августа минувшего. 2001 года – более 100% их стоимости.

КАК МЫ РАССТАЕМСЯ С ДЕНЬГАМИ

После этого остается лишь спросить: где же те деньги и как они используются?

При этом нужно понимать, что коммунальные услуги – сфера монопольной деятельности. Исходя из этого, потребители должны абсолютно точно знать себестоимость (и все ее составляющие) различных коммунальных услуг и каким образом и куда тратятся собираемые с них деньги.

Потребители должны знать, какую прибыль и норму прибыли получает обслуживающая организация. Потому что если норма прибыли составляет более 15 – 25 %, то это значит: нас просто грабят.

Что происходит на самом деле – большая тайна чиновников. Поэтому о прозрачности в коммунальной сфере можно только мечтать и лишь догадываться о суммах, которые «фильтруются» структурами, собирающими коммунальные платежи.

Но вот суммы, которые ежемесячно собирает город за коммунальные услуги, определить легко. Если считать, что в Москве проживает порядка 3 млн. семей и плата за все коммунальные услуги для семьи составляет только 250 рублей (сумма явно заниженная), то это ежемесячно дает 750 млн. рублей, или 9 млрд. рублей в год! И это не считая платежей предприятий, учреждений и прочих юридических лиц, которые платят примерно столько же.

Для того чтобы понять, много это или мало, приведем несколько цифр из бюджета города на 2001 г. Так, расходы города на здравоохранение составляют 14,4 млрд. рублей, на транспорт, дорожное хозяйство и связь – 8,2, а на социальную помощь населению – 11,4 млрд. рублей. Суммы, как мы видим, вполне сопоставимые с вкладом населения в коммунальную сферу.

А вот что получается в масштабах страны. В 2000 г. затраты на жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) по стране должны были составить 300 млрд. рублей, это около 180 руб. на человека в месяц. Оценивая эти затраты, нужно понимать, что коммунальными услугами пользуются не только граждане, но и все учреждения, организации и предприятия. Точных данных нет, но экспертно можно оценить потребление коммунальных услуг юридическими лицами в половину от общих затрат на ЖКХ. Тогда получается, что граждане должны бы платить за коммунальные услуги в среднем по 90 рублей в месяц с человека. Что они реально и платят. Это второй подход, показывающий, что население оплачивает практически 100% стоимости коммунальных услуг.

Очень важно понять, что при существующей оплате отопления есть одна интересная особенность: бедные платят за богатых.

КАК ЗА НАШ СЧЕТ БОГАТЕЮТ БОГАТЫЕ

Известно: мы оплачиваем отопление пропорционально квадратным метрам жилья. Это позволяет предположить, что люди, определившие такой алгоритм, либо не учили арифметику, либо сознательно надувают своих наиболее бедных сограждан. Ведь отапливается не площадь, а объем. Здесь собачка и зарыта. Выходит, что **при равных площадях бедные граждане, живущие, как правило, в квартирах с высотой потолков 2,5 метра, и богатые, живущие в элитных квартирах с высотой потолков 3,5 и более метров, платят за отопление одинаково, хотя, совершенно очевидно, потребляют разное количество тепла.**

Словом, известную сказку Салтыкова-Щедрина о том, как один мужик двух генералов прокормил, власть давно сделала былью.

Коммунальная реформа, на мой взгляд, должна быть направлена не на тупое повышение оплаты, а на децентрализацию отопления и горячего водоснабжения, на замену глобальных сетей автономными системами отопления домов или даже квартир. Вот о чем следовало давно думать! А обществу вместо этого предлагают модернизировать бесконечные городские теплотрассы.

При этом известно, что автономное отопление квартиры обходится дешевле нынешних тарифов на отопление. Выходит, на самом деле нет нужды в сотнях километров труб с горячей водой. Нужны лишь услуги, определить легко. Если считать, что в Москве проживает порядка 3 млн. семей и плата за все коммунальные услуги для семьи составляет только 250 рублей (сумма явно заниженная), то это ежемесячно дает 750 млн. рублей, или 9 млрд. рублей в год! И это не считая платежей предприятий, учреждений и прочих юридических лиц, которые платят примерно столько же.

Для того чтобы понять, много это или мало, приведем несколько цифр из бюджета города на 2001 г. Так, расходы города на здравоохранение составляют 14,4 млрд. рублей, на транспорт, дорожное хозяйство и связь – 8,2, а на социальную помощь населению – 11,4 млрд. рублей. Суммы, как мы видим, вполне сопоставимые с вкладом населения в коммунальную сферу.

А вот что получается в масштабах страны. В 2000 г. затраты на жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) по стране должны были составить 300 млрд. рублей, это около 180 руб. на человека в месяц. Оценивая эти затраты, нужно понимать, что коммунальными услугами пользуются не только граждане, но и все учреждения, организации и предприятия. Точных данных нет, но экспертно можно оценить потребление коммунальных услуг юридическими лицами в половину от общих затрат на ЖКХ. Тогда получается, что граждане должны бы платить за коммунальные услуги в среднем по 90 рублей в месяц с человека. Что они реально и платят. Это второй подход, показывающий, что население оплачивает практически 100% стоимости коммунальных услуг.

Очень важно понять, что при существующей оплате отопления есть одна интересная особенность: бедные платят за богатых.

КАК ЗА НАШ СЧЕТ БОГАТЕЮТ БОГАТЫЕ

Известно: мы оплачиваем отопление пропорционально квадратным метрам жилья. Это позволяет предположить, что люди, определившие такой алгоритм, либо не учили арифметику, либо сознательно надувают своих наиболее бедных сограждан. Ведь отапливается не площадь, а объем. Здесь собачка и зарыта. Выходит, что **при равных площадях бедные граждане, живущие, как правило, в квартирах с высотой потолков 2,5 метра, и богатые, живущие в элитных квартирах с высотой потолков 3,5 и более метров, платят за отопление одинаково, хотя, совершенно очевидно, потребляют разное количество тепла.**

Словом, известную сказку Салтыкова-Щедрина о том, как один мужик двух генералов прокормил, власть давно сделала былью.

Коммунальная реформа, на мой взгляд, должна быть направлена не на тупое повышение оплаты, а на децентрализацию отопления и горячего водоснабжения, на замену глобальных сетей автономными системами отопления домов или даже квартир. Вот о чем следовало давно думать! А обществу вместо этого предлагают модернизировать бесконечные городские теплотрассы.

При этом известно, что автономное отопление квартиры обходится дешевле нынешних тарифов на отопление. Выходит, на самом деле нет нужды в сотнях километров труб с горячей водой. Нужны лишь услуги, определить легко. Если считать, что в Москве проживает порядка 3 млн. семей и плата за все коммунальные услуги для семьи составляет только 250 рублей (сумма явно заниженная), то это ежемесячно дает 750 млн. рублей, или 9 млрд. рублей в год! И это не считая платежей предприятий, учреждений и прочих юридических лиц, которые платят примерно столько же.

Для того чтобы понять, много это или мало, приведем несколько цифр из бюджета города на 2001 г. Так, расходы города на здравоохранение составляют 14,4 млрд. рублей, на транспорт, дорожное хозяйство и связь – 8,2, а на социальную помощь населению – 11,4 млрд. рублей. Суммы, как мы видим, вполне сопоставимые с вкладом населения в коммунальную сферу.

А вот что получается в масштабах страны. В 2000 г. затраты на жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) по стране должны были составить 300 млрд. рублей, это около 180 руб. на человека в месяц. Оценивая эти затраты, нужно понимать, что коммунальными услугами пользуются не только

Эрвист ЧЕРНЫЙ,
председатель совета Московского отделения «Коалиции «Экология и права человека»

Справка: цифры взяты из бюджета Москвы на 2001 г. и бюджета РФ на 2000 г.

ПОЧТА «ЛГ»

Клонирование приведет к однополому развитию

Двуполость людей вызвана тем, что любая биологическая система для устойчивости своего развития должна уметь сохранять накопленную в прошлом полезную информацию, а при изменении внешних условий уметь изменяться. Система разделена на две сопряженные подсистемы – консервативную и оперативную.

Первая (материнская) отвечает за сохранение имеющейся информации, вторая (отцовская) – за приобретение новой. Мать передает потомству *общие* для вида живых существ, отец – *частные* признаки, нужные при существующем в момент его жизни состоянии природы.

Иначе говоря, женщина «тянет» генотип из тысячелетней дали, определяя общую выживаемость вида, а мужчина – выживаемость «при данной погоде» на будущее.

Широкая *норма реакции* женщин обеспечивает им более высокую, нежели у мужчин, пластичность в индивидуальном развитии, что относится и к психологическим признакам. Отбор в зонах дискомфорта у женщин и мужчин идет в разных направлениях: благодаря широкой норме реакции женщины могут «выжить» в этих зонах за счет воспитуемости, обучаемости, конформности, попросту адаптировавшись к изменениям во внешних условиях.

Для мужчин этот путь закрыт. Выжить им удается только за счет находчивости, сообразительности, изобретательности.

В этом причина, почему мужчины охотнее берутся за новые, требующие поиска неординарные задачи (часто выполняя их вчерне), а женщины лучше доводят решение знакомых задач до совершенства.

Новаторство в любом деле – миссия мужчин. Они первыми осваивали все профессии и виды спорта. Например, вязание, в котором сейчас держат монополию женщины, изобрели в XIII веке мужчины Италии. Они же придумали бухгалтерский учет; ныне этой кропотливой работой занимаются почти исключительно женщины. Они вообще преуспевают в тех видах деятельности, в которых можно обойтись хорошо отшлифованными навыками. Например, в работе на конвейере.

Самым последним эволюционным приобретением человека были абстрактное мышление, творческие способности, пространственное воображение и юмор – в соответствии с излагаемой концепцией они должны преобладать у мужчин. И действительно, выдающиеся ученые, композиторы, художники, писатели, режиссеры в большинстве своем мужчины, а вот среди исполнителей преобладают женщины.

Исходя из проблемы пола, можно выработать отношение к проблеме клонирования. Это, по сути, переход к однополому развитию, что недопустимо в случае изменяющейся среды. А ведь сегодняшняя экологическая ситуация именно такая.

После неолитической революции человечество прекратило свою биологическую эволюцию. Эволюция перешла в культурную и социальную сферу. Преимущества телосложения, интеллекта, цвета кожи, остроты зрения не имеют более значения из-за достижений технологии и медицины. Люди, какие-нибудь сто лет назад обреченные на вымирание в детстве, теперь выживают и дают потомство, передавая ему свои генетические дефекты.

А «сохраняя» эти дефекты, люди стали болеть. Потребовалось развитие медицины, чтобы исправить положение. Но вмешательство в природу человеческого тела не пошло на пользу нашей популяции! Когда-то все были в основном здоровы, хотя чаще умирали во младенчестве и в целом жили не очень долго.

Теперь больных больше, чем здоровых. В России из 100 детей школьного возраста абсолютно здоровы только пятеро. Медицина, применяющая химические вещества, нанесла генотипу человека больше вреда, чем пользы. За вакцинацию от оспы расплачиваемся хрупкостью зубов. Другие прививки влияют на зрение. Пенициллин с самого начала применения спас огромное количество смертельно раненных; эти люди с разрушенной психикой остались жить и дали потомство. Антибиотики породили проблему лекарственно-устойчивых штаммов опаснейших болезней.

Чтобы понять суть содеянного с природой, человеку следовало бы посмотреть, что он сделал с самим собой!

Дмитрий КАЛЮЖНЫЙ

Рецепт счастья – журнал «ВнеКЛАССНОЕ чтение»

Новый российский журнал «ВнеКЛАССНОЕ чтение» появился в 2001 году. Прошло 10 лет с тех пор, как перестало существовать наше литературное и языковое единство. В республиках бывшего Советского Союза прекратили преподавание русского языка, литературы, истории, почти не издаются книги на русском языке. «ВнеКЛАССНОЕ чтение» позволяет возобновить диалог представителей разных национальных культур. С этой целью журнал включился в программу «Запад–Восток: диалог культур». Организатор – Франция. Читатели журнала есть как в России, так и в Белоруссии, Прибалтике, Польше, Германии, Австрии, Франции, Аргентине, Бразилии. Это издание позволяет проводить поликультурное воспитание, используя безграничные возможности русского языка как средства межнационального общения.

Мы беседуем с главным редактором журнала «ВнеКЛАССНОЕ чтение» Татьяной ЗЕЛЕНОВОЙ.

Надо признать, что безобидное слово «чтение» вызывает у многих людей неоднозначную реакцию. Легкий стон вырывается из уст многих пап и мам: «Ну, почему сын (дочь) не читает?»

А в самом деле, почему?

Далее, как правило, родители с удовольствием предаются воспоминаниям о своем читательском опыте, о наслаждении, которое они получали от книг, иной раз читанных с фонариком под одеялом, тайком от взрослых.

Прошу запомнить хорошее слово «наслаждение». Третьей составляющей подобной беседы является сакраментальный вопрос, как заставить родного человека читать.

Все! Больше не могу!

Я обладаю воображением, достаточным для того, чтобы унестись в мечтах «в даль светлую», но не могу понять, как можно получить наслаждение в принудительном порядке.

И все же хочется знать, действительно ли не читают. И если не читают, то почему. Готовя наши материалы к публикации, мы много размышляем, ломая копья в спорах о природе и особенностях чтения сегодня, доходя порой до кощунственного вопроса: «А надо ли вообще читать?»

И если нужно, то что же все-таки читать. Ответ прост: читать нужно и нужно читать журнал «ВнеКЛАССНОЕ чтение».

Идея журнала объединительная: мы хотим, чтобы из пункта А в пункт Б отправились навстречу друг другу читатели-родители и их дети.

В планах редакции продолжение рубрики «Истории из истории» нашего ведущего автора Михаила Капьева, в которой школьники, абитуриенты и студенты найдут исключительные по своей точности и увлекательности материалы для докладов, рефератов и даже курсовых работ. В «Материалах к биографии» мы расскажем о том, как состоялись творческие судьбы Олега Ефремова, Натальи Дуровой, Юрия Полякова, Эдварда Радзинского, Бориса Акунина, в общем, о тех современниках, которыми интересуются наши читатели и которые состоялись зачастую не благодаря, а вопреки.

Ни один российский журнал не публикует таких материалов, какие можно прочитать в рубрике «Тайны огненного континента». Автор рассматривает Россию и Латинскую Америку как совершенно уникальный тип «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба.

На страницах нашего журнала публикуются материалы о теленовеллах специально приглашенного автора Мигеля де Паласио-Кано, который принимает участие в съемках латиноамериканских сериалов.

Большой читательский интерес вызвали следующие материалы: «К юбилею Эдварда Радзинского», «Искусство риске» (интервью с каскадером Владимиром Карповичем), «Разгадывая тайны звезд» – цикл увлекательных статей об астрономии и астрологии Татьяны Торшиной. Острую полемику вызвала статья Валерия Мельникова и Владимира Цвицинского «Детский вопрос». Активно сотрудничают на страницах журнала учащиеся школ № 1230, № 1400, научное общество школы № 1195.

Мы молоды, и наш журнал развивается при поддержке многих талантливых людей, среди них Лидия Петленко, Алла Кобозева, Вячеслав Ящунин, Егор Крюков.

Журнал интерактивен: мы вышли в институты, школы, детские клубы, школы-интернаты, детские дома; налаживается сотрудничество с детскими исправительными учреждениями.

И самое главное – 30% журнального места предназначено для вас – наших читателей. Вы имеете возможность опубликоваться на страницах журнала «ВнеКЛАССНОЕ чтение». Мы открываем дорогу будущим журналистам, поэтам, писателям.

Предлагаем вам принять участие в конкурсе литературных рецензий, который журнал проводит совместно с издательством ОЛМА-ПРЕСС. Публикация рецензий началась с первого номера этого года. Победителей ждут хорошие призы и радость признания.

Анастасия ЗЕЛЕНОВА

СОСЕДИ

Заграница нашей юности

Казалось, старая Юрмала умерла вместе с Советским Союзом

Я очень люблю Прибалтику. И мой муж, оказывается, любит ее тоже. Счастливым образом мы когда-то обрели друг друга и стали любить ее вместе. Мы любим ее чистый мягкий песок, маленькие домики, старинные шпили на фоне хмурого неба, обворожительно неуклюжий акцент ее жителей, их певучие языки. В сосновом лесу нога тонула в моховой топи, грибы были на длинных стройных ножках, а холодное древнее море выбрасывало к ногам блестящие кусочки камешков, на первый взгляд казавшиеся осколками янтаря.

Еще совсем маленькой девочкой, школьницей начальных классов, мне довелось впервые попасть туда. Это была Центральная Эстония, говоря высоким штилем – край еловых лесов и глубоких лесных озер. Проснувшись утром и посмотрев в окно скорого поезда, я тут же догадалась, что попала в другую страну. Все было неуловимо другое – по-другому смотрели окна, да и сами дома стояли как-то не так.

Потом я выросла, и в мою жизнь вошли улочки Таллина и Риги. Маленькие бары в подвальчиках старого города, где можно было выпить коктейль со льдом или глинтвейн, были для нас символом западного отдыха.

И еще я помню Юрмалу, солнечный день на Рижском взморье. Волшебно звучащие названия станций: Лиелупе, Дзинтари, Майори... Бесконечный песчаный пляж, полностью покрытый телами отдыхающих.

И вот поезд, преодолев все таможни, домчал нас до Риги. Я с интересом оглядывалась по сторонам. По сравнению с моим последним шоппинг-туром сюда за детскими ползунками десять лет назад здесь кое-что изменилось, но не слишком. По фойе курсировал ветеран с орденской планкой на нищенском пиджаке – просил подать на бедность хоть 10 сантимов (что по нашим меркам не так уж мало: 5 рублей). Вокзал был новый и немноголюдный. Маленькая, составленная всего из четырех вагонов электричка, произведенная еще на безвременно почившем Рижском вагоностроительном заводе, была, наоборот, очень старенькая, гораздо старше московской. Но при этом, как и положено за границей, гораздо более чистая. Девушки-кондукторы улыбались и походили на стюардесс.

Наконец долгожданная Юрмала. Город сначала показался вымершим. Каждый третий особняк пуст, каждый четвертый – продается. Рядом с отелем птицы вьют гнезда на развалинах бывшей советской стройки, которая должна была стать новым корпусом. Да и некоторые неработающие старые пансионаты за десять лет превратились в каменные остовы, которые проще снести, чем возродить к жизни. Кафе «Юрас Перле», когда-то стоявшее на берегу моря, совсем исчезло с лица земли. Даже главная улица оказалась поразительно немноголюдной. Тихо и немного грустно. Это грусть об ушедшей молодости, о том, что все проходит. Показалось, что старая Юрмала умерла вместе с Советским Союзом.

В англоязычном путеводителе по Латвии мы прочитали: «Во времена советской оккупации Юрмала была местом отдыха военной и правительственной элиты. Позволить себе отдыхать здесь могли немногие». Ну что ж, англоязычные туристы, может, и поверят этому. Прочитав путеводитель, они, наверное, представят себе абсолютно пустые улицы эпохи застоя, по которым иногда сопровождаемые взводом охранников прогуливались генералы КГБ с супругами. А я помню совсем другую Юрмалу, по улицам которой текла толпа самых обычных россиян.

Совсем вымершей Юрмала кажется лишь в пасмурную погоду. Как только начинает пригревать солнышко, из своих укрытий выползают отдыхающие. Они прогуливаются по местному Арбату – улице Йомас, сидят в уличных кафе, совершают многокилометровые моционы по взморью и просто тихо греют тела в нежном балтийском песочке. Видимо, «функция процветания» в Юрмале уже прошла свой минимум и в городе потихонечку затеплилась курортная жизнь. Работают магазинчики и кафе, допоздна открыты бары, в хорошую погоду работает парк аттракционов.

Мы жили в отеле, прекрасном по стандартам развитого социализма: немного вытертые персидские ковры, гобеленовые кресла, бассейн с барельефами мускулистых пловцов и пловчих. Про такие отели в том же путеводителе написано, что «в них бережно сохраняется советский казенный стиль эпохи 70-х годов». Ну что ж, неплохо вышли из положения – превратили старье в антиквариат, молодцы.

Российских туристов среди отдыхающих немного. И не мудрено – с визами у нас трудности, в то время как представителям «цивилизованных стран» они вообще не требуются. Мы, например, хотели продлить свой отдых в Юрмале на пару дней, но не смогли – процедура оформления визы для россиян оказалась столь муторной, что мы почувствовали себя уязвленными и тут же отказались от этой мысли. Да и по нашим меркам отдых здесь дороговат.

Наши средства массовой информации довольно часто сообщают россиянам о том, как ущемляются в правах их бывшие соотечественники в Латвии, о националистических настроениях в этой стране. Дыма без огня, конечно же, не бывает. И гражданство они «нашим» не давали, и школы русские закрыть грозились. Но тем не менее русские не спешат возвращаться на историческую родину, значит, дело вовсе не так уж плохо. По крайней мере, деньги в Латвии, как нам показалось, находятся в руках русскоязычного населения. Хозяева кафе и ресторанов – русские, белоснежные виллы строят опять же русские и на «кадиллаках» к пляжу подъезжают представители «национального меньшинства», которое реально всегда было и есть в Латвии неумолимым большинством. Становится жалко латышей, которые в своих титанических попытках спасти нацию и язык от полной ассимиляции русскими, отгородиться от России и стать частью Евросоюза зациклились на политических вопросах и, кажется, забыли думать о своей экономической выгоде.

20 лет назад Рига, как и Юрмала, производила впечатление русского города, латышская речь была редкостью. Сейчас «соотношение сил» если изменилось, то весьма незначительно, тем не менее латышский язык на улицах слышишь гораздо чаще, чем прежде. Драконовские меры по введению государственного языка не прошли даром – по-латышски говорят продавцы, официанты, администратор в гостинице. Даже дети, играющие на улице, употребляют в своей речи как русские, так и латышские фразы. Нас это порадовало. В советские времена нежелание некоторых наших соотечественников учить язык страны, в которой они живут, несколько коробило даже нейтральных отдыхающих.

Александр КАЛИНОВСКИЙ

Не европейский это курорт, нет здесь шикарных аквапарков, многозвездочных отелей. Дороги не европейские, поезда не европейские, отели – тем более, больших супермаркетов нет. Не Европа это и даже не Москва. Но заграница неумолимо проступает даже сквозь бедную внешнюю оболочку. Редкие «Лады» и «Запоры» на улицах выглядят анахронизмами. Фары зажигают даже днем, а дорожные правила соблюдают скрупулезно, на взгляд бесшабашных российских водителей, даже слишком. В местах массового произрастания грибов у шоссе оборудованы платные стоянки. На автозаправке сначала заправляешься, а потом уже платишь за бензин. Газоны подстрижены, мусор прибран.

Был теплый летний вечер, когда наше семейство выдвинулось на автомобиле по шоссе посмотреть на обещанную в путеводителе водяную мельницу. Мы долго ехали по необычайно красивой дороге в сосновом лесу, а мельницы все не было. Наконец мы увидели на берегу небольшого озера табличку «Private property». Впереди стоял небольшой деревенский дом. Он и оказался обещанной водяной мельницей. Рядом с ней молодой мужик грузил в машину мешки с мукой. Из-за двери выглянула симпатичная пожилая женщина. «Мы бы хотели мельницу посмотреть», – робко сказала я. «Уже поздно. Все закрыто. Приезжайте завтра, – ответила она по-русски и подошла к нам. – У нас тут не только мельница, а еще и места для пикника, лодки напрокат, мангалы, удочки. Многие приезжают из Риги сюда на рыбалку, – сухо продолжила она. – Здесь у нас красиво, гуси, лебеди. А вы ведь не из Риги?» – вдруг спохватилась она. «Да, мы из Москвы». Тон хозяйки заметно потеплел, она приветливо улыбнулась нам. «Ну, заходите к нам в дом, – предложила неожиданно. – Я вам все покажу».

Хозяйку звали Элизабет. Оказывается, до 1940 года у родителей ее мужа на этом месте тоже была водяная мельница. Война обошла мельницу стороной, но сразу после (на этом месте Элизабет осторожно покосилась в нашу сторону – не обидятся ли – и почему-то извинилась) семью, в которой помимо ее мужа было еще 8 детей, раскулачили и сослали в Сибирь, в общем, пощадили многодетных, не расстреляли. Мельница пришла в запустение. Когда мужу Элизабет 10 лет назад вернули клочок земли, когда-то принадлежавший его отцу, это место представляло собой настоящую свалку. На месте развалин у маленькой речушки, вытекающей из озера, они построили новый дом с пятиэтажной водяной мельницей. Жерновов у нее нет, мельницу приводит в действие электрическая турбина. Здесь работают несколько наемных рабочих. Мука, которую производит мельница, составляет конкуренцию государственным комбинатам – она качественна и недорога.

Три года назад муж Элизабет погиб на коварном извилистом лесном шоссе – в маршрутку с пассажирами врезался рейсовый автобус, – а во владение хозяйством вступил ее сын, переехавший сюда из Риги с женой и двумя девочками. Ее невестка сложа руки не сидела, а построила рядом небольшой мотель с ресторанчиком на первом этаже. Нам очень понравились клумбы, расположившиеся на берегу озера в старых лодках без днища. Комнаты в мотеле обиты ольхой, кровати тоже деревянные, а сантехника – самая что ни на есть современная. В ресторане подают блины из муки, смолотой на собственной мельнице...

Здесь мало что изменилось. Разве что постарели на десять лет дома в центре Риги, набережные, мосты и пляжи. Но виртуальная заграница нашей юности, став настоящей заграницей с пограничниками, визами и таможнями, перестала быть для нас таковой. На фоне других, так называемых западных стран, не очень богатая и не очень европейская Латвия стала почти своей. От этого любить ее мы стали не меньше. И, как все преданно любящие, смеем надеяться на взаимность, тем более что никуда друг от друга не денемся.

Ольга БЕЛОКОНЕВА

ОДНАЖДЫ В РОССИИ

Узники желаний

«Лучше тюрьма, чем смерть», – решила мать, спровоцировав против дочери-наркоманки уголовное дело

Уйти легко. В путешествии по реке наслаждений время теряет смысл. Неведомое манит. Фантазии перемешиваются с явью. Любая мелочь – откровение. Кажется, еще шажок – и познаешь запредельное.

Но очередная доза превращает твой мир в руины. Вместо былого ощущения собственного величия пустота, боль и страх. Ты уже не центр мироздания. Ты нечто со стеклянными глазами. Уродливая тень, страшащаяся смерти и желающая умереть.

Понимаешь, что пора возвращаться. Но как? И куда?

Борис ГОРЕВ

МЕЖДУ ПОГОСТОМ И ТЮРЬМОЙ

Антонина Григорьевна показывает мне фотографии: вот Анечка в три года, вот в четырнадцать, они тогда всей семьей ездили в Италию. А здесь ей уже девятнадцать.

– Когда она была маленькой, знакомые называли ее принцессой. Правда, красивая?

Если бы не лихорадочно блестящие глаза, Антонину Григорьевну тоже можно было назвать красивой. Рассказывая, она волнуется, перескакивает с одного на другое, сама себе противоречит. И то и дело спрашивает:

– Вы меня не осуждаете?

Как я могу? Когда видишь, что ребенок погибает, хватаешься за любую соломинку, и она не первая мама, решившаяся на страшный выбор между погостом и тюрьмой. Подобных историй сейчас можно услышать множество. Одни, отчаявшись, бросаются на колени перед начальником милиции, прося посадить ребенка в колонию, другие, узнав о готовящемся «походе» за дозой, вызывают наряд. Третьи, и, пожалуй, это самое страшное, остеклянев, ждут, когда поминальные свечи освободят их от кошмара.

– Она была такая веселая, искренняя, добрая. Я ее боготворила, и я же, только представьте себе, посадила ее в тюрьму. Почему именно на Анькином пути встретился этот бандит? Эта сволочь, которая посадила ее на иглу?

На самом деле «бандит» был скорее следствием, чем причиной. Баловаться «травкой» Аня начала еще в школе. Она во всем была первой: и в учебе, и в поисках приключений. Родители не отказывали ей ни в чем, тем более что семья никогда не бедствовала.

В восьмидесятых Антонина Григорьевна заведовала крупной промтоварной базой и, когда началась перестройка, организовала кооператив. Потом открыла сеть обувных магазинов. Муж занимал довольно высокий пост в одном из министерств.

– Может быть, вы ее избаловали? – решаюсь спросить.

– Вы как мой муж. Недавно упрекнул: «Это ты ее избаловала». Но почему было ее и не побаловать? Единственный ребенок. Умница, красавица. На фоне своих простеньких и глупеньких одноклассниц просто звезда. Впрочем... – Антонина Григорьевна, так и не закончив фразы, задумалась о чем-то своем. Потом прошептала, как показалось, не столько мне, сколько себе: – Глупенькие-то глупенькие, а судьбы у всех сложились вполне благополучно...

Аня окончила бухгалтерские курсы, и Валерий Петрович устроил дочь секретаршей в известную фирму. Думали, познакомится там с кем-нибудь, выйдет замуж, будут растить внуков. Она и познакомилась. Только не там и не с тем.

– Не зря говорят: первое впечатление самое верное. Я, как увидела этого жениха в потрепанных джинсах, сразу поняла – быть беде. Но разве Аньку переубедишь? Каждое его слово ловит, в глаза заглядывает... Поначалу молодые приходили к нам каждую неделю, потом все реже и реже. Однажды звонит мать Бориса, Марина, плачет: «Приезжайте». Пока ехали, я перебрала про себя все возможные ужасы, но мысль о наркотиках даже не мелькнула. И потом, когда Марина рассказывала о том, что у них там происходило, не могла поверить.

...Машину, которую Анины родители подарили на свадьбу, молодые продали. Оба уже давно не работали, жили втроем на те полторы тысячи, которые зарабатывала Марина.

Когда Боря познакомился с Анюткой, Марина думала, что эта уверенная в себе девочка из хорошей семьи вытащит ее сына из наркотического плена. Потому и молчала. А решилась на звонок, когда поняла, что вместо одной беды в ее доме поселились две.

ПРИНЦЕССА НА ИГЛЕ

– Лечить Аньку одну не имело смысла – положили обоих. За двоих – девять тысяч долларов. Вышли они как будто другими. Строили планы на будущее и так здраво рассуждали, что мы поверили. Купили им квартиру, обставили. Борис, как говорила Анька, открыл свое дело. Действительно, вскоре у него появились деньги. Говорил, что торгует. Мы думали, куртками или сигаретами. Оказалось, наркотиками. И Аньку втянул... Поймали их, когда они, вкатив себе по дозе, пытались продать еще два пакетика. Муж кричал: не вмешивайся, пусть их посадят. Но тогда о тюрьме я даже подумать не могла. Подключила все связи, и дело закрыли. Пока муж читал им лекцию о грязном бизнесе, я перерыла их квартиру в поисках наркотиков. Выбрасывала все подозрительные пакетики и таблетки, но, видимо, выбросила не все. Стоило им вернуться к себе домой, как пошло-поехало.

...В следующий раз их положили в «Детокс» – полторы тысячи долларов. Потом уже одну Аню в центр, к Маршаку – четыре с половиной тысячи. Затем – в «Мединар».

– Там мы заплатили, кажется, пять тысяч...

После «Мединара» Аня держалась месяц, и у Антонины Григорьевны появилась надежда. Еще на месяц она увезла дочь в Европу. Ходили по музеям, театрам, магазинам. Аня стала прежней, нежной и ласковой. А через неделю после возвращения у Борьки передозировка. Поехала с ним на «скорой» в больницу, а на обратном пути сама укололась... В общем, снова «Детокс».

– Прихожу через десять дней ее забирать, а она сидит в коридоре под «кайфом». Оказывается, соседка по палате «угостила» ее героином, и их обеих выставили. У меня руки опустились. Я не злилась, я окаменела. Чем-то меня там отпаивали. Вызвали психиатра...

Психиатр уговаривал Антонину Григорьевну чуть-чуть отодвинуть от себя ребенка, чтобы не сойти с ума самой. Нельзя жить только интересами дочери, убеждал он, у вас должна быть собственная жизнь. После этого каждое утро она начинала с аутотренинга: «Не верь. Не надейся. Не гневись».

– Только это не помогало... К тому времени Борьку уже посадили: когда выносить из квартиры стало нечего, он с приятелем попытался ограбить киоск. Тут же попался. После суда Аня вернулась к нам. Вызывается сходить в магазин. «Давай пойдем вместе», – предлагаю я. «Ты что, хочешь, чтобы я укололась тебе назло?» – отвечает. Даю деньги, а сама, как безумная, мечусь от окна к окну. Возвращается. Мне даже стыдно за свое недоверие. Но на следующий день она с продуктами приходит только в полночь. Готова. Кричу как полоумная, а она смотрит на меня пустыми глазами и ухмыляется. Наутро – ломка. Вся в поту. То мечется по кровати, то забивается в угол, то воет. Жуть. Все по кругу!

Родители перестали давать ей деньги вообще, но и это оказалось бесполезным. Брала дозу в долг. Потом ей начинали звонить, угрожать. Она умоляла расплатиться, клялась никогда больше не подходить к торговцам. Родители расплачивались, чтобы ее не искалечили, а она через несколько дней снова брала в долг.

– Однажды возвращаюсь с работы, вижу, у подъезда «скорая». Ну, думаю, к нам. Дочери нет, около мужа врачи – микроинфаркт... Мы с ним тогда по очереди дежурили, не спуская с нее глаз ни на минуту. Накануне ночью она, засунув за пазуху электрочайник, пыталась выскользнуть за дверь, но муж не дал, и она кинулась на него с ножом. Когда я утром уходила, она еще спала. Проснувшись, начала требовать у отца денег, грозилась выброситься из окна. Он, естественно, не дал. Когда ему стало плохо, как будто опомнилась, дала ему лекарство. Пока он его пил, схватила пиджак с кошельком и...

Вечером она плакала, просила прощения, и они обе знали, что сейчас она совершенно искренна, и также знали, что в любой момент история может повториться.

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ ЗА ОБМАН

Вскоре после этого Антонина Григорьевна познакомилась с женщиной, которая лечилась где-то под Одессой. Там какой-то то ли маг, то ли экстрасенс, рассказывала она, творит чудеса. К тому времени от сети ее магазинов остался только один, семейный бюджет трещал по швам, но заплатить за реабилитацию две тысячи долларов они еще могли.

– Прошло три недели. Звоню даме, а мне отвечают: она здесь больше не живет и кто она такая, мы не знаем. Что делать? У меня ни адреса центра, ни даже его названия.

– Вы что, отправили дочь неизвестно с кем неизвестно куда? Сколько ей было лет?

– Двадцать два. Но женщина-то взрослая. Поверила я ей. Да в тот момент я бы, наверное, черту поверила.

Вернулась Аня через два месяца. В чужом старом спортивном костюме, вся какая-то серая, потухшая. Историю «излечения» Антонина Григорьевна вытягивала из нее по кусочкам.

Жили они в палатках, ели какую-то баланду. По утрам хозяин центра, бывший уголовник и по совместительству маг, собирал всех на пригорке у огромного, врытого в землю креста. В зависимости от заблаговременно узнанного прогноза погоды то «рассеивал» облака, то «нагонял» тучи. Потом под угрозой небесной кары и под охраной бритоголовых якобы излечившихся наркоманов воспитанники шли «мести лес». По вечерам приезжала новая смена братьев. Вернее, братков. Когда они были пьяны или обкурены, не понравившихся им мальчишек били, а понравившихся девчонок насиловали. Посмевших сопротивляться сажали в яму. Анютка просидела там три дня. Когда она уезжала, предложили и ей войти в их бизнес. За каждого привезенного наркомана обещали от двухсот до пятисот долларов. Та женщина, которая так нахваливала «центр», действительно наркоманка и одновременно поставщик воспитанников.

Вот после этой реабилитации Анька и сорвалась «с цепи» окончательно. Ломки, капельницы, героин и опять ломки... Они с мужем перестали ходить на работу, спать, есть, вообще жить. Друзья в один голос твердили: плюньте на нее, все бесполезно. Гепатит у нее уже есть, она еще и ВИЧ подхватит. Только это их уже не пугало. Со СПИДом живут и десять лет, а героин мог унести ее прямо сегодня.

– Вот это ежеминутное ожидание смерти было хуже всего. Она все время жила на краю. Страшно в этом признаться, но однажды я взяла грех на душу – стала умолять всевышнего забрать ее.

Как-то такая же мама посоветовала Антонине Григорьевне: дай ей денег, чтобы хватило на две-три дозы, выследи и, как только купит, вызывай милицию. Ведь лучше тюрьма, чем смерть. Совет показался бредовым, но чем больше все запутывалось, тем чаще она о нем вспоминала.

Адвокат, защищавший в свое время Борьку, тоже сказал, что многие наркоманы после колонии «завязывают». Надо только, чтобы попала в «чистую» зону и минимум на полгода, а лучше на год. Обещал помочь, и Антонина Григорьевна решилась. Выследила, набрала номер Управления по борьбе с наркотиками и... положила трубку. Еще раз выследила, но... вместо того чтобы вызвать наряд, тут же на улице попыталась отнять у дочери зелье. Не тут-то было, у Аньки силы будто удесятерились. Убегая, крикнула: «Ты еще пожалеешь».

– Ее не было две недели, и я действительно пожалела. Никому из подруг и знакомых она даже не звонила, и я думала, все, погибла моя Анька. Потом, когда она появилась, похожая на свою собственную тень, я и дала себе слово: в следующий раз посажу...

Там, где она сейчас сидит, с наркотиками очень строго. Ей могли бы дать полгода или даже условно, но мы с адвокатом попросили посадить ее на год. Бред какой-то. Иногда кажется, что это просто дурной сон, но наступает утро, и понимаешь, что это явь и тебе надо идти на свидание к дочери в тюрьму. Общительная Анька подружилась со своими сокамерницами – их там аж пятьдесят – и выглядит иногда даже счастливой. Обещает к наркотикам больше не прикасаться. Но это там, за решеткой, где их не достать. Удержится ли на воле? Скоро она выходит, и что с ней делать дальше, я опять не знаю. Можно продать Анькину квартиру, я, как чувствовала, оформила ее на себя, и куда-нибудь на эти деньги махнуть, например, в Таиланд. Или в Швейцарию. Как вы думаете?

– Вы же не можете развлекать ее всю жизнь?

Антонина Григорьевна не отвечает. Когда молчание становится невыносимым, произносит:

– Да, но ведь это из-за меня она в тюрьме...

Она по-прежнему чувствует себя виноватой. Но не в том, что в свое время упустила дочь, а в том, что отправила ее за решетку.

Даю Антонине Григорьевне телефоны реабилитационных центров, о которых писала. Рассказываю о наркоманах, которые держатся уже по нескольку лет. Уговариваю пойти к психиатру или хотя бы к психологу.

Она тоже узник, и чтобы разорвать цепи желаний, держащие в плену ее дочь, она должна быть свободной сама.

Людмила МАЗУРОВА

P.S. Имена всех участников этой истории по вполне понятным причинам изменены.

ОЧЕРКИ НРАВОВ

Интерактивное хамство

Прямой эфир как ушат брани на беззащитных телезрителей и радиослушателей

Дразниться лучше из окна
С восьмого этажа.
Из танка тоже хорошо,
Когда крепка броня.
Но если хочешь довести
Людей до горьких слез,
Их безопаснее всего
По радио дразнить.

Григорий ОСТЕР

По телевизору шла передача «Антропология». Гость – известный врач-сексолог Андрей Акопян – отвечал на звонки зрителей. Речь шла о разнице в возрасте сексуальных партнеров. Позвонила девушка и сказала, что ей 16 лет, а парню, с которым она встречается, – 30; сейчас она ждет ребенка; неужели ей придется выходить замуж за такого старика?

Ведущий Дмитрий Дибров почему-то принял вопрос на свой счет (как раз перед этим ему стукнуло сорок, в честь чего одну из «Антропологий» он посвятил лично себе). «Знаете ли вы, девушка, что мужчина в любом возрасте остается мужчиной, а женщина после тридцати для мужчин интереса уже не представляет?!» – примерно такой текст выдал обидчивый Дима на всю многомиллионную аудиторию.

Знаю, что очень многие зрители в этот момент подумали то же, что и я. Во-первых, это неправда: практически все женщины старше тридцати скажут, что именно в этом возрасте начинается самая интересная женская жизнь: и расцвет, и успех, и уверенность, и активность. Во-вторых, у мужчин после тридцати, напротив, начинается постепенный спад. В-третьих, в шестнадцать лет и двадцатипятилетние кажутся пожилыми, так что вопрос девочки вполне естествен.

Рисунки Игоря ГОНЧАРУКА

Но в данном случае главное не это. Ведущий оскорбил ни за что ни про что сразу всех своих зрительниц старше тридцати, а заодно и тех мужчин, которые их любят.

В другой раз включила радио. Опять интерактивное. Не помню, о чем говорили ведущие, но вдруг один из них сказал: «Нам на пейджер пришло сообщение. Иван Петрович пишет: «Народ загибается от нищеты, а вы ему рассказываете про «Формулу-один»!»

И тут ведущий выдал в адрес слушателя такое: «Я вам, Иван Петрович, желаю как можно скорее загнуться от своей собственной глупости». Услышав это, я почувствовала плевок в лицо лично себе. Первым движением было выключить погано*е* радио и больше никогда на эту кнопку не нажимать.

Мне говорят: да ты послушай другие станции, там еще не так хамят. Именно поэтому я их не слушаю. Только в автобусе, где водители включают радио во всю мощь и пэтэушные голоса ди-джеев вместе с их интерактивными слушателями льют такой словесный понос, что задумываешься об эпидемии слабоумия.

Интерактивно хамят на таких станциях запредельно. Однажды услышала (едучи в автобусе) обращение ведущего к кому-то из слушателей, звонивших в эфир: «Засуньте себе телефонную трубку в одно место» (!!!).

Хамства в нашей жизни хватает с перебором. (В городе Ростове-папе в особенности. Он с давних пор держал первенство по этому виду речевой деятельности.) Но, примерно зная, где оно нас может подстерегать, мы встречаем его в боевой готовности. А вот когда респектабельный джентльмен, весьма убедительно изображавший интеллигентного человека, без всякого основания внезапно вас оскорбляет, потрясение бывает сильным.

То же с теле- и радиоканалами. Мы выбираем те, которые считаем подходящими для себя. И уж, конечно, не такие, где нам в лицо будут хамить. Мне не нравятся так называемые интерактивные передачи ни как слушателю, ни как журналисту. Как правило, ничего интересного случайные люди в эфир не выдают. Но если уж нам сообщают номера прямого эфира и предлагают звонить и высказываться, то здесь отношения зрителей (слушателей) и профессионалов не равны. Первые могут позволить себе что угодно в меру своей воспитанности. Вторые обязаны сохранять корректность при любых обстоятельствах.

Чего тот радиоведущий ожидал? Что ему на пейджер пришлют свои соображения гиганты мысли? У интеллектуалов есть более увлекательные занятия, чем дозваниваться до радио. А этого Ивана Петровича, которому журналист открытым текстом в прямом эфире пожелал загнуться от своей глупости, легко представить и понять. Человек немолодой, скорее всего, плохо обеспеченный пенсионер, зря он, конечно, слушает станцию, адресующую передачи «среднему классу».

Его раздражает и придурковатая реклама абсолютно недоступных ему вещей, и снисходительно-развязный тон ведущих, и несмешные слоганы с претензией на юмор, и мельтешение: новости–музыка–болтовня–клип, как будто слушатель не способен сосредоточиться на серьезном разговоре. В общем, достали его. И он, как умел, выразил чувства в коротком сообщении. Но при этом не хамил. А вот поведение радиожурналиста заслуживало высшей меры наказания – отстранения от эфира навсегда.

Объектами свободы слова в виде хамства избираются слушатели заведомо беззащитные. Я за свободу слова. И против вмешательства государства в дела прессы. Но если журналисты какой-то компании постоянно подчеркивают, что они «профи» (так объясняя свои невероятные гонорары в долларах), что они вообще самые лучшие, то спрос с них по гамбургскому счету. А хамство и профессионализм – две вещи несовместные.

О профессионализме вообще отдельный разговор. Знаете, есть такое выражение: «Истинный джентльмен тот, с которым любой человек чувствует себя джентльменом». Мое представление о профессионализме в эфире сложилось на основе многолетнего слушания западных радиостанций на русском языке. Би-би-си, «Голос Америки», «Свобода» – «джентльмены», с которыми чувствуешь себя достойным собеседником. Во-первых, там обычно интеллигентная, правильная и красивая речь – это ведь тоже элемент уважительного общения.

На отечественных станциях в последние годы язык вульгарный, полуграмотный, жаргонный. Нарочно снижают стиль для демократичности? Но если журналист говорит «пара дней», «представляет из себя», «одеть» (вместо «надеть»), «беспренцендентный», «перспектива» и т.д., и т.п., ставит несуразные ударения, употребляет слова невпопад (особенно иностранные), не понимая их смысла, это говорит о невладении языком – основным профессиональным инструментом.

Во-вторых, как журналистов, так и их собеседников на упомянутых западных станциях отличают ум, глубокая образованность, компетентность, интеллигентность, при этом нет и тени высокомерия или снисходительности по отношению к слушателям, которые, естественно, менее информированы. Предполагаемого слушателя считают равным и уважают.

Отечественные журналисты и их гости как будто считают свою аудиторию умственно отсталой и либо разговаривают с нами с учительской интонацией превосходства, либо устраивают в эфире наполненный пустым трепом междусобойчик, иногда подключая слушателей. Это гордо называют интерактивным вещанием, а на самом деле это засорение эфира и мозгов. Манера общения с собеседником (слушателем) как со стоящим ниже тебя – по положению, по уму, по уровню и прочее – тоже элемент хамства.

Но есть еще одна разновидность эфирного хамства, не столь очевидного. Начинается телепередача «Женские истории», и закадровый голос Оксаны Пушкиной повествует о героине, которая обратилась в суд, «доведенная до отчаяния». Появившаяся в кадре провинциальная тетя, которую пять лет назад муж оставил с ребенком, рассказывает о своем бедственном положении. О ужас! Бывший совслужащий, а ныне «олигарх» и миллионер платит ей в месяц на ребенка всего(!) 650 долларов.

Зарыдать от сочувствия аудитории помешало умножение в уме шестисот пятидесяти долларов на тридцать рублей по курсу. Девятнадцать с половиной тысяч в месяц! Три четверти аудитории получает (за работу, а не сидя дома, как несчастная жертва миллионера) в десять, а то и в двадцать раз меньше. Знает ли об этом ведущая передачи или ей кажется, что все живут так, как она и ее окружение, исчисляя доходы в тысячах долларов? Понимает ли экс-супруга «олигарха», какие эмоции, далекие от сочувствия, вызывает своим трагическим рассказом о том, как она хотела сделать в квартире ремонт, но бывший муж издевательски сказал, чтобы она сэкономила на ремонт из алиментов, а этих денег ей, конечно, не хватило?!

И какие выражения приходят в голову миллионам одиноких и разведенных матерей, тоже «желающих быть просто домохозяйками», но обязанных кормить ребенка, папаша которого не миллионер и вообще знать не хочет о своем потомстве?! Вы считаете, не хамство со слезами в голосе рассказывать нам в эфире, от чего плачут наши богатые?

Каждый день на разных московских радиоканалах идут передачи (и что интересно – не под рубрикой «Реклама»!) о квартирах, которые продаются в Москве в строящихся домах. Квадратный метр в них стоит – «ну очень недорого!» – от 400 до 600 долларов. «Кто же может купить квартиру в этом доме?» – спрашивают ведущие наивными голосами. «Средний класс. Например, успешные предприниматели или просто люди, которые хорошо работают», – отвечают собеседники. Во как!

Оклад врача – шестьсот рублей с копейками; с дежурствами и прочим набегает восемьсот. Значит, все, кто лечит, пашет, строит, учит, просто плохо работают, если их годовой зарплаты хватает как раз на один квадратный метр в доме для «хороших людей» (как умильно формулирует реклама на тех же радиоканалах).

В «Куклах» Шендеровича когда-то был сюжет «Скупой рыцарь». Там «рыцарь» – Черномырдин недоумевал по поводу «социально неимущих»: «Ума не приложу – зачем им жить?» Эта интонация, да еще с раздражением часто звучит в голосах ведущих, когда их «интерактивные» слушатели пытаются напомнить о реальной жизни. Скрытое хамство в эфире многими не осознается – как его авторами, так и аудиторией. Но – явно или подспудно – оно вызывает раздражение, злобу. До поры до времени они накапливаются в душе слушателей-зрителей. А потом выливаются в виде агрессии, ненависти. Обычно на беззащитных.

Наталья СМИРНОВА,
доверчивый телезритель и радиослушатель,
РОСТОВ-НА-ДОНУ

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Больная душа не знает запретов

Елена Алексеевна ЯСКЕВИЧ – кандидат медицинских наук, директор департамента медицинских программ и проектов Международной ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом.

– История Ани – яркое свидетельство того, что социальное и экономическое благополучие отнюдь не барьер для наркотиков. Напротив, дети из таких семей самый желанный улов для наркоторговцев, потому что они будут качать деньги из щедрого и богатого родительского кармана. Наркоманами становятся и дети видных политиков, крупных бизнесменов, деятелей культуры, и дети дворников и почтальонов. Наркоторговцы предлагают свой товар всем по каким-то причинам попавшим в их поле зрения.

Ребенку сначала дают попробовать дурман бесплатно, затем по сниженной цене, а дальше он найдет деньги сам. Попросит у родителей на карманные расходы, продаст что-либо из своих вещей, украдет и даже пойдет на разбой.

В 80-е годы правительство Соединенных Штатов бросило на профилактику этого зла несколько миллиардов долларов и добилось того, что наркотики в общественном сознании стали ассоциироваться с низшими слоями общества. У нас же пока совершенно иная ситуация. Здоровый образ жизни общество почти не рекламирует. Оттянись, кричат со всех сторон. Выпей пивка, не дай себе засохнуть. Бесцельно торчать с банкой джина и сигаретой у метро модно, а вот бегать трусцой, помогать родителям или работать в каникулы, если семья не бедствует, увы.

Ни один подросток не начинает сразу с героина. Сначала табак, алкоголь, якобы безобидная травка, а когда она перестает «брать», героин. У некоторых после первых опытов срабатывает чувство самосохранения, и от дальнейших экспериментов на своем организме они отказываются. Но для большинства эпизодическое употребление подстегивающих психику препаратов заканчивается наркозависимостью.

Так случилось и с Аней. Она типичный ребенок-кумир, не знающий, что такое «нет» и «нельзя». Родители не научили ее ставить внутренние запреты, и в конце концов она оказалась рабыней своего «хочу».

В группе риска и дети, которым не хватает элементарного тепла и внимания. Те, кого не замечают или от кого просто откупаются. Очень часто родители как бы провоцируют своих детей. Наливают подростку рюмочку вина, дают попробовать «травку». У меня был один пациент. Его отец родом с Кавказа, всю жизнь курил анашу, позволил поэкспериментировать и сыну. В результате отец так и остался потребителем только «легких» наркотиков, а мальчик очень скоро стал законченным героиновым наркоманом.

По данным ООН, наркозависимых на планете более 200 миллионов. В России с диагнозом «наркомания» на учете состоит около 300 тысяч человек. Реальное же число лиц, употребляющих психоактивные вещества, по мнению специалистов, перевалило за 3 миллиона.

Потенциальная опасность подстерегает и ребенка, чьи родители сами зависимы от психоактивных веществ... В клинику, в которой я работала до прихода в ассоциацию, как-то поступает мужчина с диагнозом «алкоголизм». Материально обеспечен, яркая, броская личность, престижная профессия – режиссер-сценарист. Вдруг туда же в сильном наркотическом опьянении привозят его семнадцатилетнего сына. Отец призадумался. В восемнадцать лет мальчик снова попадает в клинику. Ну, думаю, теперь и отец сорвется, алкоголики стрессов не выдерживают. Выписываю ему лекарство, и в этот момент приносят результаты анализа крови сына – ВИЧ. Отец испытал настоящий шок, пить бросил, начал заниматься благотворительностью, стал довольно известным общественным деятелем.

Есть и прямо противоположные примеры. Одна мама, пытаясь спасти сына, решила, чтобы его понять, испытать действие героина на себе. Через полтора года умерла от передозировки. Кстати, сын действительно остановился. Но какой ценой?

Что касается лечения, то проблема в том, что обращаются за помощью, как правило, слишком поздно. Коварство наркотического опьянения в том, что на начальных этапах родители его не замечают. Когда понимают, что ребенок попал в беду, ищут быстрого и чудодейственного лекарства. Но, увы, его не существует.

Наркомания – болезнь души. Физическую зависимость снять легко, излечить же душу очень трудно, понадобятся месяцы, а может быть, и годы. Некоторые родители, как мама Ани, пытаются развлекать своего ребенка, дабы отвлечь его от наркотиков. Но ни одно из предложенных удовольствий не сможет затмить уже испытанных им запредельных чувств эйфории. Я знаю ребят из престижного колледжа, проводящих каникулы в Швейцарии и стоящих на учете с диагнозом «наркомания». Ни Канары, ни Таиланд сами по себе быть альтернативой не могут.

Надо научить молодого человека справляться со стрессами без допинга и получать удовольствие от трезвой жизни. Конечно, это не легко. Но возможно. Примеров, когда люди, употребляющие наркотики, отказываются от них и держатся годами, множество. Я знаю девочку, у которой ремиссия уже семь лет. Она благополучно закончила школу и сейчас учится в университете. Знаю юношей и девушек, которые, выбравшись из плена, сами открыли реабилитационные центры и успешно в них работают. Многим помогла религия – в душе, обращенной к Богу, нет места демону.

Что делать родителям, если они обнаружили, что их кумир употребляет наркотики? В первую очередь вкладить с ним контакт и обратиться к специалистам. Уговорить позвонить по нашему или по любому другому телефону доверия. Консультируем мы анонимно и бесплатно. Если разговора по телефону окажется недостаточно, привести подростка к нам. Но только не силой.

Подавляющее большинство наркопотребителей – молодые люди в возрасте до 30 лет. Более 16 тысяч состоящих на учете с диагнозом «наркомания» – несовершеннолетние. Судя же по опросам, пробовал какой-нибудь наркотик каждый восьмой, а в некоторых школах и каждый четвертый ученик.

Тревогу надо бить при малейшем сомнении в психологическом здоровье своего ребенка. Потому что наркотик – это тот случай, когда лучше перестраховаться.

Телефон доверия МАБНН: (095) 280-61-01

17 января 2002 года после тяжелой продолжительной болезни на 63-м году жизни скончалась
Серафима Семеновна ИВАНОВА,
одна из старейших сотрудников «Литературной газеты», бывшая заведующая корректурой «ЛГ», проработавшая в редакции 42 года.
Коллектив «Литературной газеты» вместе с родными и близкими Серафимы Семеновны скорбит об этой утрате.

СУМЕРКИ ЛИТЕРАТУРЫ: ЗАКАТ ИЛИ РАССВЕТ?

Словесный лохотрон

Продолжаем дискуссию, начатую статьями Аллы ЛАТЫНИНОЙ («ЛГ», № 47, 2001) и Павла БАСИНСКОГО («ЛГ», № 49, 2001) и продолженную статьями Сергея КАЗНАЧЕЕВА («ЛГ», № 50 – 51, 2001), Алексея ВАРЛАМОВА («ЛГ», № 52, 2001) и Александра МЕЛИХОВА («ЛГ», № 1, 2002). Предлагая вниманию читателей статью В. БОНДАРЕНКО, редакция «ЛГ» вынуждена оговорить, что не может разделить многих его резких выпадов против уважаемых авторов.

Владимир БОНДАРЕНКО

Может, и грубо это звучит, но мне толпа либеральных критиков давно напоминает опытных лохотронщиков, впаривающих наивным простофилям свои правила игры на поле чудес в стране дураков.

Вот и Алла Латынина, Наталья Иванова, Андрей Немзер, Владимир Новиков и даже милейший Лев Аннинский прекрасно понимают, в какой лохотрон они играют. Отрезав от якобы литературного процесса две трети пишущих писателей, они выдают своего безрукого, безногого кастратика за полноценного человека, а потом обижаются, почему от кастратика бедного детишек нет…

Иногда бывая за границей и пересекаясь с маршрутами наших лохотронщиков, я смотрю, до какого цинизма доходят они в своем общении с издателями, критиками, газетчиками, как нагло обманывают они славистов. Впрочем, те и сами обманываться рады. Таких, как Вольфганг Казак, почти не осталось. Бедные немцы всерьез считают, что у нас в России никаких поэтов, кроме Пригова и Рубинштейна, нет. Про Юрия Кузнецова они и слыхом не слыхивали. Жалеют нас за нашу поэтическую немощь. И все гранты свои от жалости Приговым и Рубинштейнам дают. Мол, что поделать: полностью обессилела литературная Русь, поможем хотя бы оставшимся убогоньким и немощным, к тому же безумно скучным литераторам.

Ведущие либеральные писатели уже и пишут осознанно под перевод на немецкий, под немецкого читателя. Таковым стал, увы, и уважаемый мною Владимир Маканин, такой становится Людмила Улицкая, такова Людмила Петрушевская.

Безъязыкая литература. С богатым русским языком книги сложнее переводить – это вам любой профессиональный переводчик скажет.

А разве это не лохотрон: ПЕН-клуб из кожи лезет вон, защищая по всем телеэкранам вовсе не писателя Паско, и гордо отворачивается от талантливейшего писателя Эдуарда Лимонова? В данном случае важно не то, кто прав и кто в чем виноват. ПЕН-клуб вряд ли агентурными данными спецслужб располагает, важно то, что из своего литературного пространства и Анатолий Приставкин, и Александр Ткаченко, и другие лидеры ПЕНа заведомо исключают идеологически чуждых им писателей. Мне один из видных либеральных критиков недавно сказал: я Проханова не читал и читать не собираюсь, что бы тот ни написал. Разве это не есть обычное литературное шулерство? Исключить из общенационального литературного процесса последнего десятилетия имена Бондарева, Алексеева, Белова, Распутина, Личутина, Бородина, Афанасьева, Крупина, Ворфоломеева, и несть им числа, и в оставшемся либеральном болоте пробовать поймать золотую рыбку? Не по-лу-чит-ся!

Неужели вам незнакомы эти имена? И вы не знаете, что они написали в девяностые годы? Называть десятилетие литературы проигранным, даже не заглядывая в книги идеологически чуждых писателей? Ладно, если бы Латынина перечеркнула как якобы несостоявшиеся «Идущие в ночи» Проханова, «Раскол» Личутина, «Бермудский треугольник» Бондарева, «Ужас в городе» Афанасьева, рассказы Распутина, Дегтева, назвала бы эти произведения подобно окуджавским мемуарам тривиальными или же подобно неудавшемуся маканинскому рассказу «утратившими свой яд, как старая беззубая кобра…», можно было бы говорить о полноте латынинского разочарования в литературе последнего десятилетия. Но перед нами осознанная фильтрация информации, передаваемой читателю. А ведь в девяностые годы и «Пирамида» леоновская вышла. Такого слона не приметила? А блестящая мемуарная проза Станислава Куняева?

Вот поэтому и вся дискуссия пошла сразу же набок. Даже Наталья Иванова в своем «Знамени» гораздо более откровенно признавалась, тоже подводя свои «знаменские» итоги, что они осознанно удалили из авторатуры журнала всех писателей с патриотическим душком. Конечно же, бывали промахи в начале перестройки: то рецензия Бондаренко на книгу Сергея Алексеева по недосмотру вышла, то роман Лимонова «У нас была великая эпоха» проскочил в пору увлечения эмигрантской литературой, но со временем идеологический контроль наладили, слава Богу, прежняя тоталитарная закваска у руководителей журнала осталась, хорошую школу в советском агитпропе прошли.

Поразило меня, что и Басинский, и Варламов не выходили в своих статьях из рамок предложенных изначально правил игры. Все те же авторы «Нового мира» и «Знамени» да еще парочки-другой соросовских журналов. Друзья, но ведь если на футбольном поле разминается лишь одна команда, то каковы бы игроки ни были изначально талантливы, никакой игры не будет. Максимум некая разминка.

Отсюда и произошла серьезная болезнь, очень верно названная Александром Мелиховым «сумерками амбиций». Бесконечно тренируясь на поле, оттачивая приемы, но не видя ни зрителя, ни противника, ни творческого оппонента, забываешь о цели самой игры. Мелихов и о самом себе, и о всем своем окружении справедливо пишет: «При такой скромности запросов и результаты окажутся скромными даже при выдающихся дарованиях. Чтобы набраться амбициозности, присущей гениям, надо доверять иной реальности…» А к той реальности – сермяжной, достоверной, низовой, языковой – у либералов никогда тяги не было. Впрочем, за всю историю русской литературы либералы никогда в ней ничем особым ни отличались. Не они писали антинигилистические романы, а Достоевский и Лесков. Не они клеймили «Клеветников России», воспевали Бородино и Полтавскую битву. Да и в XX веке какую сторону ни возьми, красную или белую, «Тихий Дон» или «Белую гвардию», «Чевенгур» или «Окаянные дни», «Как закалялась сталь» или «Лебединый стан», либерализмом-то никак не пахнет. Что ни говори, а присущ изначально великой русской литературе некий консервативный вызов. Даже Чехов, мазохистски любимый нашей интеллигенцией, к Суворину тянулся, а в прозе своей великие все же задачи ставил. В том и беда нынешних литературных либералов, что, заняв все литературное поле и выставив подобающую охрану, они позабыли поставить задачи перед собой, соответствующие их командным господствующим высотам.

Читатель ждет год, два, три – привычного на Руси писательского пророческого, протестного, бунтующего или же совестливого, жалостливого, милосердного слова так и не дождался. И повернулся к литературе, извините, задом. А наши либеральные игроки и не думали что-то значимое произносить. Им вполне хватает, как признался Мелихов, «писать на приличном уровне и печататься, хватит с меня». И сумерки амбиций, и, соответственно, сумерки либеральной литературы имеют место быть именно потому, что в самом сознании идеологов господствуют сумерки замыслов, сумерки идеалов, сумерки величия поставленных задач. Человечество спасти, дать ему надежду или, наоборот, взбунтовать его, разрушить божественный замысел. Ни то, ни другое нашему либералу не надобно. Ему бы осетринки с хреном и ничего более. Никаких подвигов…

Либеральной литературе уже не один год требуется живая кровь повседневной реальности, живая кровь русского языка. Но вот признается талантливый младокритик из их же стана Лев Данилкин: «Психическая травма, нанесенная старшему поколению, не лишила… неистовых ревнителей – Личутина, Распутина, Проханова – лингвистического таланта и слуха; они, более того, знают какой-то лингвистический секрет, неизвестный «обычным» нашим писателям, вроде Болмата или Пелевина. Все эти колдуны-оппозиционеры словно присосались к каким-то невидимым порам и сосут оттуда сладкие языковые секреции. Личутин пишет, будто серебряным копытцем бьет…»

Вот так оно и происходит во все времена. Поверху вроде бы верховодят либералы всем русским литературным процессом. И премии себе правительственные, кстати, из налогов, собираемых со всего населения России, все до единой гребут. Какая уж тут, у кормушки, свобода слова? Какая творческая конкуренция? Это потом уже, получив все, что можно, почему бы и не признать, как это сделал Евгений Рейн на юбилее Юрия Кузнецова, подлинное величие своего собрата по перу. Но где и в каких лохотронных списках вы еще найдете это имя? Даже до шорт-листа не доводили. Где вы найдете его собрание сочинений?

Ирина Роднянская права, когда указывает на причину болезни либеральной литературы: «Утрачен интерес к первичному «тексту» жизни и к ее наглядной поверхности, и к глубинной ее мистике».

Ответьте, уважаемая Алла Латынина, почему такие изощренные художники, украшатели слова, как Тимур Зульфикаров, Владимир Личутин, Александр Проханов, Анатолий Афанасьев, которые могли бы успешно состязаться своими метафорами с Маяковским, своим чувством языка с Лесковым, своим словотворчеством с ранними футуристами, наши несомненные эстеты не уходят от первичности «текста» жизни, не боятся ее грязи и быта и не теряют при этом своих амбиций, не боятся величия замысла? Я лично уверен, что, к примеру, Валентин Распутин и Владимир Личутин, Александр Проханов и Эдуард Лимонов, Юрий Кузнецов и Станислав Куняев прочно войдут в историю русской литературы, ничуть не снижая ее высочайшую планку, и именно за произведения девяностых годов.

Влав в идеологическую ущербность, либералы лихо отсекали от себя и солженицынский либерально-патриотический край, условно говоря, край Кублановского, Басинского и Олега Павлова, держа его где-то на своем пограничье. И самое поразительное: будучи воспитаны в былой советской эстетике, обладая несокрушимым советским менталитетом, они еще более лихо отсекали от себя радикально-эстетический, авангардный край, никогда не признавая его своим. Либералы изначально буржуазны – это их мета, и антибуржуазная эстетика Юрия Мамлеева, Алины Витухновской, Евгения Головина, а тем более Ярослава Могутина их раздражает иногда даже больше, чем почвенные поиски счастья земного. Недаром в списке либеральных лохотронщиков нет места ни «Блуждающему времени» и другим романам Мамлеева, ни имперским авангардистам питерской школы Павлу Крусанову, Александру Секацкому, Вячеславу Рыбакову.

Весь секрет сумеречности и амбиций, и замыслов либеральной литературы в ее буржуазности. А буржуазная литература никогда не бывала и не будет великой. Даже Курицын со своим показным радикализмом становится им чужд, даже от него исходит дух враждебности их литературному полю. Не случайно же сегодня все молодые критики, птенцы либерального гнезда спешат вылететь из душной, гнилой, мертвенно-расчетливой родительской ауры. Как розовские юнцы времен юного Олега Табакова, круша родительскую мебель. Лев Пирогов, Лев Данилкин, Мария Ремизова, Анастасия Гостева, Илья Кукулин – всем тесно в либеральной клетке. Всем хочется на свободу. Того так дружно рванули на обсуждение нового прохановского романа «Господин Гексоген», состоявшееся 18 января в Доме журналиста, позабыв все правила либерального приличия.

Время либерального лохотрона подходит к концу. Его подпиливают и Александр Солженицын со своей величаво-державной премией, и «Национальный бестселлер», движимый волей и стремлением к вечной справедливости Виктора Топорова и Татьяны Набатниковой, и радикально-авангардные издательства типа «Ад маргинем», презирающие либеральную массовку. Пусть лохотронщики еще контролируют многие СМИ, время литературы уже отсчитывается не по их часам. На наших глазах зарождается новая литературная ситуация. Катакомбная патриотическая литература, все эти десять лет лишенная и финансовой, и информационной поддержки, вынужденная не жить, а выживать, доказала свою жизнеспособность. За эти годы все слабое и немощное в ней отмерло. Ее мощь тоже резко снизилась в целом, исчезли из писательского поля зрения десятки интереснейших имен. Где Андрей Скалон, где Юрий Скоп, где Василий Афонин, где Александр Плетнев? И так далее, и так далее…

Но самые сильные выжили, подпитываемые и той почвой, которой лишены либералы, и тем языком, секретом которого они владеют. Именно к ним сегодня и тянутся все молодые здоровые силы русской литературы. И как ни в чем не бывало встает на вручении либеральнейшей из премий прошедший все степени либеральной фильтрации молодой Сергей Шаргунов, сын православного священника, студент МГУ, и заявляет, что премию свою «Дебют» он полностью отдает для освобождения из тюрьмы Эдуарда Лимонова. Все правила игры лохотронщиков летят к черту. Русская литература непобедима. И опять авангардную роль в ней играют консерваторы. Вот они и окажутся в центре новой русской литературы, и от них уже будет идти и вширь, и вглубь все многоцветие авангардных эстетических поисков и нравственных этических идеалов. Так победим!

«И ни о чем не надо беспокоиться»

80 лет со дня рождения Юрия Левитанского

Когда Левитанского хоронили, несмотря на завывающую метель, на лютый мороз, на скорбные лица и речи, этому траурному действу не хватало, как мне казалось, какой-то всамделишности, какой-то последней, окончательной правды. Вроде все как положено. Ну умер. Ну хоронят. А в мозгу что-то сверлило, что-то мешало воспринимать происходящее всерьез. И меж кладбищенских деревьев ужами сквозили две мандельштамовские строки:

Неужели я настоящий,
И действительно смерть придет?

Он был настоящим. Но в свои 74 года не был настоящим стариком. А иногда казалось, что и просто взрослым человеком не был. Этакий мудрый мальчик, познавший неведомое другим, усвоивший какие-то правила, но часто абсолютно беспомощный в элементарных житейских проблемах, с которыми запросто справляется школьник. У него был только один опыт – духовный. Все остальное он забывал, включая войну:

Ну, что с того, что я там был.
Я был давно. Я все забыл.

Или хотел забыть. Но ощущение, что ему все время хочется к кому-нибудь прислониться, чтобы в этой странной для него и даже подчас пугающей обыденности найти поддержку и опору, – не покидало. И потому в числе немногих его строк, внешне на него похожих, эти:

Хочу опять туда, в года неведенья,
где так малы и так наивны сведенья
о небе, о земле...
Да, в тех годах
преобладает вера,
да, слепая,
но как приятно вспомнить, засыпая,
что держится земля на трех китах,
и просыпаясь –
да, на трех китах
надежно и устойчиво покоится,
и ни о чем не надо беспокоиться...

Поэтому и казалось, что вся эта похоронная процессия на Ваганькове, все слова, все скорбные взгляды – все это не совсем настоящее, а может быть, и придуманное его же неуемной фантазией.

Так бывает, когда хоронят детей.

Он и впрямь был ребенком. Иногда смешным, иногда капризным, часто жалующимся на все на свете. Канючил, бывало, совсем, как маленький. В ноябре 1995-го мы дней десять жили в Бат-Яме, на берегу моря. Отправляемся гулять. Левитанский бредет и все время оглядывается по сторонам. Потом начинает канючить:

– Вам хорошо, вы молодой.

– Ну и что?

– А то, что кругом девушки красивые.

Приходим на берег, в кафе у самой воды покупаю чаю, соку, а сам, естественно, прыгаю в море. Возвращаюсь – на лице его почти смертельная обида:

– Вам хорошо, вы молодой, вы купаетесь в море. А мне уже не разрешают.

Чертыхаюсь про себя и даю зарок в его присутствии не плавать и не глазеть по сторонам. Ближе к обеду приезжает машина и нас увозят на совместное интервью домой к симпатичной журналистке Полине. Сидим, весело отвечаем на вопросы, пикируемся, как всегда. Все замечательно. Но стоило интервьюерше на пару минут выйти, как началось:

– Им хорошо, – завел свою пластинку Левитанский, – они все обедают, а мы останемся голодными. Вы знаете, который час? Вот то-то же. Все обедают, а мы только разговариваем.

Когда журналистка вернулась, я улучил момент сообщить, что своим творческим кредо считаю непреложное убеждение в том, что поэта все должны кормить, поскольку он один мучается за все человечество. Интервьюерша тут же нас покинула, а минут через десять стол уже был накрыт. Довольный Левитанский, уминая пельмени, заговорщицки подмигивал и, похоже, теперь готов был продолжать беседу до бесконечности. А через неделю после нашего отъезда в газете появились наши солнечные физиономии и обширное интервью под довольно неожиданным заголовком «Поэта должны кормить...».

Кажется, Левитанский его не успел прочесть, потому что вскоре умер.

Так вот, Юрий Левитанский был совершенно не похож на свои стихи. Глядя на него, трудно было поверить, что перед тобой автор «Кинематографа», «Дня такого-то», «Прогулки с Фаустом», поэт, обладающий таким мощным и длинным дыханием, какого, кажется, не бывает вовсе. Перед русской поэзией XX века у Левитанского есть две бесспорные заслуги: во-первых, он реанимировал глагол, а во-вторых, доказал, что строка может длиться целую вечность, не теряя при этом своей естественности, органичности.

После Пушкина никто, кажется, так не любил глаголы, никто их так изысканно не рифмовал, не перекатывал по строке, как волна перекатывает гальку, шурша и звеня. Он рифмовал их настолько виртуозно, что складывалось впечатление, будто до него эти глаголы никто и нигде не употреблял. И еще в этом был прямой вызов тем, кто пытается и для поэзии устанавливать какие-то каноны и правила, в частности, тем окололитературным снобам, которые почему-то вдруг решили, что глагольная рифма – дурной тон. А традицию понимают, как нечто предписанное, связывая ее в основном с формой, забывая, что главное-то в степени таланта, в образе дыхания.

Но, право же, не в этом суть,
и спорить о свободе метра –
как спорить о свободе ветра,
решая, как он должен дуть.

Незадолго до его смерти мы столкнулись у выхода из метро «Бабушкинская», где он жил в последние годы (а мне посчастливилось быть ему почти что соседом). И я в очередной раз подивился несоответствию его внешнего облика и внутреннего мира. Кажется, он возвращался с занятий в Литературном институте, где вел семинар. Возвращался тяжело, обессиленно, отдыхал чуть не на каждой ступеньке. У него была одышка. Именно у него – у поэта, обладавшего, казалось, нескончаемым запасом воздуха, таким длинным дыханием, что короткие строки ему были совершенно не в пору. И он из них вырвался, выломался, как выламываются из застенка. И тем окончательно соединил для себя два понятия – жить и писать. Они стали неразрывны. Писать и означало жить, медленно нащупывая каждой строчкой дальнейшее передвижение:

И почти незаметное, медленное продвиженье,
передвиженье, медленное, на семь слогов,
на семь музыкальных знаков, передвиженье,
на семь изначальных звуков, на семь шагов,

и восхожденье, медленное восхожденье,
передвиженье к невидимой той гряде,
где почти не имеет значенья до или после,
и совсем не имеет значенья когда и где...

Конечно, Левитанского постоянно пытались втиснуть в какие-нибудь рамки. Для начала – в плеяду поэтов-фронтовиков. Да, он был на войне, он лежал на подмосковном снегу сорок первого года вторым номером пулеметного расчета рядом со своим другом поэтом Семеном Гудзенко. Да, он дошел фронтовыми дорогами до Будапешта. Но на том его общность с фронтовой плеядой и закончилась. Ведь Левитанский – поздний поэт. По-настоящему, как поэт, он родился только в «Кинематографе» – в 1970 году, уже сорокавосьмилетним. А в 54 года книгой «День такой-то» это рождение узаконил окончательно. И если писал о войне, то совершенно с другой высоты – с высоты более позднего духовного опыта.

Отдельные, наиболее «продвинутые» ценители пытались сделать из него чуть ли не поэта-песенника, хотя песен он не писал никогда. А то, что его стихи поют, доказывает только одно: ритм его поэзии совпал с ритмом его времени. Поэтому не петь стихи Левитанского оказалось просто невозможно.

Уже после смерти его попытались втиснуть в какой-то строй, поставить по ранжиру, по росту в некую шеренгу поэтов, чтобы, не дай Бог, не высунулся, не занял места, которого ему критики не отводили. Воспользовавшись тем, что умер он прямо на собрании, протестовавшем против чеченской кампании, объявили его чуть ли не пламенным трибуном и жертвой этой самой войны.

На самом деле он был просто поэт. Не поэт-фронтовик, не поэт-трибун. Просто поэт, каких мало. И этого вполне достаточно. Выше звания не бывает. И никакая он не жертва войны – ни той, на которой сам воевал, ни этой, которую наблюдал по телевизору. Если уж жертва, то не войны, а мира, который так ничего и не понял ни в его поэзии, ни в его жизни. Но, к счастью, поэты жертвами не бывают. Они бывают жертвующими.

Ефим БЕРШИН

НАШЕ ЗАРУБЕЖЬЕ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ В РАЗЛУКЕ

Десять лет, прожитые в независимости, срок достаточный для подведения определенных итогов. В данном случае – итогов развития национальных литератур. Судя по всему, минусов в разлуке оказалось побольше, пожали плюсов. Но пусть об этом скажут представители писательских сообществ стран СНГ.

Сближение – только на пользу

На вопросы «ЛГ» отвечает секретарь Союза писателей Украины Михаил Шевченко

– Прошло десять лет нашей независимости. Какая проблема для украинской литературы оказалась самой важной?

– Для нас самая важная проблема – падение национальной экономики. Оно за собой влечет все. И в первую очередь падение покупательной возможности наших читателей. А если нет потребления книги – нет и необходимости в ее издании. Если мы каждый издаем по тысяче экземпляров своей книги, то речь идет лишь о выживании самой литературы. Ведь, скажем, германской литературы, в нашем понятии, как таковой не существует. Там тоже маленькие тиражи. То есть литература дело не всенародное и не всекультурное. Может быть, нечто подобное ждет и нас. Именно этого мы больше всего и боимся.

– Есть ли среди молодых литераторов интересные и талантливые?

– Так получалось всегда, что таланты появлялись волной. Проходит ровных три-четыре года, затем вдруг появляются имена. Так и за последние годы появилось очень много ребят. В ином характере и стиле выступили и уже известные поэты и прозаики. Нет, таланты не иссякли, а вот их востребованность оставляет желать лучшего.

– Как прошедшие годы отразились на характере самой украинской литературы?

– Литература – зеркало жизни народа, его души, уклада. Новая литература у нас течет в своем русле. Люди моего поколения и постарше открылись как прозаики и продолжают работать в запрещенных ранее темах. Например, тема происходящего на Западе сразу после войны: национальные движения и как с ними расправлялись. Другое течение – молодые литераторы обрабатывают жизненный материал последних лет. Для нас он совершенно новый, а для них – единственный, они в нем живут. И здесь появляется иная литература. Представлена она и по-настоящему яркими произведениями, особенно в коротких формах. Хотя есть уже и романы. Я не хочу делить новую литературу на течения и направления – все эти названия придуманы лишь для удобства разборок. А по сути, новая литература жестче, менее романтична, менее духовна. Что ж, и она имеет право на существование.

– Украинская литература всегда славилась отличными историческими работами. Достаточно вспомнить имя Павло Загребельного. Какова сейчас ситуация в этом жанре?

– Действительно, исторический роман был самым ярким в нашей литературе. Особенно много в этом направлении работали Юрий Мушкетик, Дмитро Мищенко. Работают они и до сих пор. Особенно Юрий Мушкетик. Он за последние годы дал несколько романов, например «На брата брат». В них он исследовал исторический путь развития государственности и народной философии. Стараясь при этом понять: был иной путь развития или не было? И если был, почему мы его не обрели? А вот у представителей молодой литературы покуда такого глубокого интереса к истории нет. И это понятно. Для того, чтобы писать исторические работы, надо иметь огромный багаж исторических знаний.

– Есть ли потребность и тенденция к новому сближению с российской литературой? И если есть, в чем они проявляются?

– Я считаю, что сближение со всеми литературами – это всегда на пользу любой литературе, как и народу в целом. Последнее время у нас были разорваны связи, и ни к чему хорошему это не привело. Ведь украинскую литературу читала огромнейшая Россия, Прибалтика, Кавказ. Я помню хорошо, как издавался в Москве. Если в Киеве тираж моей книги был 15 тысяч экземпляров, то в Москве – 30 тысяч. Мне звонили из Ленинграда, из Саратова… То есть обеспечивалась широкая география читателей. Но, кроме того, взаимно обогащались духовные миры разных литератур. И мы всегда знали, что в русской литературе есть дух Гоголя. Так что от разъединения пострадали все наши литературы: и украинская, и российская, и белорусская… И я думаю, что так или иначе время придет умное, и духовные коммуникации мы отстроим по-новому, используя опыт прошлого.

– Раньше проходили совещания молодых писателей. Существует ли такая форма работы с молодыми литераторами у вас?

– Недавно у нас прошел месяц молодых писателей. В Государственном университете имени Шевченко есть специальный литературный факультет. И вот в Союзе писателей мы посвятили три дня прослушиванию студентов этого факультета. В результате слушаний приняли восемь человек в Союз писателей, минуя все приемные комиссии. Кроме того, постоянно проводим несколько конкурсов для молодых поэтов. Победителям мы издаем книжки, выбивая средства в различных структурах. Пусть немного, но десятка два-три авторов таким образом в год у нас выходят. Прилагаем мы и усилия для того, чтобы при Союзе писателей работали любые организации, занимающиеся молодыми литераторами. При этом мы совершенно не смотрим, к какому течению принадлежит тот или иной молодой писатель.

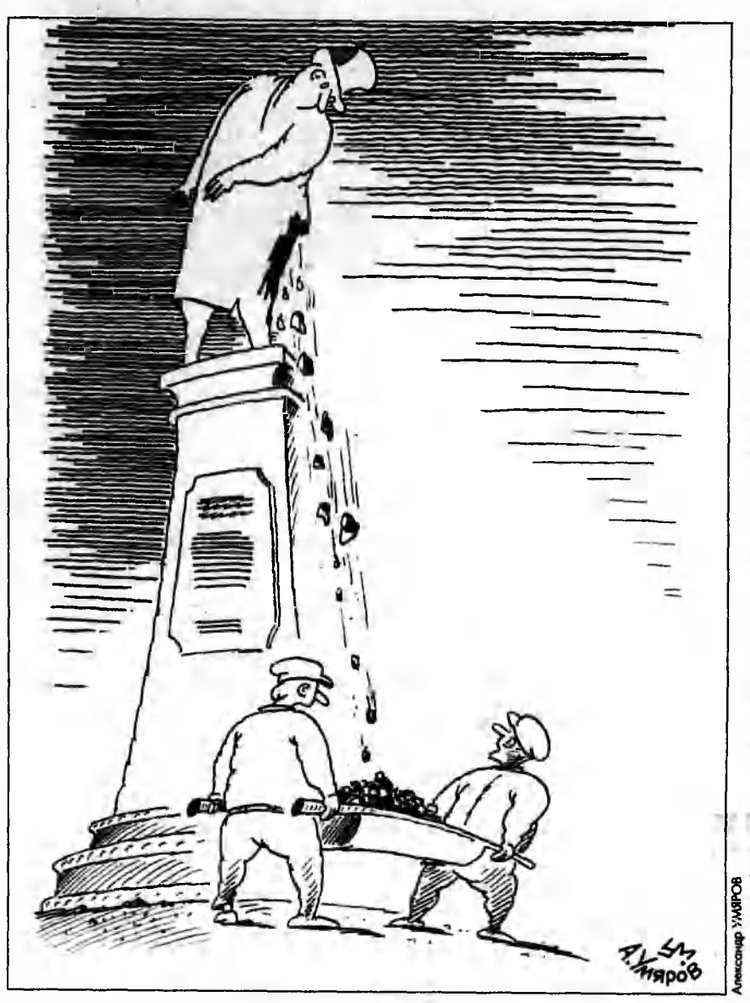
– А в Литинститут ваши ребята не ездят поступать?

– Сейчас он для зарубежных студентов стал коммерческим. А раньше писатель при поступлении в Литинститут или на ВЛК денег не платил. У него их тогда не было. Тем более нет и сейчас.

Беседовал
Александр ЯКОВЛЕВ

Автор этой статьи Дмитрий Карлис не только писатель-реалист, выросший по прихоти судьбы в «фантастическом» семинаре Бориса Стругацкого. Ему удалось почти невозможное: вместо сгоревшего Дома писателя создать новый центр литературной жизни Питера – Центр современной литературы и книги, в помещениях которого уже пятый год проводится дискуссии и общественные слушания, творческие вечера прозаиков, поэтов, драматургов, действуют семинары Б. Стругацкого и А. Кушнера, нашли приют молодые авторы. Центр стал местом соединения литераторов разных творческих союзов, школ, направлений, политических убеждений. Поэтому размышления автора о писательском бытии выстраданы и подкреплены собственным опытом.

Бастовать ли писателям?

Александр УМИРОВ

Формула успеха проста и лаконична: чтобы добиться чего-либо, надо знать, мочь, уметь, хотеть.

Налаживание нашей разбитой за последние годы литературной жизни, в первую очередь ее материально-бытовой составляющей, требует от всех писателей *желания* эту самую жизнь вернуть – если не в прежнюю колею с могучими гонорарами, то хотя бы на уровень, достойный одной из самых редких в природе профессий. (Статистика числа писателей в цивилизованном – читающем и пишущем – обществе дает среднюю цифру: один писатель на 10 000 человек.)

Писатель, поэт, драматург, сценарист стоит в начале длинного и безубыточного конвейера, дающего работу лесорубам, бумажным комбинатам, типографиям, издателям, редакторам, критикам, книготорговой сфере, театру, а если взглянуть шире, то и кинематографу, аудиобизнесу и всем промышленным группам, создающим оборудование для показа и воспроизведения того, что натворил на листах бумаги автор. Не будет этих листов – встанет огромный конвейер. Пример, естественно, условный – свято место пусто не бывает, и устрой писатели забастовку, их место займут (и занимают) бригады «литературных негров», компилирующих книжную продукцию для развлекательных серий.

Желание жить достойно, безусловно, есть, и опросов среди литературной братии проводить не надо: все хотят получать за свои труды хотя бы столько, чтобы прожить самому и прокормить семью до следующей книжки. В политэкономии это называется «простое воспроизводство рабочей силы» – в отличие от расширенного, при котором уровень жизни работяги-автора и его семьи неуклонно повышается.

По моему глубокому убеждению, с определенного периода своего творчества писатель, как и вор в законе, не должен работать, служить. Он может подрабатывать, но жить должен на доход от своих книг. Если иссякло вдохновение и одолели болезни, он должен получать от своей профсоюзной организации, в нашем случае от Литературного фонда, сумму, достаточную для цивилизованного существования. Особенность литературного труда такова, что писатель не может, как, например, столяр, изготавливающий стулья, быть уверенным, что и завтра, и послезавтра, если будут силы, он сделает новый стул-книгу.

Сейчас стало модным приводить в пример весь остальной мир или Америку: там, дескать, на литературные заработки живут единицы, а все прочие литераторы ходят на службу и находят время писать. В свободное от работы время можно не писать, а лишь пописывать, и таких любителей-графоманов со стопкой книг, изданных за свой счет, в мире миллионы: один пишет, как разводился с женой, другой – как вырастил на своем участке помидоры размером с тыкву, третий – как его задолбали подростки, гомонящие по ночам на соседней баскетбольной площадке... На Западе – это все писатели, авторы...

Унизительно, когда классик русской литературы со своей пенсии не может отправить письмо американскому аспиранту, изучающему его творчество, не может устроить свой юбилейный фуршет, не в состоянии содержать секретаря-студента, ведающего его перепиской.

Недавно в Петербурге чествовали поэта, чьи стихи знает, без преувеличения, весь бывший Советский Союз. Достаточно произнести одну запевную строчку из его песни, и всяк улыбается: «Так это он написал? Надо же! А мы думали, городской фольклор!» Поэту исполнилось 70! Человек неровной судьбы, знавший взлеты и падения, все первое отделение юбилейного вечера принимал подарки и поздравления, сцена была завалена цветами; певцы, композиторы, чиновники, друзья-поэты славили его творчество, всяк хотел обняться с ним, похлопать его по широкой спине, признаться в любви, и полному залу казалось, что грузный человек, сидящий в элегантном костюме за столиком, должен быть счастлив – аншлаг! – внимание властей, подаривших ноутбук и снявших для юбилейного вечера зал Капеллы, симпатии коллег, любовь читателей!.. И мало кто догадывался, что у поэта нет своего угла, нет своей квартиры и живет он у друзей и знакомых, иногда в городе, иногда в областной деревушке. Найти поэту приличный костюм и ботинки удалось лишь за полчаса до начала вечера, а фуршет для самых близких друзей потянуть организаторам вечера не удалось – не нашли денег. Вот тебе и всенародная любовь, подкрепленная правительственными телеграммами...

Наверное, есть доля истины в утверждении: поэты, как и лошади, должны быть сыты, но не жиреть. Но в нашем поэтическом и литературном доме давно уже не до жиру. Речь об элементарной человеческой заботе и уважении к автору сорока поэтических книг, тронувшему своими честными, пронзительными строками сердца соотечественников. Где наш достославный Литературный фонд, 140-летие которого отмечалось не так давно? Четыреста рублей на похороны, двести рублей больному раз в год... Девушка в книжном магазине, что стучит каблучками по торговому залу, получает в среднем больше, чем писатель, стучащий по клавишам машинки или компьютера, чьи книги она продает.

Напомню: *знать, мочь, уметь, хотеть.*

Последняя составляющая в формуле успеха – самая главная, и с ней, слава Богу, все в порядке. Все писатели *хотят* жить по-человечески.

Возьмем первый элемент формулы: «знать». *Знаем* ли мы, как выправить дело, как достичь цели и какова сама цель?

Полагаю, в общих чертах знаем. У каждого писателя найдется два-три соображения, как улучшить наше писательское бытие, начиная от экстремального: продать, пока не поздно, все оставшееся имущество Литфонда и поделить выручку между писателями, до осторожного – увеличить членские взносы в Литфонд и отчислять тех, кто не платит. Между этими двумя рецептами – несколько тысяч других, по числу членов многочисленных Союзов писателей.

Мое мнение навеяно недавней поездкой в Румынию, куда я ездил в тамошние архивы по писательскому обмену с помощью Международного Литературного фонда (председатель – В.Ф. Огнев). Там статистика писательской профессии вполне европейская: на двадцать два миллиона населения (из коих сородичи Будулая составляют 2 миллиона) приходится две тысячи членов Союза писателей Румынии; один человек на одиннадцать тысяч. Есть ли особый Союз цыганских писателей – не знаю, врать не буду. Но, кажется, нет. Знаю другое: писатель, подавший заявление-«SOS» своим собратьям по перу, начинает получать помощь в виде бесплатных обедов и ужинов, которые ему дважды в день привозят автомобилем на дом. Земля на кладбищах дорогая, как и вся земля в Румынии, но выделяется для усопшего писателя в любом городе бесплатно. Одни похороны сравнимы в Румынии с десятью свадьбами, и эти печальные расходы берет на себя государство, выделив на погостах нечто вроде Литераторских мостков на балканский манер. К слову сказать, в одних только Яссах, бывшей столице княжества Молдовы, я насчитал около тридцати памятников румынским писателям (не надгробий, а памятников!). Думаю, Москва и Питер, сложившись вместе, такого количества не дадут. Питер точно не даст... Только прошу эти цифры не доводить до сведения Зураба Церетели.

Путевки в дома творчества, в том числе в «Нептун», что на берегу Черного моря, обходятся румынским письменникам в полцены.

Откуда деньжата, спросит нетерпеливый коллега. Отвечу, как отвечали мне румынские писатели.

Первое. Дворец в центре Бухареста, принадлежавший писателям при Чаушеску, они сдали в аренду под казино, разместив все необходимые службы своего Союза в доме попроще. Похожая ситуация в северных Яссах – там потеснились и пустили в свои помещения субарендаторов – адвокатские конторы и проч. Нас с женой встречал на вокзале водитель в новенькой писательской «Daewoo», которая и отвезла после вечерней экскурсии по Бухаресту в отель «Империал» для ночевки перед дальнейшей дорогой. Наш испуг перед дорогими апартаментами быстро улетучился: платил Союз писателей Румынии. (Вспомнилось, как в Питере мы отыскиваем машину для встречи зарубежных гостей или ищем, где разместить коллег!)

Второе, и самое весомое. В Румынии действует закон, по которому с каждой вышедшей книги в пользу Союза писателей отчисляется 1 – 2% от ее стоимости. Писательский налог. Книги пишут писатели, они стоят в начале длинного производственного конвейера и не всегда бывают в творческой форме. Им нужно помогать. Все очень просто.

Собранных денег хватает и на выпуск нескольких литературных журналов, принадлежащих Союзу писателей.

Удорожание книги на 1 – 2% – не трагедия. К слову, одна и та же книга в разных магазинах Румынии стоит одинаково, хоть в центре города, хоть на его окраине. Розничную цену назначает издательство по согласованию с книгопродавцами. Рынок, но не совсем стихийный. И издателю проще, он может контролировать цены на свою продукцию, и писателю – он точно знает, почем продается его книга, с которой он получает авторский процент. Ай да румыны!

И возникает вопрос российского масштаба: под каким сукном, в каком комитете Госдумы залежался законопроект по аналогичному отчислению в пользу писательского Литфонда налога с тиражирования русской классической литературы, авторские права на которую перешли, как известно, в собственность государства Российского? Поговаривают, в думском Комитете по культуре. Так ли это, уважаемый г-н Говорухин? И не расширить ли в дальнейшем этот закон на всю художественную литературу, как это было раньше, когда писатель с помощью собственной головы, сердца, стопки бумаги и авторучки давал продукции, что твой завод, получая через отчисления в Литфонд гарантию помощи в тяжелые времена?

На вопрос «знаем ли мы, как помочь делу?» я отвечаю утвердительно и перехожу к оставшимся слагаемым формулы.

Можем ли мы, российские писатели, осуществить то, что *знаем*, как осуществить? Есть ли непреодолимые трудности, так сказать, форс-мажор, способный разрушить наши планы? Благосклонны ли к нашим намерениям звезды, небесные и кремлевские?

За небеса не отвечаю, а кремлевские, как и думские намерения, надо формировать, лоббируя интересы отечественной словесности. Если не мы, то кто же? Власть, как известно, надо воспитывать. Только не окриками из разных углов-союзов, коих у нас несколько (Союз писателей России, Союз российских писателей, «Апрель» (жив ли, не знаю), Международный союз писателей, ПЕН-клуб и т. д.), а совместно согласовав позицию по общему для всех писателей вопросу и скрепив ее соответствующими подписями. А то может получиться по принципу: «Стой там, иди сюда!» – и власть, махнув на нас рукой, опустится в свое кресло. Не вижу я непреодолимых трудностей, и на вопрос «можем ли?» так же отвечу утвердительно. Дорогу осилит идущий.

И последнее в формуле успеха: *«умеем ли?»*. Если предположить, что в России десять тысяч писателей и каждый пишет свою библию, то вопрос следует слегка изменить, использовав совершенную форму глагола: «сумеем ли?». Сумеем ли действовать сообща, сумеем ли не расплеваться из-за формулировок, сумеем ли, отбросив личные амбиции, сложиться в единый мощный вектор?

Пример Союза кинематографистов, ударившего во все колокола по поводу упадка отечественного кино и добившегося льгот для российской киноиндустрии, веселяет надежды... Надежды на достойную жизнь пожилых писателей в некогда великой литературной державе, надежды на то, что молодой член Союза писателей не уйдет со своим дарованием в конвейерное рабство по изготовлению покетбуков и наше книжное море окажется прозрачнее и чище.

Все взаимосвязано, и убогость нашей писательской жизни проступает в текущей литературе, которую почти не знают за рубежом, да и в своем Отечестве она знакома разве что одному из десяти тысяч сограждан.

Дмитрий КАРАЛИС

Затянутый в смерч

Сергей МНАЦАКАНЯН

* * *

Неудачники едут сегодня в метро,
невезунчики всех категорий,
и, дыша перегаром, толкутся пестро,
кто не выиграл, не объегорил...

На сегодня в России везунчиков нет:
если даже вписался в процессы,
тебе выдадут пригоршню лагерных лет
или просто сожгут в «мерседесе».

Вот и ты – почему-то затянутый в смерч –
оступаешься в том урагане:
то ли хлюпает кровь, то ли русская нефть
расползается, блин, под ногами...

* * *

Пока еще судьба зачем-то бережет
и почему-то не дает в обиду,
и я живу, не подавая виду,
что непонятен мне ее прехитрый ход...
Поскольку остро чувствую, как перст
судьбы уперся когтем мне в печенку...
О чем судьба бормочет?
Ах, о чем-то
неведомом, из неизвестных пьес...
Не выдал бог и не попутал бес,
пока еще судьба зачем-то холит,
но я уже всей кожей чую холод –
он веет, хохот, в глубине небес...
Но не пойму, с кой стати бережет
и не дает в обиду, хоть и мучает,
рвет и терзает в жизни неминучей
и словно бы железом душу жжет...

* * *

Отброшена юность, как битая карта...
– Я тоже хлебнул алкоголя и марта.

Метался от ревности, плакал от вьюги,
терзался в житейской хмельной заварухе.

Менялись законы. Ломались устои.
Хрипели небесные кони Истории.

Сводили с ума, ускользая во мраке,
мои электрички и звездные знаки...

Споткнулась душа – под вселенскою синью
всемирно повеяло горькой полынью.

Не надо иллюзий. Ни неба, ни рая –
как в юные годы, впотьмах замираю,

не веря, что начисто порваны узы:
ушла моя юность в бездонные шлюзы

времен...

Прогулка с Борисом Слуцким
вдоль прибалтийского побережья в январе 1976 года. Юрмала. СССР

На побережье выйдя вместе с ним,
я осмотрелся – горьковатый дым
тянулся в небо и сливался с миром,
так тянутся возлюбленные к милым.
О комиссарской юности своей
и буднях фронтового трибунала
он вспоминал... Снег сыпался с ветвей,
и лирика его не волновала...
Накатывала серая волна –
откатывала медленно обратно,
значения неясного полна
ее работа – потому невнятна...
Машина неосмысленной воды!
И чаек клинописные следы
на уровне поэзии и прозы.
Порывы ветра. Спутника вопросы.
Он молвил, как людские имена,
прелестные названия местечек,
накатывала серая волна
и прядала, звеня, как 100 уздечек!
Ушанка сбилась набок. Седина.
И что-то беззащитное в обличье.
Здесь хорошо. Здесь даже тишина
пока еще имеется в наличье.
Он говорил, но думал о своем.
Я о своем. Причал и волнолом.
Течение размеренной прогулки.
Безлюдье аукается гулко...
Я понимал, что этот берег мой,
что осенью разъехались домой
все с побережья праздные гуляки,
и нам навстречу катит зимней тьмой
сосновый бор. Бездомные собаки.
Подобный одинокому зрачку,
маяк на горизонте ставил точку.
Со спутником бок о бок по песку
мы проходили. Каждый в одиночку.
Он тихо шел, впечатывая шаг,
в сырой песок, и чуточку печально...
Смыкалось море с горизонтом так,
как будто раскрывает крылья чайка.
И небосвод навеки брал в кольцо
мои метанья, радости и страсти,
и спутника тяжелое лицо,
сработанное грубо и прекрасно.

Демократия

По закоулкам крадутся киллеры,
а депутаты читают триллеры.

В России можно пропасть в безвестности
во славу отечественной словесности!

Литература за горло стиснула –
пусть это ужас, но это – истина!

Маруська – сука. Цветет акация.
Литература – вот провокация?..

Взгляни направо. Сквозняк по улице –
крадётся слава и маскируется.

Крадется слева, как оппозиция,
вослед поглядывает налоговая полиция...

А на панели толчётся дура
с партийной кликухой – Литература...

Стихи без начала

все-то страданье под звездами зимними,
в мартовских заводях розы бензиновые,

все-то веселье по блочным окраинам,
песнями поминальными раненым...

Все-то сердечная тяга к возлюбленным,
в будущем где-то нами загубленным...

Ломится в сердце, все длится и тянется
горькое это – прекрасное таинство.

Жизнь моя грешная немолодая.
Родина снежная. Мама седая.

Все-то дорога да хвоя сосновая.
Время огромное, время суровое...

Нежность украдкою, вьюги над Волгою –
самое краткое, самое долгое...

* * *

Я буду метаться по табору улицы темной
за веткой черемухи...
О. М.

Разит «черемухой» на старых площадях –
она, шипя, сочится из баллона
в руках не диверсанта, так омона –
они, герои, нас не пощадят...

Не надо лирики в классических стихах,
Умолкли соловьи во время оно.
И отсвет генеральского погона
сулит порядок безо всяких благ.

Мертвецки спят диктаторы в гробах –
от Чаушеску до Наполеона,

а в магазинах на семи холмах
ни «монопольки» нет, ни самогона,

лишь реактивный рокот самолета
несется не в Кувейт, так в Карабах.

* * *

Вот и я становлюсь старым,
изворотливым,
ловким,
жизнь моя незаметно
разворачивается к другим берегам,
становлюсь в человечьем роду
воистину волком,
и минуты, как слезы, текут по небритым
щекам...
Да, в такие часы хоть локти кусай –
и хочется
ну, не с тоски –
так со скуки
взять и плюнуть в камин,
но в такие часы не сбываются – нет! –
все пророчества
да и камина нет под рукой...
Аминь.
Вот и я становлюсь ловким,
изворотливым,
старым,
а как жить дальше – того и не знаю сам...
Время, наверно, заплакать
по нетронутым мной гитарам,
время, наверно, заплакать
по незаписанным мной стихам.

* * *

Татьяне Лисовской

На подмосковной земле горячо,
роз и костров полыханье...
Бабочка села на ваше плечо –
вот и пришло пониманье...
Это природа без всяких прикрас
вне закута и закона
пренебрежительно машет на нас
дивным крылом махаона.

* * *

Вот места наших встреч.
Вот фонарь с городскими часами...
Вновь раскосые стрелки,
как двигает усиком клещ,
в девять вечера
сумрак над улицами расчесали –
или кровоточила заря,
растекаясь окрест?
Ничего не вернуть.
Только эти мазутные лужи
и фабричное эхо
в просветах знакомых берез
мне напомнят о том,
что в людские запястья и души
уходящее время
на вечные веки впилось.
Мне напомнят – и все же
ничуть не взгрустну о прошедшем,
может, смутно припомню
в две тысячи новом году
все, что мне сквозняки
на вечерних пространствах нашепчут,
все, что выдохнут сумерки
в жэковском чахлом саду...
Ах, остались в былом
ветви хвойно-прекрасного леса,
и оправлен бетон
на окраинах в тусклую сталь...
Где невеста твоя,
что была так мила и прелестна?
Мы недавно столкнулись,
а я ее еле узнал...
Что творится со мной?
Третий год не читаю романов,
двери в блочных квартирах
и так, как обложки, скрипят,
время горьких стихов,
отголоски глобальных обманов,
а столетние сосны
в забывчивой памяти спят.
И уже для других
в закоулках грохочут трамваи,
где-то там, в забытьи,
на границе бессмертья и сна...
Неужели навек
я мгновенную жизнь покидаю?
Неужели во мрак
навсегда отлетает она?

Перейти Невский проспект

Смогут ли объединиться петербургские литераторы?

Члены Союза писателей Петербурга и Петербургского отделения Союза писателей России после десяти лет раскола на «западников» и «русофилов» впервые собрались за «круглым столом» в Центре современной литературы и книги. Инициатором встречи был Геннадий Муриков (СПР), хотя, по словам ее участников, идея витала в воздухе. Согласно взаимной договоренности, каждую сторону представляли по шесть участников. Выступавшие говорили о том, что формальное разделение не сказалось на добрых личных отношениях многих коллег по перу. Зато широкая общественность, а главное, власти перестали воспринимать рассорившихся писателей всерьез. В результате «утерян социальный писательский статус», права профессиональных литераторов ущемляются, а на освободившейся «поляне» резвятся всевозможные общества и клубы любителей.

Примирительный тон разговору задал Илья Штемлер (СПП). Его поддержали коллеги Валерий Воскобойников («Каждая война заканчивается миром. Как бы мы ни были разделены, литература для нас – главное дело жизни, и единственное. В этом смысле у нас общие идеалы, а также интересы, в том числе материальные, что вовсе не зазорно»), Владимир Рекшан («В нас должен проснуться инстинкт самосохранения»)... Доводы сидевших по другую сторону стола представителей СПР также были во многом сходны. Иван Сабило («Мы могли бы совершенно спокойно создать ассоциацию, избрать сопредседателей от каждого писательского союза. это нужно и для того, чтобы наше имущество не было отторгнуто, не оказалось в частных руках. и для противостояния графоманским объединениям, которых сейчас пруд пруди»), Елена Родченкова («Госпоже Литературе все равно, кто где числится, а вот писатели без своего дома – это нонсенс»), Виктор Кречетов («Все равно каждый творит в одиночку; объединяться нужно прежде всего ради общения – я знаю о ваших мероприятиях и некоторые из них охотно посещал бы »)...

Переговорщики пришли к общему выводу, что сейчас не время сводить счеты, пора наводить мосты на организационных и экономических опорах, что необходим орган, который представлял бы интересы «писательского сословия». Предлагалось для будущей ассоциации предусмотреть коллективное членство, а не индивидуальное и мягкое, почти символическое руководство, с тем чтобы не было даже намека на попытку изменить пристрастия писателей, вмешаться в творческий процесс. И еще: подумать о выпуске, по примеру Москвы, единого писательского справочника и даже общегородской писательской газеты. Вот, кстати, заметил член СПП Сергей Арно, новый журнал «Культура Петербурга» возглавляет член СПР Евгений Лукин, но никакой дискриминации он не допускает...

Однако преобладавшие на встрече пацифистские мотивы не должны вводить в заблуждение. В составе той и другой организации немало тех, кто категорически не желает сливаться в экстазе с идейными противниками. Так, соредактор журнала «Звезда» Яков Гордин (СПП) сказал корреспонденту «ЛГ», что никого не уполномочивал вести переговоры от его имени и саму эту инициативу считает абсурдной. Потому что разделение было не случайным, каждый оказался там, где хотел, в достаточно комфортной компании близких по духу людей. Потому что в рядах другой организации немало тех, кому он руки не подаст (как верно и обратное). Потому что понятие «писательское сословие» – чистый миф. И вообще, что это за советская привычка непременно с кем-то объединяться. Ради неких экономических выгод? Но даже проектируемой ассоциации не по силам содержать знаменитый Дом писателя на Шпалерной, он, увы, навсегда утерян, да и нынешних апартаментов по разные стороны Невского обоим Союзам достаточно.

...Участники встречи договорились поспешать не торопясь. Для начала создать инициативную группу, провести разъяснительную работу, чтобы донести коллективный призыв к согласию до членов своих организаций, после чего действовать с учетом высказанных мнений. Однако реальные шаги навстречу возможны лишь на основе решения общих собраний Союзов. А оно, очевидно, будет приниматься большинством голосов. В таком случае реакцию непримиримой части предсказать несложно. Яков Гордин подтвердил нашу догадку: если Союз писателей Петербурга проголосует за объединение с оппонентами, он немедленно покинет его ряды.

Аркадий СОСНОВ,
зав. корпунктом «ЛГ», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Открытое письмо президенту России В.В. Путину

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ!

Обращаемся к Вам по делу, которое для самосознания нашего Отечества имеет значение нисколько не меньшее, чем первостепенные государственные вопросы, и, уверены, входит в их число.

Суть его вот в чем.

11 ноября 2001 г. МХАТ имени М. Горького показал премьеру «Униженных и оскорбленных» по роману Ф.М. Достоевского. Это был единственный поклон русскому гению в день его 180-летия. Спектакль поставлен народной артисткой СССР Т.В. Дорониной, художественный авторитет которой доказывать не надо. Зрители увидели работу светлую, чистую, добрую, спектакль, красиво и точно сыгранный, нравственно созвучный душе человека, способного к состраданию. Это не только наша точка зрения. Это впечатление многих и многих сотен зрителей, которые в течение вот уже двух месяцев заполняют зал на Тверском бульваре во время показа «Униженных и оскорбленных».

Искусство есть искусство, и определить качество той или иной работы в системе точных мер не представляется возможным, всегда будут разные мнения, тем более в обществе, разделенном в том числе и принципами отношения к искусству. Нас заставляют обратиться к Вам не «иные мнения», а травля Т.В. Дорониной, устроенная после этого спектакля в ряде газет («Коммерсант», «Независимая газета» и др.). Не сомневаемся, что к этим изданиям присоединятся и другие, близкие им по духу. В нашем обществе и это не внове. Однако тон публикаций, недопустимый по отношению к любому человеку, а тем более по отношению к Татьяне Дорониной, тон «крысиный, уличный», по выражению Достоевского, подоплека статей, которую авторы не находят нужным скрывать, заключаются в том, чтобы отнять у Дорониной и у зрителя театр и передать здание в объятия мюзиклов. Не будь недавней истории с Большим театром, из которого сначала изгоняется Ю. Григорович, а затем В. Васильев, не случись отлучения от Государственного оркестра Е. Светланова, а также смены руководства в Московской консерватории, едва ли бы мы сочли возможным, минуя Министерство культуры, обращаться в последнюю инстанцию. Но теперь все очевиднее становится, что все эти события представляют собою звенья одной цепи, и смысл ее заключается в окончательном разгроме отечественного и национального искусства. Патриарх отечественной драматургии Виктор Сергеевич Розов сказал в этой связи: «Тяжело переживаю возникшую ситуацию. Идет борьба за превращение театра в «доходное место».

Владимир Владимирович!

Плюрализм как многообразие взглядов, идей и вкусов недолго удерживал в России равновесное положение и все больше превращается в разнузданный диктат безвкусицы и пошлости, замешенных на выгоде. Такого, поверьте, еще не бывало. Нас пытаются лишить последнего – утешения в родном, чистом и благопристойном. Татьяне Дорониной следует поклониться за то, что она удерживает эти качества вместе с высокопрофессиональным исполнительским мастерством в своем театре, а не предавать ее за это поруганию. Нельзя допустить, чтобы все в нашем ненадежном, едва держащемся за традиционные ценности мире удалось извратить и перекрасить в один только коммерческий цвет.

Надеемся на Ваше вмешательство.

В.Г. Распутин, писатель; И.К. Архипова, народная артистка СССР, председатель Международного союза музыкальных деятелей; В.Н. Гаянчев, председатель Союза писателей России; Н.Н. Губенко, народный артист СССР, председатель Комитета Государственной Думы Российской Федерации по культуре; С.Н. Есин, писатель, ректор Литературного института им. А.М. Горького; А.Е. Карпов, шахматист, президент Международной ассоциации фондов мира; В.А. Костров, поэт, председатель Международного пушкинского комитета; В.М. Сидоров, председатель Союза художников России; Ф.Ф. Кузнецов, член-корр. РАН, директор ИМЛИ имени М. Горького; В.С. Розов, драматург; В.И. Пьявко, народный артист СССР; Н.Н. Скатов, член-корр. РАН, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом); И.Р. Шафаревич, академик; В.В. Федоров, директор Государственной Российской библиотеки.

ТЕАТР

Олег Рыбкин вырабатывает характер

В. Набоков. «Приглашение на казнь». Омский театр драмы. Режиссер Олег Рыбкин, художник Илья Кутинский.

Этот спектакль *не похож* на спектакли Олега Рыбкина, известные Москве по прошлым «Золотым маскам». Казалось бы, разжиженный, плывущий, как будто лишенный мышц мир сценических абстракций и намеренной бестелесности, мир скользящих теней, мир невыразимых чувств – вот оно, то самое, необходимо для «Приглашения на казнь» и что присуще именно Рыбкину в его новосибирских постановках. Но именно здесь произошел фокус, цирковой аттракцион превращения воды в вино. Ап!

Хотя, казалось бы, именно Рыбкин живет в нашей режиссуре для того, чтобы воплотить в своем театре туманные блуждания приуготовленного к смерти Цинцинната Ц. по миру своей жизни, хотя именно Рыбкин (тоже, казалось бы...) мог погрузить все в изматывающий душу кафкианский поток предсмертного (или послежизненного) сознания, именно Олег Рыбкин не стал мучить себя и нас попыткой создать зыбкий и мутный мир миражей, в которых плавает Цинциннат, а, напротив того, построил на Камерной сцене Омской драмы маленький цирковой манеж. Заиграл оркестрик. Под его живую музычку Рыбкин резко изменил природу Набокова, кафкианская относительность оказалась чужда ему, а за основу взята определенная, внятная цирковая эксцентрика. Если у Набокова мир внешний и внутренний сплелись во сне жизни, то в спектакле явно есть жизнь внешняя, враждебная Цинциннату (мир меховых париков на головах персонажей, мир грубых фактур и определенных раз и навсегда функций на манеже жизни), и та природа, которую олицетворяет сам Цинциннат.

Цирк жизни проходит по арене парадом-алле – парадом-алле блистательных омских актеров. У каждого персонажа свой номер, своя повадка, своя импровизация.

Ап! Директор тюрьмы Родриг Иванович превращается в директора цирка – уникального Моисея Василиади (кажется, мы видим даже то, как он плачет и страдает за кулисами от собственной человечности).

Ап! Адвокат Роман Виссарионович вылетает белым эксцентриком Михаилом Окуневым – с черным птичьим глазом!

Ап! Цицилия Ц. Натальи Василиади мастерски исполняет чувствительно-абсурдную сцену неожиданно возникшей в реальности матери! Мелкая барабанная дробь психологического гротеска, каскад трюков! Ап!

Среди этого балаганного, сочного, проработанного до мизинца актерского великолепия, среди этой полнокровной, вульгарной, масочной, получающей наслаждение от себя самой жизни и деятельности (самое парадоксальное – мы испытываем наслаждение, наблюдая этот мир веселых монстров! Сами такие?) существует бледный, как будто умерший с самого начала Цинциннат – Владимир Майзиигер. Ничто. Никто. Чистое ego, zero. Рыбкин дает этому набоковскому «Никто» знак, он бросает ему под ноги нотные листы и тем самым делает его художником – «юношей бледным», вокруг которого клубится мир, не просто враждебный ему, но ежеминутно приглашающий на казнь.

Превращения у Набокова плывут (Родриг Иванович тут же оборачивается Родионом), это некая зыбь сознания. Все персонажи конкретны и выполняют одну функцию – эксцентрическую. Мир, созданный ими, обаятельными мастерами-монстрами, обладает теми средствами уничтожать человека (публичная казнь, топор), которые этого человека (Цинцинната) уничтожить не могут. В этом абсурд происходящего. Они готовят ему казнь по своим законам, а его законы другие, и потому пытка жизнью будет продолжена (как продолжается эта пытка судьбой каждого следующего художника). В финале обиженный палач кладет топор: «Мы так не договаривались». Этому человеку, Цинциннату, художнику, невозможно договориться с этим миром даже о свойствах казни, о способе уничтожения. Цинциннат заперт в цирке, в очень узком пространстве, а чем уже пространство, тем острее, гротесковее наши реакции на происходящее. Этой остроты Цинциннату – Владимиру Майзингеру на премьере не хватало, не появилась она и спустя полгода, и спустя год, когда я видела спектакль на фестивалях. Укрепилась, «расцвела», раскрасилась действительность вокруг него. Может быть, именно за счет этого Цинциннат окончательно стал «отсутствием» персонажа.

Сцена из спектакля

На спектакле не отождествляешь себя ни с Цинциннатом, ни с окружением, а смотришь абсолютно театральную историю, радуешься актерскому блеску, режиссерской определенности и тому, что тебя выводят из набоковского морока на освещенную арену очень простых проблем. Такого актерского уровня почти не знают нынче наши театры.

...В сущности, Олег Рыбкин – режиссер очень молодого сознания, он думает и чувствует, как Цинциннат, что «кругом враги, а он в окопе», и проблемы жизни художника заключены не в нем самом, а во внешнем мире... Я даже представляю себе Олега Рыбкина на месте Цинцинната Ц., а цирковым окружением (в галунах, с усами!) – конкретных директоров театров, где он работает, начальников от культуры сибирских городов, театральных критиков и пр. и пр. Функции определены, оркестрик играет, смятые ноты валяются под ногами.

Жизнь продолжается. Ап!

Марина ДМИТРЕВСКАЯ,
главный редактор «Петербургского театрального журнала»

Играем Стоппарда

Кому, что повсеместно и в массовом порядке ставится Чехов, или, скажем, Достоевский, или, на худой конец, Ануй, мы уже привыкли. Но Стоппард!

Интерес к Тому Стоппарду, восхитительному и загадочному англичанину, парадоксалисту и пересмешнику, скептику и фантазеру, умнику и снобу, – случаен ли он? Ведь как всегда хочется вывести некую «закономерность», что у самого Стоппарда с его убийственной ироничностью, с этим его упоительным, непроницаемо-английским юмором непременно вызвало бы приступ уничтожающего смеха!

Итак, в чем же закономерная случайность возникновения «стоппардовского бума»? Отвечу: в игре. Мотив подмены: суть – видимостью сути, когда вместо оригинала вам незаметно подсовывают фальшивку, – невероятно современен и есть на самом деле сюжет для очень большого рассказа. Стоппард этот рассказ пишет, начиная со своей первой, вмиг ставшей знаменитой пьесы «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». Стоппарда невозможно играть по правилам психологического театра, но, играя его ломкость, остроту, гротеск, играя его игру, в то же время каким-то «боковым видением» следует не терять из поля зрения и «правду жизни» тоже. Потому что он не просто театральный лицедей, насмешник и парадоксалист, но и печальный, умный и тонкий философ. Причем философия его при всей своей кажущейся заумности и отвлеченности – *про* живых людей, о которых, как ни странно, в действительности замечательно много понимает. Его особую манеру когда-то уловил давно от нас уехавший Евгений Арье, первым на московской сцене Стоппарда представивший. Сергей Голомазов, игравший в том спектакле Гильденстерна, урок запомнил и интерес к Стоппарду сохранил. Именно он и стал автором спектакля «Театр-убийца» по пьесе Стоппарда «Настоящий инспектор Хаунд», поставленного в Театре под руководством Армена Джигарханяна.

Сергей ФЕДОТОВ

Приметы: бешеный темп; пародийность, то потаенная, то откровенная, даже вызывающая; жанр «мистического триллера», ныне несравненно более популярный, нежели в давнем 1968 году, когда пьеса эта была написана. В умных руках режиссера и его труппы он, конечно же, играется «понарошку», и вся «инфернальность», и все детективные ходы, и приемы, и приколы, конечно же, не всерьез. Всерьез – и чем дальше, тем больше – мотив дублеров. Недаром монолог одного из персонажей режиссер переносит из самого начала в финал. В финале спектакля режиссер заставляет нас на миг перевести дыхание и прислушаться к неожиданно в этом каскаде трюков и придумок звучащему Слову: «Порой я мечтаю о революции, о кровавом государственном перевороте, осуществленном лицами второго ранга; о трупах ведущих актеров, которых перерезал запасной состав; ...я мечтаю о том... как марширует армия ассистентов и заместителей, помощников командира, вторых призеров: они штурмуют дворец, где второй сын уже занял трон, совершив цареубийство посредством крокетной клюшки; вторые мира сего да станут в первый ряд!»

Впрочем, подобные пассажи, когда беззаботная ирония сменяется горьким сарказмом, у Стоппарда редки: подобно другим великим английским парадоксалистам (к примеру, Уайльд), он меньше всего хотел бы прослыть моралистом. Потому не буду и я мысль свою развивать и педалировать – лучше назову актеров, ибо они того заслуживают.

Это Владимир Капустин и Станислав Дужников (критики Мун и Бердбут), Елена Медведева (миссис Драдж), Даниил Страхов (Саймон), Ольга Кузина (Фелисити), Вера Бабичева (Синтия), Олег Пышненко (Магнус), Илья Каданцев (инспектор Хаунд). В пьесе Стоппарда можно сыграть просто забавный, ни к чему не обязывающий парадокс, а можно за его маской расслышать подлинную боль.

В спектакле Сергея Голомазова не только и не просто играют Стоппарда, но внимательно вслушиваются в него. Как мне кажется, не без пользы.

Юрий ФРИДШТЕЙН

«Не формат» для двоих

Лариса Шахворостова и Сергей Маховиков познакомились на съемках фильма Евгения Гинзбурга «Простодушный» и с тех пор не расстаются. Лариса снималась в картинах «Ребенок к ноябрю», «Царь Иван Грозный», «Сталинград», «Маэстро вор», на счету Сергея – «Золотое дно», «Змеиный источник», «Рейнджер из атомной зоны». И этим далеко не исчерпывается фильмография молодых, но достаточно популярных артистов. Сергей и Ларисе говорят о жизни актеров, о современном кино и шоу-бизнесе, не обольщаясь и не унывая.

– От людей вашей профессии, особенно молодых, часто приходится слышать жалобы на то, что трудно получить роль, большие перерывы между картинами...

Л.Ш. Нужно уметь ждать свои роли. Но ждать – это не значит ничего не делать в это время. Мы участвуем в концертах, антрепризах, записали музыкальный альбом «Ловец» и сняли полнометражный фильм с таким же названием.

– Какова его судьба?

С.М. Он шел в специальных программах на фестивале в Выборге и на «Киношоке». Сейчас «Ловец» выходит на видеокассетах и, надеюсь, будет показан по телевидению. Пока только надеюсь, потому что, как сказал редактор одного телеканала, это «не наш формат». Он-то и не подозревает, что я горжусь тем, что «Ловец» «не формат» разлагающегося телевидения! Их «формат» – это, к сожалению, «развлекуха».

– Вы часто снимаетесь вместе?

Л.Ш. Нет. За всю совместную жизнь всего три раза: в «Простодушном», в фильме Александра Павловского «Левая грудь Афродиты» из серии «Курортный роман» и в «Ловце».

– Сложно играть на одной площадке, или наоборот?

С.М. Смотря что. Например, мужа и жену лучше не играть! Нам кажется, что не совсем нормально, когда семья играет семью, а точнее, играет в семью, в любовь, в этом есть странное лукавство. Как подняться до обобщения, до образа, когда за плечами груз совместной жизни?

– Какое амплуа вы предпочитаете?

С.М. Мне интереснее всего играть героев. Как-то на «Кинотавре» ко мне подошел местный киномеханик и просто умолял больше не играть «плохих и слабых»: «Играйте, пожалуйста, таких персонажей, как в «Золотом дне»! Как я его теперь понимаю!

Л.Ш. А я, наоборот, предпочитаю играть отрицательных героинь, и в последнее время мне с этим везет. Актеру тяжело выйти из имиджа положительного героя, особенно когда он совсем молоденький. Трудно перейти к более зрелым ролям, которые требуют жизненного опыта, где важна не только фактура, но и мастерство. Когда артисту немного за 30, начинаются сложные интересные роли.

– Часто бывает, что творческая жизнь актера связана с одним режиссером...

Л.Ш. Мы очень верные люди. Есть режиссеры, у которых соглашаемся сниматься сразу, не читая сценария. Но больше всего я снималась у Евгения Гинзбурга и Александра Павловского. У первого я снялась в трех картинах, а у второго – в четырех. Сейчас заканчивается работа над новым фильмом Павловского «Атлантида».

– И все-таки вы не так много снимаетесь...

Л.Ш. Не потому, что нет предложений. Просто нельзя забывать об ответственности, которую актер несет за то, в чем он участвует. К выбору ролей надо относиться внимательно. Есть вещи, на которые я категорически не пойду.

С.М. Это не громкие слова. Участвовать хочется только в добром и талантливом деле. Вы за последние годы много видели таких картин? Иногда мы отказывались от работы при жесткой ее нехватке, в ущерб известности и кошельку.

– Например?

Л.Ш. В свое время я вела на телевидении программы «Деловая хроника» и «Утро делового человека». Тогда же шли съемки «Простодушного», и Гинзбург мне сказал: «С ума сошла! Появление артиста на телеэкране должно быть дозировано, ты рискуешь из актрисы превратиться в телеведущую! Нужно тебе это? Я бы ведущую телепередачи сниматься не пригласил». Женя был прав, и я ушла с телевидения.

С.М. Самое неприятное, когда понимаешь, что вот с этим режиссером ничего, кроме халтуры, не получится. Видеть никчемный результат своего труда для актера страшней, чем временная безработица. И никакое «узнавание на улице» не компенсирует моральных потерь.

– А согласились бы вы сниматься в сериале?

С.М. Вполне возможно. Но всегда нужно думать и взвешивать все «за» и «против». Есть страх превратиться в сериальных актеров, в героев комиксов...

Л.Ш. Мы люди свободолюбивые, и «подписываться» на работу, которая будет длиться год-два, не очень хочется.

Хочется и погастролировать, и побыть наедине с собой.

– Но большая часть зрительской любви достается актерам, снимающимся в сериалах.

Л.Ш. Сердечная любовь к актерам встречается все реже и реже. Желтая пресса и телевидение изменили критерии отношения зрителей к артисту, к известному человеку. Утрачена большая ценность – неприкосновенность личной жизни. Знают больше, а любят меньше.

С.М. Сегодня к известности нет должного уважения, и это правильно. Теперь она зависит просто от количества показов по телевидению. Мы были на многих кинофестивалях и можем сказать, что у нас на постсоветском пространстве и в России есть очень хорошее кино. Мы смотрели и ловили себя на мысли:

«А когда зритель это увидит? И увидит ли он это вообще? Эта прекрасная работа не будет популярной, потому что у ее создателей нет денег на рекламу». Аналогичная ситуация и в шоу-бизнесе. Раньше у нас была народная цензура, по сравнению с которой идеологическая – ерунда. Песня, спетая на какой-нибудь кухне, за неделю разлеталась по всей стране, если она была действительно хороша. Не было такого: «Платите деньги – и вас будут знать». Интересных исполнителей не стало меньше. Они дают камерные концерты, а на телевидение им не прорваться – «не формат». А что-то другое раскручивают, сто анонсов в день, рассказывают, как это здорово, а посмотришь – и руки опускаются. Если ЭТО хорошо, то куда же двигаться дальше! Актеров я не обвиняю, им надо зарабатывать на жизнь. А тот, кто на них деньги делает, подгоняет: побольше концертов, побыстрее да подешевле серию отснять. И получается халтура. А продюсеры скажут, что это супер. И у зрителей разрушаются критерии. Нет, ребята, это не шоу-бизнес, это диверсия!

Л.Ш. Все хорошее дается с трудом, это естественно. У нас есть свой зритель, свое направление. И я глубоко убеждена, что наши роли мимо нас не пройдут.

Беседу вела
Надежда ГОРЛОВА

МУЗЕЙ

Соприкасность

Государственный Исторический музей посетил председатель Совета Федерации С.М. Миронов. Запланированный получасовой обход обернулся в полуторачасовое путешествие по истории России. Недавно отреставрированные залы в стиле данной исторической эпохи и примыкающие к ним выставки игрушек, «Пиковая дама» – все это настолько подействовало на Сергея Михайловича, что по окончании просмотра в интервью прессе он воскликнул:

– Я в шоке, я потрясен!

И это не эффектные слова, рассчитанные на публику, а душевный порыв человека, казалось бы, избалованного эстетикой родного Петербурга. Лично я за свою многолетнюю журналистскую практику не наблюдал такого искреннего интереса со стороны третьего лица государства к экспонатам, к тем емким комментариям, которые давал директор музея А.И. Шкурко. И вполне естественно было обращение председателя к истории великой России, к ее культуре, финансовым и социальным проблемам музейных работников.

В этих стенах любой человек испытывает трепетное чувство причастности к истории государства Российского. Вот бы нашим парламентариям дать указание в обязательном порядке посещать Государственный Исторический музей! Глядишь, дело скорей бы пошло на лад.

С. Л.

КИНО

В поисках жанра и кассы

В Москве подходит к концу VII международный фестиваль «Лики любви»

Кажется, больше всего пишущий народ опечалило даже не отсутствие звезд (ни Кейт Уинслет, ни Кьяра Мастрояни, ни Рокко Сиффреди не приехали), которые придали бы драйв фестивалю, а отсутствие скандала. Отчасти компенсацией должно было бы послужить поминание о нем во внеконкурсной программе «Любовь без костюмов. Аморальные истории», в которую вошли нашумевшие фильмы прошлых лет, недоступные даже для членов СК. Так, в 1973 году финскую ленту «Земля – это грешная песня» (реж. Р. Молльберг) испугались показывать даже в Белом зале ЦДК, ограничились просмотром для «узкого круга проверенных товарищей» в Малом зале. Культовая антиутопия «Жидкое небо» (реж. Слава Цукерман), использовавшая визуальную культуру панков, собрала в начале 80-х кучу престижных фестивальных призов и стала классикой жанра – абсолютно неизвестной у нас. Фильм «Уна» (реж. М. Радивоевич), в котором адюльтер 40-летнего свободомыслящего интеллектуала и его пленительной студентки оказывается организован и использован спецслужбами, в 1984 году был еще немыслим в нашем прокате. Фильмы, кстати, замечательные.

Другое дело, что на фоне этих радикалов 70–80-х особенно заметно, что сегодня кинематографистов не интересует ни социальный вызов, ни вызывающая демонстрация естественных прав природного человека, ни жесткая антибуржуазная фантастика. Во-первых, двадцать лет подряд этим удивлять невозможно. Во-вторых, вызов хорошо, а касса лучше. И если судить по программе нынешних «Ликов Любви», касса, то есть результаты проката, интересует режиссеров более всего. Отсюда интерес прежде всего к жанру, максимальному выявлению его зрительского потенциала. Отсюда и боевая раскраска под криминальную драму а-ля Тарантино финской ленты «Неприятности из-за любви» (реж. О. Саарела), герой которой в финале приводит свое семейство под крыло церкви, что, честно говоря, выглядит не слишком убедительно.

Отсюда же интерес к мюзиклу в чешском фильме «Бунтари», где режиссер Филип Ренч делает ставку на ретро. Уж если Ларе фон Триер в «Танцующей в темноте» использует знаменитые чешские мюзиклы, то чехам тем более есть смысл их вспомнить. Ренч и вспоминает: мелодии 60-х, костюмы, стилизованные под «геометрическую» моду середины 60-х, Брижит Бардо как образец для подражания всем хорошеньким девочкам, кумачовые лозунги в школе и мечты о свободном мире – то ли Германии, то ли Америке. И неизбежный советский танк в кадре, вылезающий из кустов в момент, когда любовная история героев и без того полна сложностей. Бунтарство героев (трое мальчишек бегут из народной армии в свободный мир) смягчено отчасти музыкальным жанром, отчасти финалом, в котором из-под власти режима удается сбежать и главной героине с родителями, и двум солдатикам. Несчастливый пленник военной комендатуры оказывается еще раньше пленником любви и мужской верности. Стилизация 60-х в фильме выглядит самоцелью и данью ностальгии по молодости у пожилой аудитории.

Кадр из фильма «Ашока»

Самым удачным образцом жанра на фестивале, по-моему, стал английский триллер «Яма». Подземелье, в котором оказываются заперты четверо выпускников, отправившихся на необычную экскурсию, становится одновременно метафорой подсознания одной из девочек. Милая дурнушка с невинным взором, страдающая от безответной любви к однокласснику – сыну рок-звезды, незаметно и последовательно превращается в роковую женщину-вамп. Саспенс, строящийся почти исключительно на таинственности происходящего, неплохие актерские работы и точно выдержанная стилистика фильма – фирменные знаки качественного британского кино, в котором триллер имеет богатую традицию.

Вообще, желание опереться на национальную кинотрадицию в борьбе за зрителя, видимо, одна из самых характерных примет времени. Опыт чехов и англичан тут не исключение, а, скорее, правило, еще одним подтверждением которого стал индийский фильм «Ашока». Режиссер и оператор Сантош Сиван равно учел опыт индийской мелодрамы и недавнего обладателя «Оскара» «Гладиатора». Он возрождает кино «большого стиля», в котором найдется место и колоритной конной битве, и виртуозной хореографии боевых поединков (любители восточных единоборств могут пополнить опыт зрелищ), и танцу, в котором национальные элементы подчинены динамичному современному ритму. Кино как захватывающее зрелище, в котором красота костюмов древних воинов и театральная красота ритуального танца совмещены с динамикой современного монтажа, найдет, безусловно, своих поклонников. Парадоксально, что кровавая история войн Ашоки, древнего правителя Магадхской империи, оказывается путем к истинам ненасилия, которые проповедует буддизм. Актуальность этого послания очевидна не менее, чем актуальность эпического жанра.

При том, что в наборе конкурсных лент явно перевешивает «любовь в костюмах», явной альтернативой мейнстриму выглядят черно-белая лента Яна Цвитковича «Хлеб и молоко» (получившая в Венеции «Льва будущего» за лучший дебют) и снятая в духе «Догмы» норвежская картина «Слишком длинная ночь» (реж. Мона Джей Хоэль). Одновременно фильмы оказываются альтернативой традиционной мелодрамы. В центре внимания обоих фильмов – любовь со стажем, обремененная опытом семейных драм, любовь, больше взыскующая диагностики психоаналитика, чем чистоты лирического взгляда. В словенской ленте, где контрасты немецкого экспрессионизма получают второе рождение, явно выражен, правда, социальный оттенок. Не без гротеска, впрочем. Папа-алкоголик, сын-наркоман и их бедная мать, пытающаяся вызволить каждого из них из неприятностей, в финале оказываются на трех соседних койках в больнице. Можно сказать, почти счастливый конец. По крайней мере, они, наконец, объединяются. Чего не скажешь о героях скандинавской ленты. Там, наоборот, дружное семейство, собравшееся встретить Рождество в коттедже в горах, под новогодней елкой выясняет отношения. Сюжет выглядит абсолютной калькой «Торжества» Томаса Винтерберга. Ручная камера и тесное пространство создают необходимую взвинченность и напряжение повествования.

У нас «Догма-95», как ни удивительно, проходит на ура. Старушки за моей спиной, кажется, восприняли весь норвежский фильм как триллер и от всего сердца сочувствовали папе-алкоголику, которого жестокосердные дети выбросили ночью на снег. «Не переживай, это же только кино», – утешала одна другую. Когда выяснилось, что дедуля жив и здоров и даже не помнит о том, что произошло ночью, счастью их не было предела.

О последних фильмах фестиваля и о победителях в следующем номере «ЛГ».

Жанна ВАСИЛЬЕВА

Переделкинские прогулки

Борис Пастернак в переделкинском саду

Михаил ЛЕМХИН

Академик Вяч. Вс. Иванов о знаменитом писательском поселке в беседе с Аллой Латыниной

Окончание. Начало в «ЛГ», № 1

– Вы упоминали как одну из особенностей Переделкина, что некоторые вернувшиеся из лагерей здесь жили, несмотря на официальное запрещение, и никто их не выдавал.

– Да. Я имею в виду прежде всего Голосовкера. Он вообще очень недооценен как человек и самобытный писатель.

– Разве он писал прозу? Обычно о нем говорят как о философе.

– Да, но, кроме того, есть очень интересный роман, который напечатала Нина Брагинская. Он, к сожалению, не полностью сохранился. В этой сожженной рукописи поразительные аналогии с «Мастером и Маргаритой» при том, что он раньше написан. Голосовкер был специалист по классической философии. Писал о немецкой поэзии. У него есть замечательная работа о Гёльдерлине. Я когда-то был рецензентом его двухтомника, но познакомился с ним в Переделкине в 1944 году. Он был выпущен в 1939-м по ходатайству родственника его жены челюскинца Отто Юльевича Шмидта. Но не был реабилитирован. И не имел, стало быть, права жить ближе ста километров от Москвы. Но, как видите, смог жить в Переделкине. И не он один.

– А кто приютил Голосовкера?

– Илья Сельвинский. Его дача была на улице Тренева, дом шесть. Так получилось, что какую-то зиму мы с отцом тоже там жили. Ведь наша дача сгорела во время войны, и нас тоже пригласил к себе Сельвинский. Как-то с нами разговорился Голосовкер и довольно подробно рассказывал, как он вышел из лагеря. Он был человек очень энергичный, и с его интересом к классической литературе он создал кружок переделкинских поэтов-переводчиков Горация.

– Неужели в Переделкине было столько любителей Горация? Да еще в военное время?

– Представьте себе – были. Для Голосовкера переводили Горация Сельвинский и Пастернак. Вообще можно говорить о Переделкине и как о сообществе людей, влюбленных в литературу. Я помню довольно голодное время 1945 года. Писателям давали тогда обеды в Доме творчества. Мы туда ходили с отцом.

Иногда туда приходили другие писатели – просто чтобы пообщаться. Часто заходил Корней Чуковский. Иногда появлялся Федин. Хорошо помню двух писателей, приехавших с фронта, – это были Семен Липкин и Арсений Тарковский. Жил Борис Викторович Томашевский – ленинградец, уже вернувшийся из эвакуации, но не добравшийся до Ленинграда. Среди живших там был профессор русской литературы Иван Никанорович Розанов, большой любитель поэзии. У него была замечательная библиотека первых изданий русских поэтов. И он устроил такую историко-поэтическую анкету. Мы должны были поэтов каждого из пяти периодов, начиная с восемнадцатого века и до современности, расположить по степени их значимости, как каждый это себе представлял. И я помню всеобщую радость, что в голосовании по современным поэтам был на первом месте Пастернак, а на втором – Ахматова. В этом списке был и Мандельштам. Характерно, что никакого значения политике не придавалось. Правда, только что была война, во время войны некоторые условности были отброшены. Я не уверен, что такое можно было повторить позже.

– Война парадоксальным образом уничтожила страх?

– У многих была надежда на изменения в литературе, на просветление. Поэтому таким страшным ударом было постановление о Зощенко и Ахматовой, которое очень многих разделило. Потому что такие люди, как Катаев, выступили тогда очень резко против них, а другие, как Пастернак и Чуковский, сохраняли с ними хорошие отношения. Если быть по возможности объективным по отношению к Федину, он был в этом смысле между лагерей. Потому что Зощенко он посылал, как и Каверин и некоторые другие, деньги ежемесячно и потом очень старался помочь Зощенко получить какие-то переводы. Когда Ахматова приехала после смерти Сталина в Москву (Федин еще не обозначился как официальный человек, но уже занял какие-то посты в Союзе писателей, его Фадеев выдвигал), затем к нам вот сюда, в свежеотстроенную дачу, как раз на масленицу 1954 года, и читала свои переводы китайских поэтов, которыми она тогда занималась, – мы по соседству послали записочку к Федину, чтобы он пришел. Он пришел и начал с извинений: мол, от вас звонили, но... Из разговора я понял, что Ахматова, приехав в Москву, пыталась ему звонить. Но он был уже недосягаем для тех, кто прежде с ним общался. Но когда потом мы ехали с Ахматовой в Москву, она вдруг так мечтательно мне говорит: «Да, Федин... Ведь он все-таки один из тех, кто это помнит».

А речь вот о чем: Федин упомянул в разговоре, как он видел Ахматову в «Бродячей собаке», когда она всех изумляла таким фокусом: она изгибалась так, что кончиками пальцев ног доставала головы. И ее поразило, что все-таки в 1954 году есть человек, кто это помнит. И это едва ли не перевесило то, что он вел себя по отношению к Ахматовой не совсем подобающим образом.

Булат Окуджава на даче в Переделкино

– Тамара Владимировна дружила с Лилей Брик?

– Да, но они подружились довольно поздно, в пятидесятых годах. И потом после смерти отца, когда стало ясно, что часть дачи Литфонд заберет, у мамы была возможность самой выбрать соседей. И мама предпочла Лилю Юрьевну, поскольку они были подруги.

Я считаю Лилю Юрьевну человеком весьма замечательным. Я ее довольно близко знал. У нее был очень холодный, но очень ясный ум. Политика ее никогда не интересовала. Искусство ее очень интересовало. И был какой-то широкий интерес к разного рода людям. Конечно, там было много увлечений, просто романов. Но, помимо этого, много увлечений просто интересными людьми. Конечно, мне было интересно с ней общаться до самого последнего времени. Вообще круг людей, которые к ней приходили, был чрезвычайно широк. Среди них, например, был Борис Слуцкий, с которым мы одно время очень близко дружили. И Слуцкому явно было интересно с ней общаться. При том, что вы представляете себе разницу в возрасте и, конечно, во всем. Я помню, что он брал у нее читать и потом обсуждал книги Примакова – генерала, с которым она была тесно связана после самоубийства Маяковского. Он был арестован потом. То есть для Слуцкого она была человеком всей этой большой эпохи. И с моей мамой, я думаю, много общего было именно в этом. Мама больше менялась, Лиля Юрьевна в какой-то степени, думаю, осталась той, какой она была в 20-е годы. Но все-таки от мейерхольдовской актрисы, которая была в самых ультралевых увлечениях, в маме было много, и это в ней оставалось при самых разных построениях жизни.

– Во время своего общения с Тамарой Владимировной я воспринимала ее совершенно иначе. Мне она казалась величественной пожилой дамой, центром большой семьи, хранительницей традиций.

– Я думаю, в ней к старости всплыли какие-то семейные начала: она ведь из купеческой семьи. Такое представление о большой семье, которую она как-то объединяет. В молодости этого не было. Но в эстетических увлечениях она оставалась человеком 20-х .

– А как вы думаете, почему Бабель был арестован именно тогда, когда волна террора схлынула? Кстати, его арестовали здесь, в Переделкине?

– Да, Бабель был арестован 15 мая 1939 года на своей даче. Меня очень волновала эта дата. Это очень близко ко времени ареста Мейерхольда. Мне кажется, что какой-то был замысел следующей волны – антиинтеллигентской, и она началась в 1939 году. Бабель подписывает показания (он от них отказался перед смертью, сохранился его предсмертный текст об этом), где фигурируют имена тех, кто был в антисоветской группе, в которой он якобы участвовал. Кроме самого него, были тогда арестованы Мейерхольд и Кольцов. Люди совсем другого плана, чем те, кто попал в волну 1937 года. Ощущение такое, что могла быть еще одна волна террора, но начавшаяся вторая мировая война ее приостановила.

– Война, как и полагается, людей сплачивает. А что после войны? Сохранился ли привычный круг общения?

– Да, после войны определенно все меньше и меньше было объединяющего и все больше разъединяющего. Но по привычке все-таки собирались – чаще всего у нас, иногда у Пастернака, а реже у Федина в старом составе. То есть были почти всегда мой отец, мама, Пастернак, Федин, поначалу Паустовский (как раз разрыв между Фединым и Паустовским был знаком начавшегося раскола). Эволюция Федина в некотором смысле удивительна. Моя мама, которая во всей этой аудитории была, пожалуй, наиболее революционной и в эстетике, и в политике, любившая все левое в искусстве и долгое время сохранявшая веру в общие идеалы того времени, всегда говорила, что для нее Федин – это воплощение совершенно другой идеологии. То есть Федин – это, грубо говоря, максимально антисоветский человек среди них. Поэтому его эволюция в послевоенные годы в сторону ультраофициальной точки зрения была трудно постижима.

– Может, никакой идейной эволюции и не было, а был конформизм?

– Я думаю даже хуже – просто цинизм. Не то чтобы он стал думать иначе. Но он стал говорить не то, что думал. В каком-то смысле он буквально продался. Его очень устраивало возвышение в Союзе писателей и все связанные с этим не только почести.

– Но и блага?

– Ну да. Преимущества в изданиях, тиражах, положение официального классика. Я всегда его считал человеком умным и талантливым, так что трудно было все это наблюдать.

У меня с ним был подробный и довольно драматический разговор. Меня сравнительно молодым выпустили (единственный раз за 30 лет) за «железный занавес», в Норвегию в 1957 году. Ну, тогда ведь мало ездили за границу. И поэтому вернувшийся из-за границы был источником информации. Федин пришел к нам по приглашению отца послушать, что я рассказываю о поездке. Я рассказал, показал какие-то книжки. А Федин говорит: у меня такое тяжелое настроение, мне нужно завтра ехать в Союз писателей, мы туда пригласили Бориса (то есть Пастернака). Мы должны его убедить, чтобы он взял назад свою рукопись, которая находится в Италии. Мы должны запретить ему это издание. Он был ближайшим другом Пастернака, который поэтому здесь, рядом с его дачей, и поселился. Пастернак ведь до этого жил возле дачи, где был арестован Пильняк, он хотел сменить место и переселился сюда, между Фединым и моими родителями, с которыми он тоже очень дружил. И Федин вдруг в роли судьи над Пастернаком выглядел удивительно. Что я ему и сказал, не очень резко, но очень решительно. Сказал, что я бы все-таки очень его просил подумать и не ехать туда, что и без него все сделают. Что эти гонения не добавят славы гонителям. В общем, то, что сейчас кажется само собой разумеющимся. Он начал очень кашлять. Сильнее и сильнее. Он ведь давно болел туберкулезом. Сцена выглядела так: молодой нахальный человек довел больного старика до приступа кашля. Он не возражал мне. Но сказал только: «Может, ты и прав. Но в таком случае следует покончить с собой». (Он мне говорил «ты», я ему «вы», что при разнице лет было естественным.)

– Вы рассказывали как-то о разговорах вашего отца с Леоновым и заметили, что это было еще до их разрыва.

– С Леоновым резкой ссоры не было. Было такое взаимное охлаждение, что ли. Вообще до войны отец был очень близок с Леоновым. И Леонов у нас часто бывал. Порой он заходил днем к нам на дачу без всякого предупреждения.

– А что, было принято предупреждать? Вот так просто зайти по соседству не полагалось?

– Ну все-таки нет.

– Между вашим участком и участком Пастернака была калитка – неужели, чтобы ею воспользоваться, нужно было предварительно уславливаться?

– Пастернак как раз в этом смысле был очень формальный человек – если он хотел зайти, он обязательно предупреждал, посылал кого-нибудь с запиской.

Корней Чуковский и Александр Солженицын на даче Чуковского в Переделкине

– Я вас перебила, вы начали рассказывать о Леонове.

– Да, так вот Леонов с середины 20-х годов был в приятельских отношениях с моим отцом, они были на «ты». Он на даче был у нас частым гостем. Но все это стало разрушаться вместе с чрезвычайным вознесением Леонова. Они были на Нюрнбергском процессе корреспондентами, и их поселили в какой-то комнате. Отец мне рассказывал, что Леонов как-то вечером стал выяснять, какая кошка между ними пробежала. Но этой кошкой были его последние вещи, «Русский лес» и другие, сильно отличные от предыдущих, которые и сделали его официальным советским автором. Я его хорошо помню. Было время, когда я дружил с его дочерьми. Он отличался от других писателей чрезвычайной мрачностью. Я думаю, он жил в мире каких-то потусторонних призраков. Он был очень мистически настроенный человек, погруженный в мысли о смерти, том свете, Боге. На свой лад он был искренне верующим. И, чувствуя какие-то мистические и странные стороны в моем отце, он ему всегда симпатизировал. А потом вся эта мистика – во всяком случае, явным образом – куда-то испарилась.

Пастернак тоже был с ним в довольно близких отношениях, даже еще в начале войны, когда они вместе были в Чистополе. А потом произошел раскол.

– Сколько разрывов и расколов! Впечатление, что все перессорились со всеми. Каким же образом могло продолжаться то общение, о котором вы не раз говорили?

– Относительно со всеми старался сохранить отношения Корней Иванович Чуковский. Он по характеру своему не был склонен к разрывам, обличениям, ссорам. Многие его даже упрекали за это. Считали, что он в какой-то степени лицемерен, то есть в глаза всех хвалит, а за глаза может даже ругать. Помню, Нилин (один из обитателей Переделкина более молодого поколения) очень огорчался. Он пришел читать что-то Чуковскому, и тот очень его хвалил. Но не только не повторял этих похвал другим людям, а отозвался о прочитанном неодобрительно.

Я у Корнея Ивановича в послевоенные годы бывал относительно часто, но не один, как до войны, а с молодым поэтом, с которым я сблизился в военные годы. Это был Валя Берестов. Он появился в Москве и вслед за тем в Переделкине в 1944 г. Корней Иванович его открыл в Ташкенте, среди детей почти бездомных, полубеспризорных, и очень ему помог. Его привезли в Москву и устроили в лесную школу. Другого жилья у него в Москве не было. К нам он ездил каждое воскресенье. Мама и другие из нашего круга оказывали ему и материальную поддержку – он очень нуждался.

Он был чрезвычайно общителен, почти как Андроников (подолгу живший с семьей у нас на даче в довоенные годы и после войны, пока Ираклий получил свою). И, поскольку, приехав к нам, Валя Берестов ходил по разным дачам, иногда он завлекал и меня. Поэтому у некоторых людей, где я обычно не бывал, я оказывался в связи с Берестовым. Так он меня привел к Кассилю, которого я, конечно, знал, но не было случая с ним особо встречаться.

– Я немного знала Валентина Берестова, и несколько раз мне случалось говорить с ним о Чуковском. Он писал и говорил о нем с огромной теплотой. Берестов как-то сказал, что не может себе представить Переделкино без Чуковского.

– Я думаю, что Чуковский был очень важен для Переделкина в силу своей связующей роли. К нему продолжал хаживать Федин в эпоху всех этих событий вокруг Пастернака – я его там видел. И заходил Пастернак. Там, в доме у Чуковского, бывал, а потом и довольно долго жил Солженицын.

Из встреч, совместных с Солженицыным и Чуковским, я особо могу вспомнить одну. Было заседание правления Союза писателей (или, может быть, президиума) по поводу Солженицына. Они собирались его прорабатывать. Прошла эпоха, когда его хвалили за «Один день Ивана Денисовича», началась эпоха некоторого противостояния. А у меня лежала рукопись «ГУЛАГа», которую мне Солженицын дал с просьбой поскорее прочитать. Как раз в этот день я должен был ее вернуть Солженицыну. Утром он мне позвонил и сказал, что вот сейчас они с Корнеем Ивановичем садятся завтракать и ждут меня к завтраку, потому что он должен рассказывать об этом заседании. А мне осталось там несколько страничек досмотреть, и я хотел это сделать. Он снова позвонил, что я задерживаю завтрак. Я таки пришел с толстым портфелем, в котором лежал «ГУЛАГ». Но его я отдал в беседке, которая была в лесу. А на втором этаже дома был накрыт завтрак. И Солженицын принялся нам рассказывать. На самом деле это было достаточно серьезное столкновение с руководством Союза писателей. Но Солженицын в своем рассказе изобразил все происшедшее в смешном виде. Корней Иванович смеялся и сказал, что он очень доволен, потому что он уже приготовил место в дневнике, где он должен все это написать. Солженицын явно хотел сделать так, чтобы не испортить завтрак и хорошее настроение Корнея Ивановича. Он был очень деликатен по отношению к нему.

Солженицын там жил иногда подолгу. По месяцу. Мы там с ним встречались и довольно много разговаривали в это время. Это была та пора, когда Александр Исаевич для себя старался уяснить целый ряд ключевых вопросов. Я помню, как, недовольный чем-то в наших с ним обсуждениях, я пожаловался Надежде Яковлевне Мандельштам. А она меня очень отговаривала от моих нападок на него. Сказала: «Ну что вы (он жил тогда в Рязани). Человек приезжает из провинции, у него мелким почерком написан список из десяти мировых вопросов, которые нужно решить, пока он здесь...» Вопросы действительно иногда были настолько глобальные, что никак их было не решить в обычной беседе. Один раз это был вопрос: «Нужна ли России демократия? Не лучше ли обойтись самодержавием?» Другой раз – «Что такое интеллигенция». Мне понравилось тогда то, что он говорил об интеллигенции. Интеллигент – это тот, кто все время что-то перерабатывает; примерно так сформулировал он.

Вообще он был тогда склонен к обсуждениям, нисколько не догматичен в своих собственных мнениях. Как-то мы сидели с ним вон на той скамеечке в саду, и он, я помню, мне сказал: «Вы знаете, я все-таки пришел к тому, что в мире нет ни одной религии, которая могла бы устраивать мыслящего человека».

Я много раз эту фразу вспоминал впоследствии. Для меня она очень плохо вяжется со всем последующим, мне непонятен характер, время и все детали его внезапного обращения. Потому что, как вы понимаете, от такого высказывания до того истового православия, к которому он вскоре приходит, очень большое расстояние. Но как раз это время было для него временем каких-то поисков и отсутствия всякой закостенелости. Мне приятно было с ним общаться, и он был расположен к тому, чтобы видеть много людей. Переделкино, видимо, было для него местом, где он мог общаться с разными людьми.

– Вот вы говорили, что Чуковский никогда не скрывал своего страха перед всякими репрессивными органами, был осторожен в высказываниях. Но тем не менее именно он вел себя смелее многих, кто страх скрывал. Разве пригласить жить Солженицына – это не риск впасть в немилость, поставить под удар издание книг, благополучие семьи?

– Конечно, но у него были старые представления о писательской чести. Он был старомодный человек. Так же, как Пастернак. Я употребляю слово «старомодный» в том значении, которое придавал ему Пастернак. А оно у него имело положительное значение. Старомодный – стало быть, имеющий набор некоторых ценностей, от которых нельзя отступиться. Но при этом, конечно, Корней Иванович ко многому относился с юмором. Я помню, в какую-то эпоху, когда были очередные гонения на ученых и эта кампания меня коснулась, он, встретив меня, сказал: «Что вы так серьезно к этому относитесь? Я каждый раз, когда какую-нибудь мою сказку начинали ругать, писал письмо в редакцию, что действительно ошибся, не нужно было, мол, такой сказки писать». Так что у него не было ложной героической позы, определенно нет. Он был осторожен, но в меру. Как-то я принес ему вечером текст, составленный одним из наших самых молодых правозащитников. Ефимов была его фамилия, он потом эмигрировал в Израиль. Это было письмо в правительство с предложением отменить предварительную цензуру. То есть вернуться к состоянию после 1905 года, когда можно было цензуровать изданную книгу, можно было даже ее запретить. Но предварительной цензуры не было. Это письмо уже подписал Капица, когда я принес его Чуковскому. Он сказал, что должен подумать. Я пришел наутро, и он сказал, что он все-таки его не подпишет, выдвинув соображения, для меня неожиданные. Он сказал, что знаком с ситуацией с цензурой в России начала века. Да, предварительная цензура тогда не действовала. Но тем не менее очень много запрещалось потом. Поэтому если нет глобальной отмены политической цензуры, то отмена предварительной едва ли имеет смысл. Я не знаю, было ли это отговоркой или на самом деле он так думал.

Могила Бориса Пастернака на кладбище в Переделкине. Между могилой и домом поэта – памятник, который сама природа поставила Пастернаку: поле, одухотворенное его поэзией. Неужели оно будет застроено?

Он, конечно, понимал, что, приглашая к себе Солженицына, он идет на немалый риск. Он не всегда рисковал по мелочам. Но покрупному рисковал.

– Шестидесятые годы, возникновение диссидентства многое поменяли в поведении людей. Наверное, это отразилось и на Переделкине?

– Конечно. Вообще Переделкино как сфера общения писателей имело два звездных часа. Первый – до войны. Мы о нем говорили. И был второй период, начиная с подготовки «Литературной Москвы», которая, в сущности, здесь, в Переделкине, и велась. Потому что здесь жили Каверин, Алигер, Казакевич, много жил Заболоцкий. Каверин играл роль центра, собирались чаще всего у него.

И дальнейшая бурная литературно-общественная жизнь шестидесятых в большой степени связана с Переделкином. К Катаеву, тогда главному редактору «Юности», часто приезжали молодые авторы журнала – Аксенов, Гладилин. Аксенов вообще потом долго жил в Переделкине. Здесь же было общежитие студентов Литинститута, многие из которых позже стали тоже известными писателями. Этими молодыми людьми очень много занимался Паустовский, который тоже имел здесь дачу. Потом, правда, он оставил ее первой семье, но продолжал много приезжать в Дом творчества.

Вообще, вокруг Переделкина складывалось такое неформальное сообщество писателей. Помимо людей, которые жили на своих дачах, ведь очень много литераторов стремились снять жилье где-то поблизости, приехать в Дом творчества. Значит, была потребность в среде, в общении.

Тут неподалеку много лет снимали жилье Надежда Яковлевна Мандельштам, Аркадий Белинков. Сара Бабенышева жила в своем крохотном помещении, в стандартном доме, построенном для обслуживающего персонала. Она была одним из активных распространителей самиздата. Между прочим, она мне рассказывала, что Залыгин, когда переехал из Новосибирска и поселился в Переделкине, все время к ней приходил и брал у нее такого рода литературу.

Даже когда начался разгром диссидентства и многих писателей выпихивали из страны, Переделкино оставалось такой относительно свободной зоной. Может, поэтому многие уезжавшие в те годы норовили последнее лето провести где-то рядом. Чуть ли не до самого своего отъезда здесь жили Владимир Войнович, Василий Аксенов. Где-то неподалеку что-то снимал Георгий Владимов. После исключения из Союза писателей и даже из Литфонда Семен Липкин и Инна Лиснянская все же жили подолгу в Переделкине. Кстати, в переделкинском ресторане отмечали семидесятилетие Липкина – это было вскоре после скандала с «Метрополем», и едва ли не все участники крамольного альманаха присутствовали на этом банкете.

У многих из тех, кто тяготел к Переделкину, не было официально полученных литфондовских дач. Но литературная жизнь кипела вокруг поселка.

– Многие ведь приезжали в Дом творчества. Я хорошо помню атмосферу Дома творчества начала восьмидесятых. Диссидентское движение было основательно разгромлено, однако здесь по рукам довольно свободно ходил самиздат. Разговоры тоже были совершенно свободными, разумеется, в более или менее своем кругу, хотя всегда опасались стукачей да секретарей. Судя по всему, атмосфера домов творчества всегда отличалась от официальной?

– Да, Дом творчества очень важен для понимания характера всего переделкинского сообщества. Раньше, кстати, такие дома называли домами отдыха. И я бы считал очень важным сохранить Дом творчества в его совсем старой функции. То есть одновременно и места работы и отдыха, и клуба, где собирались писатели. Конечно, атмосфера этого клуба всегда отличалась от официальной. Ну хотя бы такой пример. Идет травля Пастернака. Нельзя даже представить, чтобы где-нибудь могло состояться его выступление. А здесь, в переделкинском Доме творчества, был устроен вечер, где он читал свои переводы.

Он часто приходил в Дом творчества. Тогда там жило много людей, с которыми он сам хотел общаться и мнение которых ему было интересно. В частности, почти постоянно жил Арсений Тарковский.

Корней Иванович Чуковский тоже регулярно заходил в Дом творчества. Он не так уж любил много народу собирать у себя на даче. Вместе с тем был человеком очень общительным. Где-то в шестидесятые годы он завел такой порядок: после дневного отдыха он шел к чаю в Дом творчества. И со всеми там разговаривал. А разговаривать было с кем: переделкинский Дом творчества посещали самые разные люди. В одном из коттеджей почти постоянно жил Михаил Бахтин. В другом – очень подолгу – Давид Самойлов. А уж кто только здесь не перебывал...

– Теперь коттеджи как часть Дома творчества больше не функционируют – сданы в долгосрочную аренду. Дома творчества, правда, работают, хотя атмосферу писательского клуба, кажется, утрачивают. Но, может, она еще и восстановится. Если, конечно, сохранится само Переделкино.

– То есть что значит «если сохранится»? Вы имеете в виду эти слухи, что писатели могут быть отсюда изгнаны, а земли распроданы новым богатеям под коттеджное строительство? Но ведь Переделкино объявлено историко-культурным заповедником.

– Но ведь заповедные земли уже понемногу продаются. Мы же с вами выяснили: именно на месте дачи Бабеля и старого Дома творчества были вырублены вековые сосны и сейчас стоят новенькие коттеджи. Каким-то образом была продана земля, на которой стояла литфондовская контора, возле Дома творчества. Рассказывают: пришел крепкий человек, предъявил какие-то бумаги, велел всем убираться. Его не послушали. Тогда домик сгорел. Сейчас там уже что-то строится. И никакие писательские протесты не помогают.

А вот самая последняя и самая тревожная новость, пришедшая из музея Пастернака: поле перед музеем может быть отдано под застройку. Эти сведения получены от разработчика проекта «О создании природного историко-культурного комплекса Переделкино». Есть много фотографий Пастернака, стоящего у окна переделкинского дома. Из этого окна было видно поле, «лес кладбищенский», церковь на взгорье – тот пейзаж, который многократно всплывает в его стихах. Теперь он может быть уничтожен.

– Застройка поля, которое шутники называли «неясной поляной», а мы могли бы назвать второй «Ясной», равносильна уничтожению памятника, который сама природа поставила Пастернаку. Этого, конечно, ни в коем случае допустить нельзя. Но мне все же не хочется верить в мрачные прогнозы. Переделкино – место легендарное. Тут есть три музея: Пастернака, Чуковского, Окуджавы. Между ними не такое уж малое расстояние. Заполнить это расстояние дворцами неизвестно каких богачей – все же дурной тон. Знаете, по-моему, Переделкино стоит сохранить хотя бы для того, чтобы создать окружение для Музея Пастернака.

Ну а если серьезнее, писательское Переделкино – это не просто музей, в котором живут, не просто память и традиция, не просто ландшафт, многократно запечатленный в литературе. Это еще и некий задел на будущее. Если оставлять для страны литературу (а без литературы она все-таки не может обойтись), то литературе надо оставлять такие места, как Переделкино.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

COGITO, ERGO SUM

НАУЧНАЯ СРЕДА

Выпуск №1 (17)

Проект «Литературной газеты» и Российской академии наук

- Чтобы создать лазер, нужно было породниться с молнией
- Зачем магаданскому завкафедрой ручная тележка в Москве
- Сила изобретения должна быть равной силе толкания
- Игра в молчанку над ледовым континентом
- Как при царях брили знатных казнокрадов

ЭФФЕКТ ЛИЧНОСТИ

Человек, который выдержал удар молнии

История жизни и открытий академика Александра Прохорова

ДИАЛОГ С УЧЕНЫМ

– А хотелось поехать в Стокгольм, повстречаться с коллегами?

– Этим я нарушил бы традицию…

– Какую?

– Я давно уже никуда не выезжаю. Хотите, верьте, хотите, нет, но у меня не хватает времени. До сих пор меня не устраивает, что в сутках всего 24 часа. Было бы на три-четыре часа больше, это было бы лучше… Только за последние три месяца я получил несколько приглашений – в Европу, в Америку, но отказался. Причина всегда одна: недостаток времени – ведь хочется сделать больше…

– А разве исключений не может быть?

– Если допустить исключение хотя бы раз, то затем это превратится в привычку.

Поначалу может показаться, что Александр Михайлович просто не умеет распоряжаться своим временем, мол, при желании всегда можно выкроить несколько дней, а тем более часов. Однако мне пришлось познакомиться с «Расписанием», которое составляет его бессменный секретарь и помощник Лидия Митрофановна Кальченко, и был чрезвычайно удивлен, когда на неделю вперед не смог найти «просвет» хотя бы в полчаса. Причем Лидия Митрофановна заметила, что «сейчас не самое напряженное время…»

Комментирует академик Вячеслав ОСИКО:

«Тех, кто давно работает с Александром Михайловичем, всегда поражала его способность переключаться с одной научной области на другие, казалось бы, совершенно не связанные друг с другом. И лишь много позже, когда происходил синтез идей и результатов различных научных направлений и появлялись совершенно новые направления, не существовавшие ранее, становилась ясна логика в развитии его научных пристрастий.

Распространение радиоволн, генераторы радиочастот, теория колебаний, электромагнитные излучения ускорителей заряженных частиц, радиоспектроскопия, молекулярные стандарты частоты, молекулярные квантовые генераторы и усилители (мазеры), квантовые парамагнитные усилители, физика и химия твердого тела, рост и технология кристаллов, технология стекол, космическая связь и радиоастрономия, лазеры и их применение, физика плазмы, получение и методы обработки сверхпрочных материалов, технология, физика и химия полупроводников, микро- и наноэлектроника, искусственный алмаз и ювелирные камни. Этот список научных интересов А.М. Прохорова можно было бы продолжать и далее. Именно поэтому в рабочем кабинете А.М. Прохорова можно встретить физика и химика, медика и космонавта, астронома и конструктора новой техники. Все они находят в лице хозяина кабинета заинтересованного собеседника и получают от него вполне конкретные и профессиональные советы и рекомендации».

Среди перечисленных профессий нет только журналистов и писателей. Не любит Александр Михайлович рассказывать о себе, о своей жизни. С моими коллегами он встречается только в тех случаях, когда необходима кому-то помощь и если академик Прохоров считает, что в данном случае его выступление в газете обязательно.

А потому картину его жизни приходится воссоздавать фрагментарно…

В 1916 году Альберт Эйнштейн предсказал, что обязательно должно существовать так называемое «вынужденное излучение». Великий физик XX века интуитивно чувствовал, что нечто подобное должно быть, иначе физическая картина Мироздания не столь красива, как ему хотелось бы.

Ученые спорили о новой гипотезе Эйнштейна, но, не найдя подтверждения его догадкам, вскоре забыли о ней – у Альберта Эйнштейна было так много идей, что их хватало на всех физиков планеты. И на теоретиков, и на экспериментаторов.

В том же 1916 году в Австралии родился мальчик, которому суждено будет доказать правоту Эйнштейна. Это был Александр Прохоров.

Ему была уготована удивительная судьба, достойная пера и романиста, создающего эпопеи, и писателя, специализирующегося на приключенческих и детективных романах, и драматурга, способного посоперничать с самим Шекспиром. Биография Александра Михайловича Прохорова готова каждому из них предоставить оригинальные сюжеты.

Мы беседовали много раз, но никогда специально – просто случалась встреча, и разговор о науке возникал вновь, будто и не прерывался на многие месяцы. Совсем недавно академику Александру Михайловичу Прохорову присудили Демидовскую премию, и два члена Попечительского совета Демидовского фонда – академик Г. Месяц и доктор А. Шусторович – поздравляли его. Пока готовили бокалы с шампанским, ставили на стол вазы с фруктами и заваривали свежий кофе, я расспрашивал ученого. Начал, естественно, с торжеств, что проходили в Стокгольме, где отмечалось 100-летие учреждения премий. Академик Прохоров был приглашен на юбилей, но не поехал, чем, конечно же, весьма огорчил хозяев, так как Александр Михайлович был в тот момент одним из старейших Нобелевских лауреатов.

ДИАЛОГ С УЧЕНЫМ

– Как охарактеризовать роль науки в XX веке?

– Наиболее крупные открытия в XX веке – это ядерная физика, биология…

– Вы имеете в виду генетику?.. А что именно определило такое бурное развитие науки?

– Я не знаю. Это философский вопрос, а в эту область науки я не вмешиваюсь. Кстати, меня хотели сделать депутатом, но я отказался, так как я не политик, а ученый.

– Разве есть граница?! Как известно, в XX веке наука стала главной политикой?

– Это правильно. Но с другой стороны, сейчас модно говорить, что средства на науку надо сокращать. Как же увязать два понятия: «главное» и «сокращение»?

– А что, на ваш взгляд, главным будет в XXI веке?

– Не знаю.

– Ваши ученики говорят, что лазеры?

– Мне трудно возражать им, да и особого желания нет – пусть работают. Кстати, мы хотели сделать солнечную энергетику. Но ни американцы, ни наши чиновники не поддерживают это направление.

– А без американцев нельзя?

– Почему же? У нас есть полная технология, которую мы разработали. Это экологически чистое производство энергии, и вмешательство человека не требуется. И как ни странно, но особое значение это имеет для Севера, где полгода царит «полярный день». Можно столько наработать энергии – аккумулировать ее, что хватит на весь год. Второе: использование солнечной энергии для получения водорода. И тогда можно в корне изменить автомобильную промышленность, сделав ее «чистой». Как известно, автомобили – главные загрязнители воздуха в городах. Вам понятна наша идеология?

– Конечно. А как вы относитесь к идее переброски энергии с орбитальных станций на Землю?

– Отрицательно! Люди, которые это предлагают сейчас, плохо знают историю науки. Еще в 70-х годах выдвигалась такая идея, вокруг нее был поднят большой бум, но я сразу же выступил против. Дело в том, что луч – а с его помощью предполагалось передавать энергию с орбиты на Землю – на своем пути будет уничтожать все живое. И, во-вторых, в атмосфере возникнут всевозможные реакции, последствия которых могут быть трагическими. Кстати, будет разрушаться озоновый слой, защищающий Землю, и так далее. Технически нечто подобное осуществить можно, но вред будет несравненно больше, чем польза. Так что возвращаться к отвергнутым идеям не следует.

Об Австралии Александр Михайлович говорит с какой-то теплотой, хотя воспоминания о далеком континенте, конечно же, расплывчаты и нереальны.

В семье Прохоровых было четверо детей – три дочери и сын. Шура однажды заблудился в лесу, и вся русская колония, где они жили, разыскивала его до утра. В ночном лесу он не испугался. Было темно, но ему чудилось, что светит яркое солнце, а вокруг летают птицы и большие бабочки.

В Австралию отец и мать поехали на заработки. Михаил Прохоров был профессиональным революционером. Его схватили, осудили и отправили в ссылку. Туда к нему пробралась жена Мария. Вместе они бежали на Дальний Восток, а затем в Австралию.

После революции они решили вернуться. В 1923 году они добрались до Шанхая, где удалось получить наконец-то разрешение на въезд в СССР.

Об Австралии остались лишь воспоминания да память о старшей сестре Клаве, которая умерла там от воспаления легких.

Спустя шестьдесят лет академик А.М. Прохоров получит письмо от министра науки Австралии. Из него он узнает, что открыта мемориальная доска, на которой значится: «Александр М. Прохоров – соизобретатель мазера, предвестника лазера. Нобелевский лауреат по физике 1964 года, родился в Атертоне 11 июля 1916 года». В том же письме министр сообщит, что жители города заботятся о могиле его сестры…

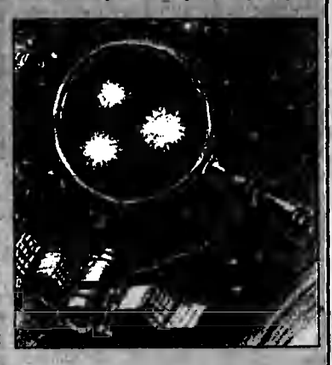
К сожалению, Александр Михайлович так и не сможет поехать на свою «малую» родину. Впрочем, он считает себя ленинградцем – ведь именно в этом городе он учился, стал физиком, познакомился со своей женой Галиной Алексеевной. В этом же городе во время блокады погибнет его отец.

Окончание на стр. 12

ЛАБОРАТОРНАЯ РАБОТА

Галактическая лупа

Американские астрономы из Калифорнийского технологического института разглядели в дальних уголках Вселенной скопление звезд, только начинающих свой жизненный путь. Увидеть первобытные времена ученым помогли не только телескопы, но и группа массивных галактик на пути. Гравитация этого скопления, известного как Abell 2218, делает далекие звезды, по крайней мере, в 30 раз ярче. Поэтому исследователи с помощью гавайского телескопа Keck и космического телескопа Хаббла смогли увидеть слабые следы водородного газа, который нагревают рождающиеся звезды.

Возможности Keck-телескопов позволяли и раньше видеть отдаленные космические объекты, но очень яркие – квазары и галактики. Только «космическая линза» Abell 2218 высветила совсем юные звездные системы на самых задворках Вселенной.

Изучение таких далеких объектов дает ученым отличную возможность узнать историю первых шагов образования Вселенной. Свет от далеких звездных скоплений путешествует миллиарды лет, чтобы дойти до Земли, поэтому астрономы видят молодую Вселенную. Поскольку ее возраст оценивается примерно в 14 млрд. лет, можно представить, насколько далеко от нас обнаруженный звездный кластер. Астрономы предполагают, что это скопление образовалось менее чем через миллиард лет после Большого взрыва.

По-видимому, ранняя Вселенная была напичкана миллионами таких юных звезд, которые потом выросли в зрелые галактики, подобные Млечному Пути.

Пора солить Черное море

Черноморская вода вдоль пляжной зоны Одесского залива становится все менее соленой и, как следствие, более грязной: из-за опреснения гибнут природные фильтры морской воды – мидии. К такому выводу пришли биологи из Одесского филиала Института биологии южных морей НАН Украины.

При укреплении берегов пляжная зона залива была разбита на небольшие акватории, отделенные от моря волноломами и другими гидротехническими сооружениями. В эти полуизолированные бассейны стекают пресные дренажные воды. Порой ежесуточный сброс пресной воды составляет 30 – 40% их общего объема, соленость воды опускается до 0,8% при норме 1,3 – 1,7%.

Черноморская мидия не только промысловый моллюск. Мидии, заселяющие 1 кв. м дна, за сутки могут отфильтровать до 280 куб.м воды, очищая ее от бактерий и мелких водорослей. Живут они на мелководье, не глубже 80 метров, поэтому приспособились к перепадам солености. Но при постоянном или резком ее снижении до 1% и ниже уменьшается доля фильтрующих мидий, особенно в теплой воде. При температуре 22 градуса и солености 0,8% «работают» только 5% мидий, а кто не фильтрует, тот не ест. Моллюски выщелачивают из воды что-нибудь съедобное. Голодание влияет на их рост, половое созревание и выживаемость.

Ближе к местам сброса пресных дренажных вод доля мелких моллюсков (длина раковины 1 – 3 см) увеличивается до 90%. В бассейне без дренажных вод доля крупных мидий, от 3 до 7 см, составляет свыше 65%. В опресненной воде они живут недолго: средний возраст – 9 – 10 месяцев вместо обычных 15 – 16. Потомства у пресноводных мидий на треть меньше, выживает оно хуже: для развития личинок соленость воды должна быть не менее 1,5%, иначе они гибнут.

Мозг под контролем

С возрастом увеличивается вероятность повреждений головного мозга, за которыми следуют расстройство памяти и старческое слабоумие. Медики из Института неврологии РАМН разработали быстрый и эффективный способ диагностики. Он позволит предотвратить появление подобных расстройств или замедлить их течение.

Когда человек выполняет какое-либо задание, реагирует на звук или вспышку света, в центральной нервной системе возникают колебания электрического потенциала, которые несложно зарегистрировать. По особенностям полученной кривой можно судить о том, как человек воспринимает и анализирует информацию, в каком состоянии его память и мыслительные способности, какие области мозга отвечают за нарушение интеллекта. Параметры колебаний электрического потенциала зависят от типа и тяжести деменции – старческого слабоумия.

Рисунки Игоря ГОНЧАРУКА

Проявления психического расстройства у больных различаются в зависимости от зоны поражения мозга. Если это подкорка, нарушается внимание, замедлены все психические процессы, круг интересов сужен. При поражении коры трудно писать, считать, ориентироваться в пространстве. Память слабеет во всех случаях, но у больных с преимущественным поражением подкорковых зон сильнее страдает мышление, а при нарушенной структуре коры – кратковременная память. Эти признаки проявляются по-разному в зависимости от тяжести недуга.

Проведя несложные тесты, медики могут точно сказать, какие области мозга пострадали, насколько тяжело и каких умственных расстройств следует ожидать.

Агентство научных сообщений «Информнаука»

ВОПРОС РЕБРОМ

Тираж не едет в Магадан...

Когда-то умные книги туда «ссылали», как и умных людей, теперь умные люди окраин тоскуют без книг

Советская власть многое делала плохо, но кое-что у нее все-таки получалось. Она неустанно заботилась о том, чтобы достижения культуры относительно равномерно распределялись по нашей обширной Родине. Я вырос в Магадане (см. берег Охотского моря). С удивлением вспоминаю, что многие кинопремьеры у нас проходили раньше, чем в Москве. Посмотрев фильм в Магадане, я через два месяца приезжал в Москву и узнавал, что в столице его еще не видели. Это очень тешило мальчишеское самолюбие.

Похожее случалось и с книгами. Доходило до анекдотических случаев. В 1983 году А.Ф. Лосеву (в те времена малоизвестному преподавателю древних языков на кафедре общего языкознания МГПИ им. В.И. Ленина) удалось издать маленькую брошюру о В.С. Соловьеве, тогда еще не великом русском философе, а идеалисте с уклоном в мистику и в православие заодно с католицизмом. Напомню, что в те годы идеализм, мистика и православие – это синонимы духовной антисоветчины. Слово-то как хорошо сделано – мы уже давно живем не в советской стране, а слова *антисоветчик, антисоветчина* до сих пор вызывают подозрение. Бдительные партийцы спохватились поздно – тираж уже был отпечатан. Престарелого автора решили еще раз никуда не ссылать, а вот значительную часть тиража «сослали» в Магадан. Поэтому так случилось, что эта рублевая книжечка (вспоминаем цены 1983 года) в Москве на черном рынке стоила около ста рублей, а в Магадане – бери не хочу во всех книжных киосках. Я тогда учился в московской аспирантуре, и мне из Магадана прислали несколько десятков книг А.Ф. Лосева. Раздавая книгу о Соловьеве московским знакомым, я ощущал себя почти что автором этой опальной работы.

Сейчас я заведую кафедрой русского языка Северного международного университета в том же Магадане. Иногда шучу, что могильник филолога – это книги, собранные им за его жизнь. Осматривая бесконечные книжные полки со специальной литературой, убеждаюсь в том, что большая часть книг, появившихся у меня в конце 70 – 80-х годов, была куплена в Магадане. Почти все книги издательств «Просвещение» и «Высшая школа» доходили до нашего далекого города. Нельзя не упомянуть добрым словом и систему «Книга – почтой», которая помогала преодолевать научную оторванность от больших городов.

Сегодня Магадан превращен в книжную пустыню. Но обычным глазом этого не увидишь. С Марининой, Кивиновым и даже с Акуниным дела обстоят в общем-то неплохо, а вот с гуманитарной литературой по языку, литературе и истории (это то, о чем я могу судить профессионально) плачевно. Мои студенты не имеют возможности сформировать домашние библиотеки по своей специальности. Конечно, можно воспользоваться университетской библиотекой или областной, но все же я убежден, что гуманитарий без собственной библиотеки все равно что черепаха без панциря: далеко не уползет. Открою небольшой секрет: когда я прихожу в дом к коллеге-гуманитарию, то стараюсь быстро осмотреть содержимое книжных полок, зачастую о профессионализме хозяина это говорит больше, чем многочасовые беседы на специальные темы.

Три года назад в нашем университете была открыта подготовка студентов по комбинированной специальности «русский язык и литература + английский язык». Работу по этому направлению курировал я. Поинтересовался у коллег с английской кафедры, как у них обстоят дела с учебниками. Дела обстояли плохо. Мне сказали, какой комплект учебников хорошо бы приобрести. Заказ по Интернету сорвался – все уже было распродано. Все это происходило перед моей поездкой в отпуск сразу после вступительных экзаменов. Я собираю только что поступивших к нам студентов, объясняю, как обстоят дела с учебниками, прошу каждого из них лично мне сдать 200 рублей. Если бы кто-то из этих студентов пожаловался «наверх», то у меня могли бы быть крупные неприятности, потому что студенты, зачисленные на конкурсные (бесплатные) места, не должны оплачивать свое обучение в какой бы то ни было форме. Оказавшись в московском издательстве, я узнал, что все книги уже ушли на реализацию, когда будут новые – неизвестно. Пришлось несколько дней обходить книжные точки, чтобы набрать нужное количество экземпляров. Потом, загрузив все это на тележки с колесиками (с тех пор с сочувствием смотрю на «мешочников» в метро), поволок все это на Главпочтамт. Отправка книг обошлась больше трети их стоимости, при этом не удалось уложиться в 200 рублей за комплект. Перерасход средств, естественно, пошел за мой счет.

Право, красивая картинка: заведующий кафедрой в течение недели в поте и мыле бегает с тележкой по Москве и закупает необходимые для его студентов учебники, при этом доплачивает еще свои деньги. Можно ли иначе? Можно. Прошлой весной я был участником конгресса русистов, который проходил в стенах МГУ. Благотворительный фонд золоторудной компании «Омолон» выделил средства для приобретения книг. В руках у меня оказалась некоторая (не очень большая) сумма денег. А дальше… Дальше, как и раньше: взмыленный, с тяжеленными сумками носишься по книжным точкам, скупая необходимую литературу. Я спрашивал у издателей, почему они не отправляют свою продукцию в регионы. Хлопотно и невыгодно. В одном издательстве мне объяснили, что когда они работают в режиме «Книга – почтой», то получатель оплачивает приобретенную продукцию на почте, а почта забирает все деньги себе, не считая нужным расплачиваться с книгоиздателями. Сами же книгоиздатели не хотят открывать при себе фактически особые почтовые отделения, занимающиеся отправкой книг.

Такие вот дела. Москва и Питер завалены интереснейшими научными и учебными изданиями, а многие периферийные центры не имеют реального доступа к ним. Далее следуют традиционные русские вопросы: кто виноват и что делать? Перечень виновников довольно велик: это и Ельцин, разваливший вместе с государством заодно и налаженную систему книгоснабжения (просьба не расстраивать бывшего президента и не сообщать ему об этом), и Министерство народного образования, давно уже не выделяющее средства вузам для приобретения новых книг (министерству об этом тоже не надо сообщать, так как известно и без него, что денег ему не дает Министерство финансов), и книгоиздательства, не желающие заниматься мелкими поставками в регионы.

На первый вопрос («Кто виноват?») Россия всегда находила массу ответов. Сложнее с вопросом «Что делать?». За всю историю России только Н.Г. Чернышевский и В.И. Ленин решились ответить на эти вопросы, но благодарности потомков за это не заслужили.

Я думаю, что обеспечение книжной продукцией периферийных вузов должно быть поставлено под прямой государственный контроль. Министерству образования неплохо было бы разработать целевую программу под названием «Российскую книгу – российской окраине». Пока наиболее интересные книги в библиотеки Магадана поступают по линии Фонда Сороса. Неужели только этот западный фонд заинтересован в интеллектуальном развитии России?

Если трудно охватить все российские окраины, то давайте начнем с Магадана. В качестве эксперимента. «Почему именно с Магадана?» – воскликнет иной читатель. «Почему-почему… Живу я там». Или вот. Начнет какая-нибудь новая власть спрашивать с министров, как они заботились о России, да, осерчав, сошлет их в Магадан, на Колыму. Читатель, надеюсь, не забыл, что значат эти слова в истории России? Приедут министры туда, а там их ждут книжки. Интересные. Вот тогда и начитаются. А то сейчас, кажется, у них совсем нет времени на книги.

Александр СОКОЛЯНСКИЙ,
зав. кафедрой русского языка Северного международного университета, МАГАДАН

ЭФФЕКТ ЛИЧНОСТИ

Человек, который выдержал удар молнии

Сергей НОВИКОВ

Антон МЕНЬШЕВ

Окончание. Начало на стр. 11

ДИАЛОГ С УЧЕНЫМ

– У нас начата очередная реформа образования. Правда, она называется теперь модернизацией. Не кажется ли вам, что уровень образования в России снижается?

– Физика в школе уничтожается. И это станет катастрофой для страны. Положение нужно исправлять быстро. К сожалению, чиновники от образования не понимают элементарных истин: не будет физики – не станет биологии, других наук. Следует понимать: в основе образования лежит физика, из нее все вырастает.

– Это не преувеличение?

– Я был главным редактором Большой Советской Энциклопедии. Не случайно, что именно физик занял этот пост. Ведь Энциклопедия – это лицо государства, и оно не имеет права быть искаженным…

– В Англии шутят, что их страна началась с Британской энциклопедии.

– В этой шутке есть доля правды. БСЭ вышла в 30 томах тиражом 500 тысяч экземпляров. Никто не ожидал, что Энциклопедия будет пользоваться таким успехом. Оказалось, что она нужна всем интеллигентным людям. Причем не только в стране, но и во всем мире. Нашу Энциклопедию вы найдете во всех крупных библиотеках. Даже у Папы Римского она есть.

– А что особо запомнилось при издании БСЭ?

– История с Сахаровым. Суслов, который его ненавидел, потребовал, чтобы статьи о Сахарове не было. Но я ответил ему, что ничего поделать не могу – статьи обо всех академиках должны быть в Энциклопедии. Статья о Сахарове вышла, и это вызвало большой шум за границей – оказывается, там внимательно следили за нашим изданием...

– Вы говорите об Энциклопедии не только с гордостью, но и с горечью. Почему?

– К сожалению, сейчас в России такую Энциклопедию издать невозможно. И не только по экономическим соображениям. Дело в том, что нужды в ней нет… Я убежден, что положение в России начнет изменяться к лучшему только тогда, когда возникнет острая потребность в Энциклопедии.

Весной 1941 года Шура сделал предложение Галине, и они решили сыграть свадьбу в сентябре. Все лето оба работали в экспедициях. Галя под Тулой – она географ. Александр же направлялся в Среднюю Азию: там физики из Ленинграда должны были наблюдать солнечное затмение.

В июле они встретились всего на несколько часов. Александр уже был на курсах разведчиков, а Галина приехала к нему, чтобы они смогли зарегистрировать свой брак. На это потребовалось всего десять минут. В загсах царила «демократия»: не нужны были ни свидетели, ни заявления о бракосочетании – достаточно было просто зайти туда вдвоем. Кстати, такие «военные браки» оказались самыми прочными, на всю оставшуюся жизнь, если, конечно, ее не отнимала война.

Дважды она пыталась это сделать с Александром Прохоровым…

Он был в Москве 16 октября…

Потом фронт. В марте 1942 года лейтенант Прохоров был ранен в правое предплечье. Осколок вытащили, но рука не действовала. Его отправили в военный госпиталь под Москвой. Здесь его нашла жена.

Это удивительная женщина! Она будто ангел-хранитель оберегала своего мужа. Она выходила его, спасла. Рука постепенно восстановилась, хотя два пальца так и остались скрюченными – был перебит локтевой нерв.

Тем не менее лейтенант Прохоров вернулся на фронт. Воевал в разведывательной группе, несколько раз ходил в рейды по тылам фашистов. В феврале 1943 года был ранен в левое бедро. Попал в госпиталь в Волоколамске, где его вновь нашла жена. Она вывезла в Москву. Врачи сделали все, что могли, но Александр Прохоров стал инвалидом – вновь воевать он не мог.

Родной ФИАН принял его с распростертыми объятиями: он стал одним из первых фронтовиков, кто вернулся в свою лабораторию.

ДИАЛОГ С УЧЕНЫМ

– В своем выступлении на семинаре в апреле 2001 года вы, по сути дела, признались в любви к родному ФИАНу?!

– И сделал это с удовольствием! Я был приглашен в этот институт еще в 1939 году. Чтобы стать аспирантом, мне пришлось выдержать весьма строгий экзамен у крупнейших физиков, таких, как академики Фок, Тамм и Ландсберг. Меня направили в лабораторию колебаний, которую возглавлял академик Папалекси, где я стал заниматься распространением радиоволн для измерения расстояний. Мы выезжали в экспедиции вместе с будущим академиком Мигулиным.

– И что больше всего запомнилось в них?

– Как мы намазывали хлеб на масло!

– Не понял…

– Владимир Владимирович следил за тем, чтобы, когда мы ели, не намазывали много масла на хлеб. Но мы поступали хитро. В хлебе были дырки, и мы туда загоняли масло. Тогда получалось, что на поверхности масла было мало. Это не научная работа, но тем не менее это показывало, что мы все-таки не терялись.

– Итак, вы вернулись с фронта в лабораторию. Вы знали, чем следует заниматься?

– Когда идет работа, то неизвестно, к чему она придет. Есть вещи, когда ты знаешь, что добавить, чтобы прийти к цели. А есть вещи, когда ты работаешь и не знаешь, что получишь, но тоже очень важные. Ну так же, как с ядерной физикой. А. Беккерель открыл радиоактивность сто лет назад. И в течение полувека все считали, что работа в области ядерной физики – это трата государственных денег. После того как было открыто деление урана и была создана бомба, наше правительство сделало мощные вливания в науку. Кстати, то, что в ядре сосредоточена большая энергия, понимали все. Но даже великие ученые считали, что ядерную энергию вряд ли удастся использовать в практических целях. Так что когда говорят, что нужно сейчас делать только практические вещи, то это можно делать, но только тогда, когда ты имеешь уже фундамент, который может все решить. Но есть направления, которые открывают совершенно новые возможности, их нужно поддерживать.

А судьба продолжала свои игры с Прохоровым. Казалось бы, самое страшное позади, а впереди увлекательная, интересная работа. Да и вот-вот жена должна родить. Оба убеждены, что будет сын.

Но тут молния попадает в Прохорова!

Это случилось на даче. Ученый вышел на прогулку. Неожиданно налетела гроза. Молния выбрала высокого Прохорова. К счастью, рядом был Леонид Максимович Бреховских, друг семьи. Он увидел распростертого на земле Прохорова, изо рта текла струйка крови.

Бреховских начал делать искусственное дыхание…

Случилось чудо – ученый остался живым. Но правый глаз был поврежден, он видит им намного хуже.

Впрочем, даже врачи удивились, что человек выдержал удар молнии. Судьба хранила Александра Прохорова для высшей награды в науке.

ДИАЛОГ С УЧЕНЫМ

– Квантовые генераторы военные сразу же попытались использовать для своих целей, не так ли?

– Как и любое другое крупное открытие… Но не следует в этом видеть только негативную сторону. Работа на оборону вызвала бурное развитие нашей области. Да и науки в целом, потому что правительство считало, что развитие страны без науки невозможно. И это был верный тезис. Но государство не должно вмешиваться в науку, так как это приносит чаще всего вред. Достаточно вспомнить историю с биологией…

– Разве это «вмешательство»?! Такое определение в данном случае не подходит! Сталин и государство танками, катками прошлись по биологии, не оставив в ней ничего, кроме сорняков – «лысенковщины».

– Нечто такое же хотели сделать и с физикой. Квантовая механика и теория относительности были названы «буржуазными теориями», которые надо уничтожить. Но наши атомщики прямо заявили, что если эти теории убрать, то атомную бомбу сделать невозможно.

– Вы почувствовали на себе эту «атаку на физиков»?

– Конечно. Я был молод, только начинал свой путь в науке, но тем не менее «тучи над нами сгущались». Но опять-таки физику спасла оборона. Лазерная техника начала стремительно развиваться, и сейчас она применяется в биологии, медицине, технике, промышленности – везде! Но сначала была надежда, что мы создадим мощное лазерное оружие. И нас щедро финансировали. Это, конечно же, стимулировало наши работы, которые нашли себе применение не в военных, а в сугубо гражданских областях.

– Военных вы разочаровали?

– А мы ведь ничего не обещали. Мы просто установили, что такое оружие менее эффективно, оно «избирательно».

– Что вы имеете в виду?

– Военные надеялись, что лазерный луч будет «прожигать» боеголовку и тем самым уничтожать ее.

– Гиперболоид инженера Гарина?

– Красиво, но такое сделать невозможно. Тогда я доказал академику Харитону, что лазерный луч при ударе о металл рождает облако плазмы, которая его отражает. То есть эффект поражения резко снижается, и боеголовку довольно легко защитить от такого поражения. Иное дело, когда луч выводит из строя электронику, то есть «ослепляет» ракету. Это равносильно ее уничтожению, не так ли? Такие системы сейчас созданы и действуют.

В 1959 году в лаборатории Прохорова появился симпатичный молодой человек. Это был дипломник из Московского инженерно-физического института. Николай Басов понравился всем – он был не только талантлив, но и доброжелателен, веселый, прекрасно понимал юмор. Из дипломников он перешел в аспиранты, а затем и в сотрудники лаборатории. Галича Алексеевна Прохорова вспоминает: «В те годы среди сотрудников ходила шутка, что Прохоров убедил директора «обменять» синхротрон на Басова». Дело в том, что установка из лаборатории Прохорова нужна была для каких-то других исследований, но Александр Михайлович согласился отдать уникальный синхротрон за еще одну штатную единицу в лаборатории. Прохоров подшучивал, что «Басов ему достался очень дорого». Они стали не только коллегами, но и соратниками. Теперь в истории науки их имена будут стоять рядом всегда.

ДИАЛОГ С УЧЕНЫМ

– Каким вы видите будущее лазерной техники?

– Она непрерывно развивается. Всего за несколько месяцев у нас прошли три конференции по лазерной физике. И на каждой из них люди выступали с новыми докладами. Журнал «Лазерная физика», главным редактором которого я являюсь, очень толстый, а мы стараемся публиковать только те статьи, в которых есть новое. Все это прямое свидетельство бурного развития лазерной техники.

– В журнале на вас жалуются, мол, академик Прохоров все сам обязательно читает.

– Нет, я не вредный, но если я вижу, что что-то неправильное, я об этом говорю напрямую. Не было случая, чтобы я поддерживал неверные позиции. В науке надо быть принципиальным, только в этом случае ты сможешь сделать хорошую работу.

– А пример можно?

– Президент Демидовского фонда, который присудил мне премию, – академик Геннадий Андреевич Месяц. Однажды мы сделали установку. На расстоянии в 20 километров можно рассматривать человека, гуляющего с собачкой. Причем вы «нацелены» только на него, а потому все остальное, что находится вокруг, не замечаете… Интересно? Вот вам пример, на что способна современная техника.

– Но ведь это сделано не для того, чтобы рассматривать собачку?!

– Допустим, летит крылатая ракета. Летит очень низко. И как рассмотреть ее на фоне, к примеру, гор, холмов? Эта техника позволяет очень точно и четко выделять ракету и «видеть» только ее, а следовательно, и уничтожить…

– Это почти фантастика!

– К сожалению, реализовать ее в полной мере у нас не удалось: Советский Союз развалился, а в России нет денег.

– У нас не удалось, а на Западе?

– Они пытаются сейчас нечто подобное реализовать.

– Идеи в науке воруют?

– Еще как! Подчас даже не успеваешь уследить, кто это сделал и как именно…

О Нобелевской премии пошли слухи еще в сентябре. Академик Д.В. Скобельцын каждый год получал запросы о кандидатах на Нобелевскую премию. Комитет просил высказать его мнение о тех работах, которые заслуживают такой награды. Потом оценки крупнейших ученых планеты суммируются, и члены Нобелевского комитета выносят свое суждение.

Дмитрий Владимирович не скрывал убеждения, что Нобелевской премии по физике за 1964 год заслуживают члены-корреспонденты АН СССР А.М. Прохоров и Н.Г. Басов, а также профессор Колумбийского университета Чарлз Таунс, которые открыли новое направление в науке.

Ученые многих стран поддержали это предложение.

С тех пор А.М. Прохоров и Н.Г. Басов каждый год получали запросы из Нобелевского комитета о тех или иных кандидатах. В 2000 году оба рекомендовали присудить премию Ж.И. Алферову.

ДИАЛОГ С УЧЕНЫМ

– Многие академики считают себя моими учениками. Это не только те люди, которые были у меня аспирантами, работали в лаборатории. Знакомство с исследованиями, с новыми установками, совместный поиск – все это очень привлекало ученых. Когда появились лазеры, то потребовались новые ускорители, импульсная техника, аппаратура. И вовсе не случайно для науки, когда новое направление объединяет вокруг себя специалистов самого разного профиля. Такое и произошло с лазерами.

– Будто снежная лавина рождается: нужен лишь первый толчок, не так ли?

– Лучше пользоваться привычным для нас, физиков, сравнением: цепная реакция происходит… К примеру, после каждого выпуска журнала «Лазерная физика» мы наблюдаем нечто подобное: стоит только рассказать о новой работе, как тут же ее стараются повторить в разных лабораториях.

– Вы пока в «законодателях моды»?

– Стараемся идти впереди.

– А почему ваш журнал выходит только на английском языке?

– Аналогичный вопрос нам задал и президент В.В. Путин, когда мы встречались в Кремле. Он даже добавил, мол, этим фактом мы принижаем отечественную науку. Я ему объяснил, что в России все ученые знают английский язык, а на Западе – русский не знают. Он согласился, что бессмысленную работу делать не надо… Наш журнал – это своеобразная «визитная карточка» нашей области науки. В любой лаборатории мира достаточно сказать, что вы от Прохорова, что вы публикуетесь в «Лазерной физике», и вас очень хорошо принимают.

– О чем вы еще говорили с Путиным?

– Сегодня академическая наука в сложном положении. Мы теряем позиции. Отдаем наши кадры, лучших людей за рубеж. Я доказывал ему, что нужно ученым платить достойно. Чтобы получить хорошего ученого, на него нужно потратить 15 лет – это годы учебы. Как известно, образование стоит недешево. Потом молодой ученый из-за низкой зарплаты и плохих условий для своей работы уезжает на Запад, там делает работу, которую мы покупаем. Так не лучше ли ему здесь платить больше и создать нормальные условия для исследований, чем потом тратить большие деньги на покупку той продукции, которую он сделает там?!

– Говорят, вы используете сравнение со скаковой лошадью?

– Это хорошее сравнение. Допустим, у вас есть скаковая лошадь, ре-

Вечером они бросили жребий. Выбор выступить с Нобелевской речью пал на Басова. Прохоров даже обрадовался этому: ораторствовать он не любит. А Басов не ожидал такого, а потому ему пришлось перед церемонией вручения медалей и дипломов ночью не спать – заново переписывал все, что набросал в Москве. Здесь перед королем нужно было говорить более торжественно и возвышенно.

Потом А.М. Прохоров сделает доклад в университете Стокгольма. Здесь ему выступать проще и привычней: студенты везде одинаковы… И им он говорил о будущем, причем недалеком, том самом, строить которое придется им.

– Уже в настоящее время диапазон, в котором работают лазеры и мазеры, – говорил он, – крайне большой. Если недавно далекий инфракрасный диапазон не был освоен, то сейчас он быстро осваивается. Практически с помощью лазеров и мазеров можно получать излучение от самых низких радиочастот до ультразвука…

Нобелевскому лауреату аудитория обычно верит. Однако в 1964 году слова Прохорова казались фантастикой. И ему самому пришлось реализовывать в жизни то, о чем он мечтал и что предсказывал.

Комментирует академик В. ОСИКО:

«Вспоминая обстановку того времени, невольно приходишь к мысли, что следует скорее удивляться тому, что лазеры были созданы в такие короткие сроки. Для прорыва в область оптического диапазона необходимо было еще одно: требовался переход на совершенно новые технологии, которые не существовали тогда ни в СССР, ни в других странах, включая и США. Именно А.М. Прохоров первым осознал необходимость и масштабы предстоящей работы и включился в нее со всем жаром своего темперамента, талантом ученого и организатора и глубокими и разносторонними знаниями. В рекордно короткие сроки, в пределах одного десятилетия, в СССР была создана сеть новых институтов, конструкторских бюро и производств, подготовлены кадры специалистов-лазерщиков и специалистов смежных направлений. В результате за короткий срок СССР превратился, наряду с США, в одну из двух лазерных сверхдержав. Роль А.М. Прохорова в этом процессе трудно переоценить. Представляется, что эта роль вполне сопоставима с ролью И.В. Курчатова в развитии атомной физики и энергетики и С.П. Королева в развитии космической техники и космонавтики».

Я полностью поддерживаю мнение академика Вячеслава Васильевича Осико. Институт общей физики РАН, созданный дважды Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской, Государственной, Нобелевской и Демидовской премий академиком А.М. Прохоровым, сегодня является мировым лидером в лазерной технике. И мы вправе это достижение нашей науки ставить в один ряд с запуском первого искусственного спутника Земли, полетом Юрия Гагарина, пуском первой в мире атомной электростанции и созданием современного термоядерного оружия. Именно такие достижения науки делают Россию великой державой.

ДИАЛОГ С УЧЕНЫМ

– У вас никогда не возникало желания оставить науку?

– И чем же заниматься?

– Рыбной ловлей, садоводством, путешествиями.

– Академик Скобельцын сразу после получения мной Нобелевской премии вдруг задает вопрос: «А вы будете заниматься наукой?» Он тогда был директором нашего института и опасался, что у меня «вскружится голова». Потом это будут называть «звездной болезнью». Я тогда ответил ему, что высшее наслаждение в жизни – это научная работа, а любая премия – лишь минутная радость. С тех пор прошло почти сорок лет, но и сегодня я отвечаю также.

Иногда не верится, что у Александра Михайловича нет иных забот, чем его наука. Однако и его супруга Галина Алексеевна свидетельствует:

– Его хобби – работа по квантовой электронике. Александр Михайлович не занимается ничем другим и не любит домашнюю работу. Если я его попрошу что-нибудь прибить или повесить, мой муж это оттягивает, вид у него делается скучным, движения медленными, и он это сделает не в лучшем виде. Зато и вечерами, и в нерабочие дни Александр Михайлович не расстается с письменным столом. Он делает расчеты, что-нибудь пишет, просматривает научные журналы…

Каждый день академик Прохоров в рабочем кабинете.

В Стокгольм на юбилейные торжества он не поехал.

В ноябре шло общее собрание Академии наук. Александр Михайлович был в больнице. Однако во время выборов нового руководства академии он появился в зале заседаний.

Я удивился, увидев его. А Александр Михайлович сразу же объяснил понятно и просто:

– Сегодня мы определяем будущее академии, а следовательно, и России. И я не хочу и не могу быть в стороне от этого…

Владимир ГУБАРЕВ

УРОКИ ВЕКА

Выход из классовых шор

Согласно легенде, когда в древнем Китае сменялась династия, придворные мудрецы переписывали всю историю страны от времен ее основания. Наша страна не чужда этой традиции – историю России часто переписывали при резких изменениях политического курса. Однако, по мнению директора Института российской истории РАН, члена-корреспондента РАН Андрея Николаевича Сахарова, в 90-е годы началось уникальное время: ученые имеют возможность не переписать, а переосмыслить историю.

За последние годы в институте вышло несколько интересных работ, таких, например, как «Российские самодержцы» – биографии российских правителей XIX и XX веков, книги о российских реформаторах, консерваторах, либералах и радикалах. Все это не популярная литература, а серьезные исторические труды, результат исследований, совершенно невозможных в недавнем прошлом. А самое ощутимое достижение российской исторической науки сегодня в том, что она наравне с физикой, химией, биологией стала частью мировой науки. Это подтверждают многочисленные научные форумы, ежегодно проводимые институтом совместно с историками СНГ, а также Запада и Востока. Интересно, что, несмотря на выявленные противоречия, в итоге обнаруживается гораздо больше общего, чем можно было предположить. Например, на совместной с украинскими учеными конференции, посвященной воссоединению Украины с Россией, даже с учетом всех разногласий, взгляды историков из обеих стран на роль таких исторических личностей, как Богдан Хмельницкий и другие украинские гетманы, во многом совпали. Можно отметить как очень плодотворные международные конференции «55 лет окончания Великой Отечественной войны» и «Святость и святые в истории России». Участие в научных форумах западных ученых, использование бывших под запретом историографий, таких, в частности, как эмигрантская, как раз помогают воссоздавать историю России во всей ее полноте.

Совсем недавно мы смотрели на историю, как отечественную, так и мировую, исключительно с классовых позиций. Классы были «хорошие» (например, класс рабочих и крестьян) и «плохие» (дворянство, буржуазия, духовенство). «Нельзя сказать, что такая «однобокость» – целиком и полностью заслуга советского периода: историческая наука всегда обслуживала власть и, естественно, отражала идеологию правящей верхушки, – говорит Андрей Николаевич. – Так, до революции, в силу сложившейся традиции, мало внимания уделялось истории «низов» российского общества – крестьянства, зарождающегося рабочего класса, социальным и революционным потрясениям. А в советские времена, напротив, основной акцент делался на «героическую» историю беднейших слоев населения: рабочего класса, крестьянства, их жизни и борьбы за свои социальные права (крестьянские и казацкие восстания, бунты, рабочее движение). История же церкви, предпринимательства, дворянства, элиты российского дореволюционного общества, за исключением великих исторических личностей, практически не разрабатывалась».

По существовавшей недавно концепции исторической науки правдиво и тщательно отображалась лишь часть российской истории, а то, что с «нашей» точки зрения казалось подозрительным, замалчивалось. Сегодня ученые могут не оглядываться на власть и не делить сословия на «любимые» и «нелюбимые». У них наконец появился шанс (пожалуй, впервые в России) воссоздать объективную и полнокровную летопись нашего Отечества от глубокой древности до современности, где каждое сословие (от нищего крестьянства до аристократии), каждая историческая личность (от Пугачева до последнего императора) займут свое место. И главное в современной исторической науке – не судить прошлое, а понять его, выявить взаимосвязи общественных процессов и явлений, их тесную зависимость друг от друга и совместную эволюцию на протяжении всех веков российской истории, считает директор Института российской истории РАН.

Этот новый подход позволил буквально расцвести науке, освободить ее от различных пут, догм и дал возможность ученым полноценно воссоздавать историю такой, какой она была на самом деле. Нынешнее время можно назвать переходным состоянием – абсолютно на равных существуют различные исторические школы, в науке сочетаются старые и новые подходы, синтез марксистского и западного (например, Веберовского) взгляда на историю. Наиболее остро противоречия проявляются, когда речь идет об истории России в XX веке (революции, войны, личности Ленина и Сталина), может быть, потому, что это наше совсем близкое прошлое. Но и здесь ощущается новый подход, переосмысление, казалось бы, известных фактов.

Так что нынешняя ситуация в науке внушает оправданный оптимизм, который омрачен лишь существующей системой образования – во всяком случае, в том, что касается истории. Во многом она осталась традиционной, но при этом объем, отведенный историческому обучению, постоянно сокращается – от школ до вузов. И если раньше «обществоведение» и «история партии» были обязательными для всех студентов, независимо от изучаемой специальности, то сегодня история России фактически в загоне. А ведь упомянутые «лишние» дисциплины давали хотя какое-то представление об истории XX века России. Более того, существуют попытки заменить «историю России» на «историю цивилизации», что, конечно, совершенно недопустимо. Особенно теперь, когда прошлое нашей страны перестало подвергаться цензуре.

Олеся РЫНДИНА,
«Информнаука»

РЕКТОРСКАЯ КАФЕДРА

Почвоведение – наука русская

Этот вуз российской глубинки готовит самых жизненно важных специалистов – тех, кто работает на земле, кто кормит страну.

Чему и как надо учить завтрашнего командира сельхозпроизводства? Каковы возможности учебного заведения, чтобы обеспечить необходимый стандарт подготовки?

На эти и другие вопросы нашему корреспонденту отвечает ректор Курской государственной сельскохозяйственной академии имени профессора И.И. Иванова профессор Владимир Дмитриевич МУХА.

– Наш вуз сельскохозяйственный, поэтому он выражает идеологию государства, которое стремится сделать своих сограждан сытыми и счастливыми. Он выражает и идеологию народа, непосредственно связанного с трудом. И не только с трудом на полях.

У нас, кроме агрономов, большой контингент студентов зооинженерного факультета, ветеринарной медицины.

Пользуется популярностью экономический факультет. Хороший набор на факультет инженеров-механиков и электриков для сельскохозяйственного производства.

Сейчас столкнулись с тем, что нам не хватает специалистов в области юриспруденции, хорошо знающих земельное и экологическое право. Мы уже выпускаем экологов. У нас есть кафедры экологии и охраны природы на агрономическом факультете, а также экономики природопользования земельного и экологического права на экономическом факультете.

– Выходит, что идеология вашего вуза – это универсальный, многогранный подход к землепользованию и всем проблемам продовольственной культуры страны?

– Сегодня трудно представить, что в 1951 году Курский сельскохозяйственный институт начинался с двух факультетов: агрономического и зооинженерного.

Уже много позже, в октябре 1994 года, статус вуза изменился. Он был преобразован в академию именно потому, что к этому времени представлял мощную научную и педагогическую школу. Существенно было увеличено число студентов.

Но расширение ради расширения – это не самоцель деятельности нашего коллектива. Недавно я был на съезде работников сельского хозяйства. На нем было сказано, что мы в этом году получили 800 млн. тонн зерна. Ведь прекрасно. Но почему-то не радость, а тревога сквозила в выступлениях участников съезда. Что теперь делать? Как его сохранить? Ведь это же зерно пропадает!

Опять оказались не готовы к получению больших урожаев. Причин тому много. Но одна из них, и не последняя, – это все еще преобладающая концепция подготовки кадров для сельского хозяйства.

Практически от поля до прилавка – сфера деятельности специалиста в области сельского хозяйства. К сожалению, она почему-то была поделена на разноведомственные части. От чего никто не выиграл.

Более того, сегодня ситуация настолько деформирована, что ни о каком нормальном рыночном производстве и речи быть не может. Те, кто производит, за бесценок продают тем, кто хранит. Последние за столь же бросовые цены уступают сельскохозяйственные продукты переработчикам, которые в любой ситуации имеют огромные прибыли.

Если еще добавить к этому, что все рынки центрального региона перепроданы и местному производителю закрыт на них доступ, то мы имеем уже серьезную социальную, да и политическую проблему.

– Вы считаете, что с помощью образования эту проблему можно решить?

– Конечно, одним образованием цивилизованного рынка не создать. Нужны жесткие законы, защищающие своего товаропроизводителя.

Так это происходит во всем мире. Каждый крестьянин – государство в государстве. Понимая это, власть его поддерживает. Предоставляет ему возможность воспользоваться дотацией или взять кредит. Получив урожай, крестьянин производит с государством расчет. И попробуй с ним поступить не по закону. Он достаточно профессионально грамотен, чтобы защитить себя.

Полагаю, что именно неподготовленность нашего производителя к новым, рыночным условиям жизни и позволила произвести с ним очередной эксперимент, собственно, как и со всей страной. Наши сельскохозяйственные производители стали нерентабельны и погибли в 90-е годы опять-таки по причине своей экономической неграмотности.

– Что это за ситуация? И сделали ли вы из нее выводы?

– Она хорошо известна, и ее описание уже вошло во многие учебники, не говоря уж о мемуарной литературе. Речь идет о том периоде, когда три года подряд государство предлагало сельскому труженику сдать полученное зерно, обещая за него заплатить. Но начиналась новая посевная, а выплат не было. Крестьянину же остро нужны были горюче-смазочные материалы, семена, удобрения.

Вы же свободные, берите кредиты и покупайте, предложило государство. Загнанные в угол, брали кредиты под 213 процентов. Я хорошо знаю эту ситуацию по своим учхозам, где только сейчас мы начинаем оправляться.

Но эта ситуация многому и научила. Когда я пришел сюда, это был 1988 год, у нас было пять факультетов и семь специальностей. Сейчас у нас семь факультетов плюс заочное отделение. 17 специальностей и 43 специализации. Мы готовим специалистов для всех областей сельскохозяйственного производства, пытаясь учесть требования и завтрашнего дня.

Часто ведем подготовку по заказам. Например, нам заказали подготовить специалистов по птицеводству, выращиванию бойлеров и их переработке. Одними из первых, опять-таки ориентируясь на реальные запросы, мы начали подготовку экологов для сельского хозяйства. Наши выпускники уже зарекомендовали себя в этом непростом деле.

К чести моих коллег, они постоянно совершенствуют экономические, технические специальности, если видят, что пора привести их в соответствие с требованием времени. Отдельно готовим инженеров по машинам перерабатывающей промышленности.

В последние годы резко обновились технологии по производству масла, молока, зерна, сахара и других продуктов. Пришло новое поколение техники, требующее знающих инженеров.

– Но хорошая подготовка требует соответствующей базы. Насколько возможности вуза позволяют обучать специалистов новейшим технологиям?

– Можно сказать, что технология в мире изменилась кардинально. Но, к сожалению, наши заводы не в состоянии приобрести новую технику. Поэтому часть заводов работает на старом оборудовании. Некоторые же начинают менять его, понимая, что без этого не выжить.

Для нас это один из реальных путей совершенствования подготовки студентов. Мы открываем на таких предприятиях филиалы кафедр, которые взаимовыгодны и вузу, и предприятию. Так, при клинических кафедрах факультета ветеринарной медицины функционируют научно-производственные филиалы на базе биофабрики, комбината лекарственных средств, областной ветеринарной лаборатории. Для интеграции учебного и производственного процессов на агроэкологическом факультете создано пять филиалов кафедр, в том числе при ВНИИ сахарной промышленности.

На их базе ведутся и исследовательские работы, в которых принимают участие и преподаватели, и студенты. Только в последний год ученым академии получен диплом на научное открытие, пять патентов на изобретения, более тридцати научных разработок представлено для внедрения в производство.

Студенты старших курсов, специализирующиеся по переработке мяса, проходят хорошую подготовку на Льговском мясокомбинате. Он завоевал несколько золотых медалей на международных выставках во Франции. Так что там есть чему поучиться.

– А собственная база? Достаточна ли она?

– Конечно. К услугам студентов опытно-учебное хозяйство. Оно хорошо оснащено. Есть опытное поле, механические мастерские для изготовления экспериментальных образцов машин, рабочего оборудования.

Наш учхоз выжил. На сегодня это рентабельное хозяйство по всем областям, имеющее площадь 2400 га. Мы идем на уровне. Сейчас в учхозе построили дом, в котором получили квартиры молодые доктора и кандидаты наук, научные сотрудники и работники учхоза.

Но мы считаем, что все равно этого недостаточно, поэтому активно развиваем деловые контакты с зарубежными коллегами, причем не только с учеными и преподавателями, но и с фермерами.

Каждый год отправляем порядка двадцати пяти человек в Германию, во Францию. Сейчас начали посылать в Голландию и в Англию, в США и Венгрию. Обычно это обмен студентами на три–шесть месяцев. Но вот зарубежные партнеры предлагают увеличить срок стажировок до восьми месяцев.

Интересное предложение, и мы его приняли. Дело в том, что наши студенты работают рядом с фермером. Изучают все технологии и все работы, которые ведутся на ферме. Они возвращаются оттуда, после такой производственной практики, специалистами, знающими европейский уровень ведения хозяйства и зарубежные технологии. Достаточно прилично овладевают иностранным языком, а главное – сохраняют эти связи на потом. Есть уже примеры, когда они перерастают в совместные интересные проекты.

Знаете, но был момент, который меня приятно порадовал. Проверял я практику в Германии. Наш студент полностью работает за фермера. Сидит за компьютером и следит за дойкой коров. Смотрит, какая температура, давление, жирность молока, и в соответствии с этим дает указания рабочим.

Закончилась дойка, вышел, разговариваем. Конечно, интересуюсь, как работается. А он говорит: «Мы здесь увидели то, чему вы там нас учили в Курске».

– Очевидно, это приятно услышать. Выходит, что мы не так уже и отстаем от просвещенной в сельском хозяйстве Европы.

– Да, что касается учебно-методической и научной базы, то стараемся не отставать. Мы много внимания уделяем методическому оснащению учебного процесса. Строго за этим следим.

Насколько можем, пробиваем издание учебных пособий и учебников. Я считаю, что учебники в вузах должны быть разные. Допустим, центральная дисциплина «экономика» или «агрономия». Пусть будет три-четыре учебника. Хорошо бы, чтобы они были написаны ведущими учеными страны. И уж совсем неплохо было бы, если бы не только отраслевые академии наук, но и РАН взяла бы это под свой контроль. И издание их тоже стало бы прерогативой ее издательств вместе с отраслевыми нашими, например, «Колосом».

Целый ряд новых учебников разработан и учеными нашей академии. Есть среди них нестандартные. Например, учебник «Агрономия» рассчитан на специфическую аудиторию – на студентов, занимающихся по неагрономическим специальностям. Те же темы, но рассмотрены они уже несколько по-другому.

Вызвали большой интерес и многие научные исследования ученых нашего вуза. Назову прежде всего две монографии Н.Г. Кононова: «Не хлебом единым» и «Великая государственная обязанность крестьянского населения». Сколько копий сломано вокруг «крестьянского вопроса»! Эти работы – первое научное исследование, посвященное восстановлению крестьянской экономики Курского края в годы нэпа. В них приведен огромный фактический материал.

Как почвовед не могу не назвать монографии «Плодородие почв и устойчивость земледелия (агроэкологические аспекты)» и «Плодородие почв и развитие человечества». В этих книгах мы постарались достаточно аргументированно изложить закономерности культурной или антропогенной эволюции почв, задачи производства экологически чистой продукции, под новым углом зрения посмотреть на нашу землю.

Для нас ценно, что книга вышла благодаря поддержке Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН), которая выступила спонсором издания.

Но во многом и зарубежная агронаука еще догоняет нас. Например, сам я ученый-агроном, почвовед-агрохимик, так полно значится по диплому. Читаю почвоведение и агрохимию. Пришлось побывать в университете США. Встречаемся с коллегой-почвоведом, и он мне первым делом показывает книгу В.В. Докучаева «Русский чернозем». Это книга, от которой пошла наука почвоведение. До нее были разрозненные знания.

Почвоведение – это исконно русская наука, признанная сегодня во всем мире. Да только ли она одна? Во Франции лежит наш эталон – воронежский чернозем, получивший золотую медаль на одной из международных выставок во Франции.

Вез его и представлял мировому сообществу лучший ученик В.В. Докучаева, его соратник Вернадский, ставший впоследствии академиком. Это его работа о ноосфере триумфально прошествовала по всему миру.

Нашей академии присвоено имя профессора Ильи Ивановича Иванова, нашего земляка, уроженца Щигровского уезда Курской губернии, выдающегося ученого и практика. Но мало кто знает, что по решению ЮНЕСКО во всем мире отмечалось его столетие.

Нам надо об этом постоянно напоминать нашим студентам. Чувство гордости, которое вуз сформирует у своих питомцев, это совсем не так плохо.

Людмила КОХАНОВА

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Астрономом пишет небо

Многих удивляет, как в столь непростые времена нашим научным работникам удается не только выживать, но и заниматься фундаментальными исследованиями, создавать новые теории, делать важные открытия.

Происходит же это, по мнению заместителя главного редактора журнала «Письма в Астрономический журнал. Астрономия и космическая астрофизика» (Москва, издательство «Наука», МАИК «Наука/Интерпериодика»), профессора Леонида Ивановича Матвеенко, потому, что, «несмотря на материальные трудности, основные кадры нам удалось сохранить». Кстати, «пишут письма» в журнал не только российские, но и зарубежные ученые (из «дальнего и ближнего» зарубежья); а печатаются в нем краткие статьи, излагающие еще нигде не опубликованные результаты, которые по научным соображениям нуждаются в быстрой публикации, ибо они должны как можно скорее стать достоянием максимально широкого круга астрономов и ученых смежных специальностей. Можно обозначить основные направления исследований авторов журнале. «Это изучение всех типов астрономических объектов, – рассказывает профессор Л.И. Матвеенко, – начиная от Солнечной системы (непосредственно Солнца) до галактики, метагалактики – фактически всей Вселенной. Наиболее интересные публикации последнего времени связаны с поиском ответа на такой капитальный вопрос, как: «Сохраняются или изменяются во времени физические константы (постоянные)?». Этой темой занимается академик Д.А. Варшалович с группой ученых, и цикл его работ, посвященных исследованию фундаментальных физических констант в процессе космологической эволюции, опубликованных в нашем журнале, был отмечен Главной премией МАИК по физике и математике за 1996 г. Лично я считаю эту научную работу выдающейся, здесь прежде всего сказалась интуиция наших специалистов, сумевших поставить перед собой и решить задачу, несмотря на относительно скромные средства, которыми они располагали. Хотелось бы отметить публикации работ академика и главного редактора нашего журнала Р.А. Сюняева, в которых он рассказывает о своих исследованиях (проводимых также с группой молодых энергичных ученых) жесткого излучения космических объектов.

Кстати, по-моему, неверно считать фундаментальные исследования не приносящими конкретной пользы человечеству; например, термоядерные реакции впервые обнаружены учеными на Солнце, а уже затем механизмы возбуждения энергии были перенесены в лабораторные условия. Мы, астрономы, видим эти процессы в «обычных» космических условиях, имея в своем распоряжении естественные лаборатории, в которых можем изучать реальное вещество, действительно существующее в космосе, а ведь далеко не всегда возможно создать аналогичные условия в земных лабораториях. Вообще же непросто разделить науку на прикладную и фундаментальную. Так, утверждается, что Ньютону на голову упало яблоко и он открыл закон всемирного тяготения. На самом деле законы гравитации были открыты благодаря обнаруженному движению планет по своим орбитам, так что все одновременно проще и сложнее. То же самое можно сказать и о многих других научных открытиях».

Интересно, что журнал отсеивает около 30 процентов присланных для публикации материалов. Статьи и академиков, и «просто» научных сотрудников проходят через двух рецензентов (имена которых из этических соображений авторам не называются), которые вправе рекомендовать материал не печатать, и тогда автору будет отказано в публикации, хотя редколлегия предпочитает бороться за статью до конца. «Если статья содержит рациональное зерно, но написана неудачно, – объясняет зам. главного редактора Л.И. Матвеенко, – мы поможем автору избавиться от жаргонных слов, объяснить их, короче говоря, высказать свои идеи так, чтобы они были понятны и другим ученым. А вот если человек фанатично отстаивает собственное заблуждение, то, чтобы не разворачивать на страницах серьезного академического журнала дискуссий и не «узаконивать» таким образом ошибочных суждений, ему, конечно, в публикации будет отказано. Понимаете, в науке можно говорить и о зеленых человечках, но обоснованно».

Юлия СЕДОВА

ВЗГЛЯД МАСТЕРА

Хождение в политику

В самые трудные, критические дни в истории общество обычно обращается к ученым, потому что в них оно видит свою надежду, свое будущее. А кто же другой способен «увидеть свет в конце тоннеля»?!

В конце XX века двум представителям Российской академии наук суждено было сыграть главную роль в преодолении тех кризисов, что обрушивались на нас иногда продуманно, чаще нежданно. «Уничтожение военно-промышленного комплекса» – так была сформулирована задача, которую ставило перед собой правительство «реформаторов» во главе с Гайдаром. Никогда в истории России шельмование выдающихся ученых и конструкторов не достигало такой силы, как в начале 90-х. И особенно «доставалось» атомщикам, создателям ракетно-ядерного щита. Именно в это время прозвучало: «Я – ястреб!» Это сказал министр Виктор МИХАЙЛОВ. И он же убедительно показал, что без ядерного оружия, без ракет Россия никогда не сможет быть «великой державой». Во многом спасение мощной атомной промышленности России связано с академиком В.Н. Михайловым. Кстати, сообщаем для непосвященных: научные разработки современного оружия, стоящего на страже России, сделаны под его руководством.

В трагические для России дни премьером стал академик Евгений ПРИМАКОВ. Трудно предположить, что сегодня было бы с нами, если бы не мудрость этого человека, который смог объединить всех нас и дать надежду на будущее. Он вывел нас из кризиса, и об этом мы никогда не забываем.

Фотомастер Сергей Новиков сделал портреты академиков Е.М. Примакова и В.Н. Михайлова во время общего собрания РАН

БОЛЬШАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Луч надежды

Виктор Борисович Лощенов в дипломе значится как инженер. По призванию считает себя физиком. Последние 20 лет работает в Московской медицинской академии им. Сеченова и изучает медицину. В конце уходящего года получил звание «Лучший менеджер» Российской академии наук». Так кто же он?

Как минимум, но это уже немало, Лощенов войдет в историю как разработчик первого отечественного прибора для лазерной медицинской диагностики и лечения онкологических заболеваний. Произошло это в начале 80-х. Двадцать лет спустя приборы, изготовленные его предприятием «Биоспек», вылечили и лечат от рака тысячи людей.

Приборы, созданные Лощеновым и его командой, служат для так называемого метода фотодинамической терапии (ФДТ). К сожалению, это пока не панацея, но о данном методе все больше говорят как об очень эффективном и перспективном.

Суть механизма основывается на особом препарате фотосенсибилизаторе и лазерном луче. Фотосенсибилизатор – препарат, повышающий чувствительность тканей к свету, вводится внутривенно и концентрируется в основном в злокачественных новообразованиях, не затрагивая остальные ткани организма. При воздействии на фотосенсибилизатор, накопившийся в опухоли, лазерного луча красного цвета происходит фотохимическая реакция. В результате фотохимической реакции образуется синглетный кислород и другие высокоактивные свободные радикалы, которые являются токсичными для раковых клеток. Опухоль рассасывается и замещается нормальной соединительной тканью.

Попадание лазерного излучения на прилегающие нормальные ткани, в которых фотосенсибилизатор не накопился, не приводит к каким-либо отрицательным последствиям для организма. Поэтому этот метод особенно хорош, когда невозможна хирургическая операция из-за тяжелых сопутствующих заболеваний или распространенности опухоли. Кроме того, ФДТ позволяет избежать общего воздействия на организм человека наблюдаемого, например, при химиотерапии, и таким образом удается избежать всех побочных эффектов химиотерапии.

Метод ФДТ недорогой, что тоже немаловажно. И в этом главная заслуга отечественных разработчиков. Ведь ни препараты, ни оборудование для диагностики нам почти не приходится закупать за рубежом. Наоборот. Приборы «Биоспека» успешно конкурируют с западными аналогами, а некоторые страны, такие, как Германия, Греция, Израиль, Польша, Южная и Северная Корея, Вьетнам, Япония, предпочитают закупать приборы у нас.

В отечественной медицине метод ФДТ становится все более популярным. И в этом Виктор Борисович видит немалую заслугу мэра Москвы. Одно из главных правил медиков – не навреди, поэтому к методу ФДТ клиницисты долго приглядывались. Но после того, как Ю.М. Лужков создал программу поддержки, выделил деньги на исследования и клинические испытания, профинансировал производство фотосенсибилизаторов и закупку оборудования для десяти московских клиник, метод был пролоббирован. ФДТ увидели в действии, перестали приглядываться, и многие клиники теперь стремятся закупить оборудование, правда, уже на собственные деньги. Дай бог, найдут несколько тысяч.

Ныне же подобные операции проводятся в 15 медицинских учреждениях г. Москвы, в частности, в Государственном научном центре лазерной медицины, в Онкологическом центре РАМН, в Онкологическом научно-исследовательском институте им. Герцена, в Московской медицинской академии им. Сеченова, а также в лечебных учреждениях Иркутска, Томска, Новосибирска, Калуги, Владимира, Тулы, подмосковной Балашихи и в других городах России, СНГ и стран зарубежья.

Как считает Лощенов, приборы, разработанные в «Биоспеке», уже можно заносить в Книгу рекордов Гиннесса. Оборудование тонкое, хрупкое и, по идее, должно ломаться, но этого не происходит. За пятилетнюю практику не было ни одного случая выхода из строя. Не поэтому ли Лощенов называет изделия почти ювелирной работы «железом»?

Об эффективности приборов красноречиво свидетельствует статистика. Исход лечения зависит от стадии опухоли и локализации. Кожные опухоли вылечиваются в 99–100 процентах случаев. Причем косметический эффект намного лучше, чем при других способах лечения. Рак первой стадии также порядка 100 процентов, вторая стадия – 90 процентов, третья стадия – 70 процентов. Относительно четвертой тяжелой стадии о полном излечении говорить уже сложно. Здесь метод ФДТ, скорее, уже является паллиативным, т.е. не радикальным, но может быть значительно облегчена и продлена жизнь больного.

В этом году у предприятия «Биоспек» десятилетний юбилей. В 1993 году оно было образовано на базе Лазерной биоспектроскопии Института общей физики РАН. Оставаясь директором этой лаборатории и вместе с тем директором «Биоспека», Лощенову удается совмещать и научную деятельность, и бизнес. Успех своего дела он видит прежде всего в поддержке, заинтересованности и хорошей работе команды. Его команда – это двадцать человек. Две трети коллектива занимаются научными разработками, а одна треть – производством и бизнесом. Кроме того, поддерживают единомышленники, среди которых и медики отечественные и зарубежные, и ученые, и чиновники. Последние, впрочем, бывает, вставляют палки в колеса. Бизнес-то малый, а значит, и проблемы для сего бизнеса типичные. «Постоянная головная боль, – сетует Виктор Борисович, – это сертификация оборудования». «Изобретательность чиновников» в конечном счете добавляет к стоимости оборудования 15 процентов.

Работа предприятия «Биоспек» – это удачный пример того, как может быть востребован и реализован научный продукт. Именно поэтому в конце ушедшего года Фонд содействия отечественной науки в числе прочих четырнадцати лауреатов, получивших гранты «Лучший менеджер РАН», выделил Виктора Борисовича Лощенова. Если таких примеров будет становиться больше, то наверняка будут выполнены те задачи, которые преследуют устроители данного конкурса. Как пояснил вице-президент РАН Н.П. Лаверов, это прежде всего выделение группы менеджеров, способных реализовывать научный потенциал и доводить научный продукт до потребителя, во-вторых, это привлечение крупных отечественных компаний к налаживанию плодотворного научно-технического сотрудничества с Академией наук и, в-третьих, восстановление разрушенных связей между фундаментальной наукой и высокотехнологичными отраслями российской промышленности.

Евгения НОВОСАД

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Воздушный мост на Антарктиду

После двух зимовок в Антарктиде (1955 – 1957 и 1958 – 1960 гг.) стало ясно, что надо делать ставку на самолеты, чтобы полнее использовать короткий летний сезон для трансконтинентальных переходов и доставки личного состава, а не плыть полтора месяца на теплоходе, тратя драгоценное летнее время на плавание. Наши настойчивые просьбы достигли цели, и тридцать лет назад, в 1961 году, было принято решение направить два тяжелых самолета (по тем временам Ил-18 и Ан-10) в Антарктиду. Первый – пассажирский, для перевозки личного состава (около 100 чел.) и второй – грузовой, в лыжно-колесном варианте, для обеспечения горючим станции «Восток» и нашего похода: ст. «Мирный» – ст. «Восток» – ст. «Полюс Недоступности» – ст. «Молодежная». Предполагалось пройти около 6000 километров на тяжелых гусеничных тягачах «Харьковчанка».

Мы готовили аппаратуру, персонал, методику, и когда до вылета оставалось 5 дней, грянул гром.

Оказалось, что радист на самолете Ан-10 Коля Старков не владел английским. А вся связь за границей между аэропортами и бортом самолета ведется на специальном авиационисм английском языке. Менять радиста было поздно, на получение виз в пяти странах для нас всех МИД потратил около 3 месяцев. И кому-то пришла в голову бредовая мысль, что я могу сработать дублером радиста, поскольку свободно владею английским.

За четыре дня до вылета я был вызван пред светлые очи Марка Ивановича Шевелева – начальника Полярной авиации и руководителя летной группы нашего перелета.

В кабинете также присутствовал во главе с командиров Ан-10 Борисом Осиповым по прозвищу Слон за габариты весь экипаж Ан-10: второй пилот П. Рогов, бортинженер Д. Островенко и радист Н. Старков. Со всеми ними я зимовал, все мои друзья, со всеми я на «ты». Марк Иванович говорил:

– Или мы летим, или не летим, вы, Андрей Петрович, как начальник наземного перехода через Антарктиду больше всех заинтересованы в полете. Соглашайтесь на роль дублера-радиста, или полета не будет.

– Но я же ни х...а не соображаю в вашем лексиконе!

– Вот вам учебник английского языка для сотрудников Аэрофлота, вспомните молодость. Вам ведь всего 30 лет, и утром вы, как образцовый студент, будете им владеть.

Всю ночь мы с братом Сергеем тренировались в авиационной лексике. Сергей играл роль диспетчера, а я – бортового радиста. Надо сказать, что авиационный жаргон мало в чем похож на привычную нам английскую речь. Я не буду вникать в подробности, только скажу, что при передаче сложного слова нельзя было пользоваться, как у нас, случайными именами: «А» – Анна, «Б» – Борис, «В» – Виктор и т.д. Там за каждой буквой стояло строго одно имя: «А» – (alphia) альфа, «В» – (hravo) браво, «С» – (Carli) Чарли, «Д» – (delta) дельта, «Е» – (echo) эхо, «Ф» – (foxtrot) фокстрот и т.д. – и нельзя было ошибаться. (Только тогда я понял, что пропускной пункт между Западным и Восточным Берлином «Charli» был не в честь мифического капрала, как писали наши корреспонденты, а просто пункт «С».)

Торжественный вылет из Шереметьева состоялся 15 декабря 1961 года. Первым вылетел самолет Ил-18 под командованием А.С. Полякова со всем начальством, включая М.И. Шевелева и А.А. Афанасьева – начальника Главсевморпути и начальника перелета, личным составом экспедиции – 10 человек ученых, 6 корреспондентов. Вылетел раньше нас на два часа (так полагалось по правилам Аэрофлота, поскольку их самолет Ил-18 летел быстрее нашего). Но вот и мы взлетели... и я за дублера-радиста. Старков Коля, великолепный радист, следит за аппаратурой и ведет дальнюю связь морзянкой с Антарктидой – Мирным и Москвой, а я связь с диспетчерами аэропортов. Аппаратура мне знакома, такой же мы пользуемся на полярных станциях. С нами летят несколько техников и инженеров с авиазавода Антонова.

Через три часа, выйдя на связь с Ташкентом, Осипов по лорингофонной связи – это внутренняя связь между членами экипажа – предлагает:

– А ну-ка, Андрей, свяжись с Ташкентом по-английски.

Повинуюсь:

– Ташкент – Аэрофлот 04366 (это мой бортовой номер, по-английски звучит так: «зеро фор три сикс сикс», только цифры).

В ответ тишина. Повторяю десять раз – с тем же результатом. Осипов мне:

– Да они и по-русски перестали отвечать, перейдем на УКВ (это ближняя связь).

После благополучной посадки в Ташкенте в диспетчерской выясняю, что произошло. Они вдруг слышат английские позывные – зовут Ташкент. Сегодня в аэропорту не английский день, иностранных самолетов нет, переводчик на рыбалку уехал – вот в аэропорту и началась паника. Послали срочно за переводчиком машину, а тут скоро и мы прилетели. Конечно, мог помочь экипаж Ил-18, но они прилетели три часа назад и давно уехали в город. (Надо сказать, что во время всего перелета передняя машина практически о нас забывала, особенно после приземления – их встречало местное начальство, послы, тут же увозили всех в город, в лучшем случае нас встречал сотрудник посольства, чем это один раз кончилось, вы узнаете позже.) Ташкентцы нас чуть не побили за наши шуточки. Так окончилась моя первая попытка связаться с аэропортом по-английски.

На следующий день летим в Дели через китайскую территорию. В это время между Китаем и Индией конфликт – где проводить границу? Китай, конечно, проводит южней, Индия – северней. СССР дружит с обеими великими державами. По летным законам при пересечении границ государств мы должны получить разрешение на вылет у одного и на влет в другое государство. Но здесь конфликт. Как СССР поведет себя, какую границу признает? МИД ответил – выкручивайтесь, как знаете (типично дипломатический ответ).

И наши штурманы придумали выход: подлетая к границе, признаваемой только Индией, радист говорит в эфир: «Всем, всем, всем. Самолет Аэрофлота пересекает точку с координатами: столько-то градусов западной долготы и столько-то градусов северной широты. Есть ли у кого-нибудь возражения?»

В отчет молчание – знак согласия. Над китайским вариантом границы тот же маневр. Все-таки наши штурманы умнее МИДа. Кстати, весь радиоманевр на русском языке.

Но впереди Дели мой первый опыт связи. Посылаю свои позывные «Аэрофлот 04366» (на всю жизнь запомнил), в ответ хрипение. Слава Богу, на помощь приходит Кабул, дает погоду Дели. Наконец слышу Палам (это аэропорт Дели), с трудом понимаю – нам разрешена смена эшелона, то есть снижение. Слон ворчит по ларингофону:

– Мне бы только полосу увидеть.

У него тоже опыта международных полетов нет. Переходим на УКВ. Сквозь треск разрядов, в Дели гроза, слышу искаженный английский:

– Вам разрешена посадка.

Кричу Слону:

– Садись!

– Сам вижу!

В общем, сели.

Бегу в диспетчерскую:

– Простите, я первый раз сажаю самолет!

В отчет встает долговязый юноша-индус и говорит:

– Простите, сэр, я практикант и не смог обеспечить нормальную связь.

Мы обнялись и простили друг друга – «Индия русиш пхай-пхай» (индусы и русские – братья навек).

Следующий перелет Дели – Рангун (Бирма). Не хочу описывать экзотику, это уже другие давно сделали. Скажу только, что связь с Рангуном была идеальная. Когда диспетчер понял, что я с трудом владею радийным английским, он перешел на идеальный английский. Я понимал каждое слово. Полет прошел отлично. Слон стал смотреть на меня с уважением.

Перед вылетом в Джакарту приезжает наш посол в Бирме в аэропорт и говорит всем нам:

– Индонезия объявила войну Нидерландам, будет освобождать Западный Ириан. Там объявлено военное положение. Все полеты запрещены, кроме как советским самолетам (мы их вооружаем). Будьте осторожны!

Вылетаем, как всегда, с двухчасовым интервалом. Впереди тропический фронт. Это мощная кучевая облачность высотой до 20 километров над уровнем моря. Облететь или перелететь его нельзя, можно только пролететь сквозь него. Там бушуют грозы, мощные вертикальные воздушные потоки. Уже издали он производит грозное впечатление.

Слышу вздох Осипова: «Ну с Богом, пошли...» И наш самолет вонзается в

1961 год. После полета Москва – Антарктида. Среди участников: М.М. Сомов, А.С. Поляков, А.П. Капица, М.И. Шевелев, А.Ф. Трешников

плотную, как вата, кучевку. В кабине становится темно. Зажигаем освещение. Самолет бросает вверх и вниз. На экране локатора видны темные пятна. Это центры гроз – их надо обходить, но иногда их столько, что летчики теряются и выбирают самое слабое пятно, тогда кругом сверкают молнии, а концы крыльев светятся голубым светом. Через час такой трепки выскакиваем из облаков по ту сторону фронта.

Теперь можно пытаться связаться с Джакартой, раньше из-за грозовых помех об этом нечего было и думать.

Джакарта ответила не сразу – предупредила нас, что мы в зоне военных действий, и просила по пустякам не беспокоить. Через час Осипов потребовал разрешения на снижение до 6000 метров. Нам нехотя разрешили. Но когда до нее оставалось полчаса лету, в дальнейшем снижении отказали и велели находиться в зоне ожидания. Осипов начал кипятиться:

– Что, они не понимают, что у меня горючка на исходе? Требуй посадку!

С земли:

– Ждите, мы вас вызовем.

Обстановка накаляется. Слон вспоминает все мои прошлые радионеудачи. Я отругиваюсь, как могу. Иногда безуспешно зову Джакарту. Когда Слон перешел на крепкие выражения, я не вытерпел и выдал ему все, что думаю о нем, об Индонезии, Джакарте и прочих до седьмого колена. И вдруг, о ужас, вижу, что я все это говорю на чистом русском языке в эфир, я в запале переключил тумблер. Хорошо, думаю, что по-русски вряд ли кто поймет. Но я жестоко ошибался. Когда через минуту Джакарта срочно приказала снижаться, Осипов чуть ли не спикировал на посадочную полосу. Через полчаса мы выползли из самолета в потную жару тропиков, нас окружил взвод охраны, и молодой лейтенант на приличном русском языке приветствовал нас. В это время на ту же полосу произвели групповую посадку три МИГа. Осипов не удержался от восхищения и воскликнул:

– Ну, ваши и дают жару!

Молодой лейтенант с улыбкой сказал:

– Это не наши, это ваши летают.

Тут я понял, что мои выражения достигли русских ушей, которые командуют полетами наших парней. А то летел какой-то англичанин, а оказалось, «свой», подумали они, услышав родные выражения, и дали диспетчеру команду на нашу посадку. Так вот впервые нас выручил великий и могучий русский язык.

Утром вылетели в порт Дарвин. Это север Австралии. Летим над Тиморским морем, внизу веселая россыпь зеленых островов. Связь с Австралией великолепная – надеемся к вечеру добраться до Сиднея.

Все в самолете чувствуют себя уверенно, настроение приподнятое. Единственное, что беспокоит, – барахлит локатор. Возможно, что вчера, пролетая тропический фронт, в грозе его повредили. Ладно, в Дарвине разберемся.

Сели в Дарвине. Входит чиновник и командует: двери не открывать, никому не выходить, после чего нас обрызгали какой-то дрянью из аэрозольных баллонов, чтобы мы не завезли в Австралию насекомых из Индонезии. Потом выпустили.

Полезли в локатор – так и есть: повреждение.

Ил-18 полетел дальше, а мы стали ремонтировать локатор. Когда его починили, то оказалось, поздно вылетать в Сидней, мы не могли прилететь до 6 часов вечера, а после шести реактивным самолетам летать над Сиднеем запрещено, чтоб не шумели.

Пришлось заночевать в Дарвине. К нам зашел лидер, который полетит дальше с нами. Это штурман, обязанный контролировать наше поведение над Австралией. Предложил пойти выпить – наш экипаж дружно отказался. Я пошел один погулять по Дарвину, благо, какая-то молодая пара предложила меня покатать по городу на машине. По пути мы увидели нашего лидера в каком-то ресторанчике, куда зашли выпить пива. Он подошел к нам и, будучи уже сильно поддавшим, сказал мне:

– Со мной не захотели пить, запомним, – и, качаясь, вышел.

– Откуда вы его знаете? – спросил парень.

– Да это наш лидер в завтрашнем полете.

– Какой он лидер – это начальник контрразведки местной воинской части.

Утром наш лидер появился как ни в чем не бывало и потребовал предоставить ему место радиста, что и было сделано. А я занял рядом с ним место второго радиста.

Взлетели. Он передал краткую сводку по УКВ, а потом, смотрю, переключился на лоринговую внутреннюю связь.

Вчера он мне говорил, что ни слова по-русски не понимает, а тут слушает внимательно переговоры экипажа. Я встал, тихонько разъединил штекер наушников у него на шлеме и сообщаю всем, кроме, естественно, него:

– Наш лидер включился в бортовую связь, так что не ругайтесь матом, – и снова соединил штекер.

Конечно, ничего секретного он не узнал бы от нас, но подслушивать невежливо и нехорошо. После этого ребята перешли на такой жаргон, что и я с трудом понимал, о чем они говорят. Некоторое время он послушал, заглянул пару раз в русско-английский разговорник и снова переключился на эфир. Скоро он снял наушники, дав мне указания, если его будут вызывать, позвать его. Сам пошел в каюту отдыха и завалился на верхнюю койку спать, где и проспал до самого Сиднея, никто его не звал, и, по-видимому, отсутствием его на связи никто не был обеспокоен. Проснувшись, спросил что-нибудь выпить и был недоволен сухим законом на борту нашего самолета.

Перелет до Новой Зеландии прошел хорошо, только прилетели мы туда довольно поздно. Аэропорт дожидался только нас, и когда мы заперли и опечатали самолет, то обнаружили, что нас никто не встречает из посольства. Наше начальство уже три часа как уехало. Куда нам ехать, на чем – ни одного такси. Все офисы закрыты. Стоим на площади перед аэровокзалом, группа мужчин в штатском, форму Аэрофлота из нас никто не носил – ведь мы Полярная авиация! Какой-то мужчина, узнав, в чем дело, простодушно сказал:

– А вы зайдите в штаб авиационной части – к американцам, они вам помогут, – и показал шлагбаум на другой стороне площади.

Мы подошли к часовому у шлагбаума, который жевал резинку, и я спросил, как пройти в штаб. Он показал на серое здание. Мы вошли. Молодой капитан, улыбаясь, приветствовал нас.

– Мы ищем русских, которые прилетели два часа назад, не могли бы вы нам помочь, они остановились где-то в городе. И потом, как бы достать такси, чтобы туда добраться?

– О'кей. – Он поднял телефонную трубку: – Разведотдел? Где остановились русские, прилетевшие два часа назад по пути в Антарктиду? О'кей, гостиница «Парковая»!

В этот момент входит какой-то полковник. Офицер вскакивает и докладывает, что на базе все в порядке.

– А это кто такие? – кивает он на нас.

– А правда, кто вы? – спрашивает он.

Я объясняю. Немая сцена, как в «Ревизоре». Надо отдать должное командиру базы, а это был он. Через несколько минут появилось три джипа, и нас в два счета доставили в гостиницу.

По пути я спросил Осипова, как бы он себя чувствовал, если бы в Захаровке, где находится Московская авиагруппа особого назначения (МАГОН), явилось десять американцев. Слон многозначительно хмыкнул.

Утром мы были на той же базе уже в качестве гостей. Мы должны были летать с их лидерами. До станции Мак-Мердо – американской базы в Антарктиде – 6000 километров, а у нас запас топлива на 10 000. То есть, учитывая штурманский запас на встречный ветер, после 4000 километров мы должны знать, какая нас ждет в Мак-Мердо погода, потому что после 4000 мы обратно вернуться не можем, это так называемая «точка поворота».

После вылета все шло благополучно. Лидер весело болтал со мной, помогал в связи с Мак-Мердо. До того момента, как мы подошли к «точке возврата». Тут связь как ножом обрезало. Лидер помрачнел, попробовал несколько запасных частот, но всюду был, как говорят радисты, полный «гухор». Осипов требовал погоду и прогноз в Мак-Мердо, а станция молчала. Связались с Ил-18, у них то же самое. Надо принимать решение. Осипов решает сам, никто ему не помощник – он капитан.

Летим вперед. Если в Мак-Мердо плохая погода, дотянем до оазиса Бангера (это в 300 км от Мирного в сторону Мак-Мердо). Через 2,5 часа мы увидели вулкан Эребус, у его подножия американская станция. Погода великолепная. Как говорят синоптики, видимость «миллион на миллион». И почти сразу в эфире появились американцы:

– Простите, у нас технические неполадки со связью.

– Ну, неполадки так неполадки, – проворчал Слон.

Заложил лихой вираж и с ходу, не осматривая посадочную полосу, приземлился в самом начале и остановился посредине. Далеко от того места, где его ждали американцы. Потом подрулил к тому месту, где была организована встреча. Американцы встретили его ревом восторга. Такой посадки здесь никто никогда не видел. Вечером они устроили в нашу честь прием.

Я решил зайти к радистам и спросил их, какие были технические трудности.

– Да никаких не было, просто начальство приказало замолчать, проверяло ваши навигационные приборы и нервы, все оказалось в порядке. Плюнь ты на это, ты же русский, давай выпьем.

Что мы и сделали...

27 декабря 1961 года мы благополучно приземлились в Мирном, закончив перелет через четыре материка протяженностью 25 045 км за 48 час. 27 мин.

К сожалению, самолет Ан-10 не удалось использовать в лыжном варианте по причине технической недоработки лыж и намечавшийся наш поход не состоялся. Также закрыли станцию «Восток», поскольку обеспечить ее горючим намечалось при помощи самолета Ан-10.

Возвращение обратно было тоже очень интересным, но об этом в другой раз. Экипажи самолетов были награждены орденами и медалями. Я же получил для себя самый приятный знак «Отличника Аэрофлота», а в удостоверении к нему сказано: «За отличное выполнение правительственного задания, мужество и летное мастерство, проявленное во время перелета Москва – Мирный (Антарктида) – Москва». Не много ученых могут похвастаться таким знаком с признанием летного мастерства.

Андрей КАПИЦА,
член-корреспондент РАН

НЕ НАВРЕДИ!

Морозная сауна

Сегодня сотни людей во всем мире посещают своеобразные «сауны», температура воздуха в которых ниже минус 100°С. Об этом необычном способе лечения рассказывает главный врач московского центра «Медкрионика» Иван Сергеевич ЧЕРНЫШЕВ.

В 1979 году на медицинском конгрессе в Висбадене японский врач Ямаучи сообщил коллегам, что он успешно лечит своих пациентов от радикулита, помещая их на короткое время в камеру с сухим воздухом, температура которого от минус 100 до минус 180°С. Несколько лет спустя камеры холода появились в Германии, а затем и в других странах.

В России для оборудования первой такой камеры врачи-умельцы использовали корпус большого холодильника. Камера была установлена в одном из санаториев в г. Геленджике. Ее «испытателями» стали моряки-подводники, вернувшиеся из длительного похода. Результаты холодовой реабилитации превзошли все ожидания. Врачи отмечали, что под действием сверхнизких температур восстанавливается нарушенное душевное равновесие, укрепляется иммунная система, пропадает тяга к спиртному, повышается половая потенция.

Разработкой настоящих аппаратов для криотерапии занималась группа питерских ученых под руководством профессора Г.А. Головко. Россияне предложили оригинальное решение: они оснастили криокамеру профилированным окошком, через которое больной во время процедуры может общаться с врачом и дышать воздухом комнатной температуры. Камера такого типа установлена и в нашем центре.

От врача больной направляется в помещение для переодевания. Форма одежды – купальник или плавки плюс шерстяные носки и теплые тапочки. При желании больной еще может надеть шерстяные наколенники и теплые перчатки. Зайдя в криокамеру, он надевает на голову своеобразный теплый шлем, лицевое отверстие которого соединено по контуру с окошком криокамеры. Дверь камеры герметически задраивается, и в нее на 2 – 3 минуты подается холод.

Что же происходит в это время с больным? Его кожа начинает интенсивно отдавать тепло. От рецепторов на поверхности кожи сигналы тревоги направляются в мозг. Для компенсации тепловых потерь он переводит все системы организма на более активный режим работы: учащается пульс, повышается кровяное давление, увеличивается приток крови к поверхности кожи. При этом улучшается кровоснабжение и других органов.

Целебный холод помогает лечить многие кожные заболевания, бронхиальную астму, остеохондроз, ревматизм. Перед ним отступают такие тяжелые и трудноизлечимые болезни, кек истерия, депрессия, синдром хронической усталости. Мы говорим лишь о лечении в криокамерах, а существуют еще и аппараты для локального воздействия, и их возможности поистине неисчерпаемы. И я совершенно согласен с тем, что не последнем конгрессе Международной академии холода в Токио криоэкстремальная терапия названа «медициной XXI веке».

Николай ХВОСТОВ,
Информагентство «Новости науки»

КНИЖНЫЙ РЯД

Потомкам в назидание

Альфред Кейзерлинг. «Воспоминания о русской службе»

Мемуары графа Кейзерлинга, выходившие в двух книгах в 1930–1940 гг. в Германии, впервые издаются в России издательством МАИК «Наука/Интерпериодика». Начав службу чиновником для особых поручений, он, прибалтийский немец, инспектировал амурскую каторгу, посещал бурятские селения, буддийские монастыри, Сахалин и Камчатку, выкрадывал документы из осажденного Порт-Артура, руководил Царскосельским земством, в первые же дни войны был обвинен в шпионаже в пользу Германии и заключен в Петропавловскую крепость, организовывал поставки продовольствия на фронт в годы первой мировой, отступал с Колчаком, сидел в большевистском концлагере... В книге содержатся рассказы о сибирской каторге, увиденной глазами не революционера, а правительственного чиновника, о путешествии цесаревича по Забайкалью, о поездках в Монголию, Китай, Японию, этнографические сведения о народах Дальнего Востока, воспоминания о работе под началом барона Корфа, о личных встречах с Николаем II и высшими государственными чиновниками, об установлении советской власти в Сибири.

Книга иллюстрирована редкими архивными фотодокументами, в том числе никогда не публиковавшимися. Предлагаем вашему вниманию отрывок из книги.

Каторжник барон N

Кроме чиновников, в канцелярии было занято человек десять арестантов – в качестве писарей. Ознакомившись с их поименным списком, я был неприятно поражен: там числились имена вельмож и знатных семейств, в том числе балтийский дворянин, барон N, состоявший со мною в родстве, хоть и весьма отдаленном.

Из его досье я узнал, что молодым офицером он участвовал в туркестанских походах армии Скобелева, отличился и был произведен в полковники, затем, по приказу туркестанского наместника генерала Кауфмана, назначен окружным начальником, а позднее за мошенничество, растрату и жестокость приговорен к пятнадцати годам каторжных работ с последующим поселением в Сибири. Внешность у барона была типичная для семейства N – высокий рост, лицо длинное, угловатое, с энергичным подбородком, крупным носом и кустистыми бровями. Искажало сей характерный облик только одно – наголо обритая правая половина головы, что вкупе с желтым бубновым тузом на спине арестантского халата составляло отличительный признак каторжника.

Барон N находился на каторге сравнительно давно и, к сожалению, полностью деградировал, опустившись до уровня самого заурядного арестанта, что случается отнюдь не со всеми выходцами из культурно и нравственно более высоких слоев общества.

Стоило мне из сочувствия к его положению порадовать барона маленьким подарком – чаем и сахаром, – и он не замедлил продемонстрировать мне свою деградацию, начисто забыв о соблюдении предписанной дисциплины. Он перестал вставать при моем появлении в канцелярии, а при встрече на улице не приветствовал, как положено, хотя издали, завидев меня, должен был вытянуться по стойке «смирно» и снять шапку. Ради поддержания дисциплины мне надлежало принять суровые меры, но прежде я решил побеседовать с бароном N наедине. Когда мы остались одни, я заговорил с ним не как с арестантом, а как с дворянином, хотя и бывшим, и человеком образованным, обратился к нему на «вы» и сказал, что никак не ожидал от него такого поведения; в ответ он попытался взять нагло-фамильярный тон и объявил, что, если я буду снабжать его водкой, чаем, сахаром и табаком, он готов посодействовать мне в решении моей трудной задачи. Этого было достаточно – я понял, что имею дело с совершенно вульгарным арестантом. Изменив тон, я заговорил на «ты» и предупредил, что, если еще хоть раз замечу малейший недочет в его поведении и работе, он получит пятьдесят розог. Он тотчас проникся почтением к моей персоне, залебезил и обещал исправиться. Впоследствии от другого бывшего кауфмановского чиновника, сосланного вместе с N, я узнал подробности о преступлениях барона.

Покоренная Россией Туркестанская область находилась под управлением наместника. Первым наместником стал генерал Кауфман. Один из округов Кауфман доверил барону N.

Вместе с несколькими другими высокопоставленными чиновниками N задумал основать в Туркестане, причем именно в том округе, которым управлял, крупный конезавод, рассчитывая затребовать большую государственную субсидию и положить ее в собственный карман. Представленный проект был сочувственно встречен и Кауфманом, и в Петербурге. Последовал запрос, наличествуют ли для будущего конезавода достаточно обширные пастбища. N сообщил, что в его округе имеется столько-то тысяч гектаров безлюдных земель, прекрасно подходящих для выпаса.

Засим проект утвердили, и авторы получили желаемую субсидию.

В действительности же округ барона N населяли многочисленные кочевники-сарты, и никаких свободных земель там не было. Чтобы создать таковые, N принялся методично и жестоко истреблять собственников этих земель – богатых сартов: сжигал их поселки, отбирал имущество, многие по его приказу были повешены и убиты якобы за подстрекательство к бунту. Так он в скором времени достиг своей цели: создал для конезавода большую безлюдную территорию.

Соумышленниками этой аферы были частью влиятельные чиновники кауфмановской наместнической администрации, частью высшие чины конезаводского ведомства в Петербурге. Раскрылось это дело уже позднее, когда N бесстыднейшим образом использовал самого наместника, чтобы выманить у богатых сартских ханов значительную сумму денег. Действовал он следующим образом. Совершая одну из своих инспекционных поездок, Кауфман прибыл к N. Как наместник императора, генерал и сам был не прочь поразить местное население пышностью и блеском; ничуть не меньше он любил и пышный прием. Зная об этом, N приказал всем богатым ханам своего округа явиться к нему, дабы встретить Кауфмана и преподнести дары, состоящие, как обычно, из шелковых ковров, прекрасных коней и изделий ремесленников. Сам он устроил по случаю приезда начальника роскошный банкет. В разгар этого празднества пришел ординарец и что-то шепнул N; тот сразу же встал и попросил у Кауфмана извинения: дескать, ему нужно отлучиться по срочному делу. Немного погодя он вернулся и доложил Кауфману, что собравшиеся сартские ханы просят его выйти на балкон и принять дары в доказательство их верности царю. Кауфман, весьма обрадованный столь горячим приемом, вышел на балкон и от имени царя поклоном поблагодарил сартов за верность.

На самом деле N инсценировал вот что. Приказал ординарцу вызвать его и объявил сартам, что генерал-де собирает деньги на дорогой подарок императору – в знак преданности всего населения Туркестана; от вверенного ему округа ожидается сумма в 40 000 рублей. Деньги надобно собрать немедля, так как наместник пробудет здесь всего несколько часов и до отъезда нужно передать ему означенную сумму. Зная беспощадную энергию и жестокость N, сарты очень скоро принесли требуемое. А поскольку генерал Кауфман, после того как они вручили N деньги и остальные подарки, лично поблагодарил их от имени Его величества, никто из них не сомневался, что 40 000 рублей потребовал и получил сам наместник. Кауфман по-сартски не понимал, а в качестве переводчика выступал не кто иной, как N. Однако на этом N не остановился, наглость его не ведала предела. Вечером состоялся бал, где Кауфману представили якобы благородных сартских дам. На самом деле это были сартские проститутки, выписанные бароном N исключительно затем, чтобы нарядить их в богатое платье, обвешать драгоценностями и показать наместнику как элиту верноподданного сартского народа.

Вот на этой наглой комедии N и сломал себе шею. Вернувшись в Самарканд, «благородные» сартские дамы принялись бахвалиться знакомством с наместником. В конце концов молва дошла до Кауфмана, он произвел расследование, в ходе которого раскрылось второе мошенничество и все прочие гнусности N. Барона и его пособников постигла заслуженная кара. N был приговорен к каторжным работам, менее проштрафившиеся – к ссылке в Сибирь.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 28 ЯНВАРЯ

ОРТ

6.00 Телеканал «Доброе утро».
9.00, 12.00, 15.00, 18.00 Новости.
9.15 «Земля любви». Сериал.
10.10 Документальный детектив.
10.40 Поле чудес.
11.35 «Непутевые заметки» с Дм.Крыловым.
11.50 Библиомания.
12.20 Аль Пачино в фильме «Крестный отец-3».
15.20 Майкл Йорк и Ричард Чемберлен в фильме «Три мушкетера».
17.00 Большая стирка.
18.25 «С легким паром!»
19.00 Жди меня.
20.00 «Кто хочет стать миллионером?» Телеигра.
21.00 Время.
21.35 А.Гуськов в детективе «Подозрение». 1-я серия.
22.45 Независимое расследование.
23.30 Ночное «Время».
0.00 «На футболе» с Виктором Гусевым.
0.30 «Ночная смена» Дмитрия Диброва.

РТР

5.50, 6.50, 7.50, 8.50 Вести - Москва.
6.00, 7.00, 8.00, 9.00, 11.00, 14.00, 17.00, 20.00 Вести.
6.15 «Селеста, всегда Селеста». Сериал.
6.45 Православный календарь.
7.15, 8.35 Экспертиза РТР.
7.30, 12.20 Афиша.
7.40 Семейные новости.
8.15 Москва - Минск.
9.15 Мэг Райан и Том Хэнкс в фильме «Джо против вулкана» (США).
11.30 «Санта-Барбара». Сериал.
12.30 Вести недели.
13.30 «Что хочет женщина». Ток-шоу.
14.30 «Крылья любви». Сериал.
15.25 «Дикий ангел». Сериал.
16.20 «Fm и ребята». Сериал.
17.30 Комедия «Русское чудо».
19.00 Бенефис «Городка».
20.35 Местное время. Вести - Москва.
20.55 Сериал «Леди бомж».
21.50 Жерар Депардье в фильме «Отверженные» (Франция - Италия - Испания - Германия - США).
23.00 Вести + Подробности.
23.15 Авторская программа Аркадия Мамонтова «Обратная сторона. дети». Часть 3-я.
0.10 «И дольше века...» Документально-публицистическая программа Владимира Молчанова. Тонино Гуэрра.
0.50 Творческий вечер Анастасии Волочковой в театре «Новая опера».

ТВЦ

6.00, 7.30 «Настроение».
9.00 «Тихие страсти Магдалены». Сериал.
9.55 Ток-шоу «Слушается дело».
10.40 Телемагазин.
11.00, 18.00, 20.00, 0.05 События. Время московское.
11.15 Телеканал «Дата».
До 18.00 - профилактика
19.50 Пять минут деловой Москвы.
20.40 «Самозванцы». Сериал.
21.40 Особая папка.
22.15 «Парижский полицейский». Сериал.
23.15 Времечко.
23.45 Петровка, 38.
0.25 Ночной полет.
0.55 Поэтический театр Романа Виктюка.

МОСКОВИЯ

7.00, 18.15 Новости Подмосковья.
7.05 Будни.
До 18.00 - профилактика
18.30 Главная тема.
18.55 Прогноз недели.

НТВ

6.00, 6.30, 7.00, 7.30, 8.00, 8.30, 10.00, 12.80, 14.00, 16.00, 19.00, 22.00, 0.00 Сегодня.
6.10, 7.15, 15.40, 18.40 Криминал.
6.15, 8.15 Впрок.
6.35, 7.25 Наши любимые животные.
6.40, 7.45, 8.45 Пять минут с Новоженовым.
6.45, 7.50 Большие деньги.
8.50, 12.30, 0.30-3.00 Евроньюс
9.00, 22.50 Сериал «Скорая помощь».
10.20, 17.45 Алчность.
11.05 Шоу Елены Степаненко.
12.25 Наше кино. «Сломанная подкова».
14.20 Ток-шоу «Принцип «Домино».
16.25 «Возвращение резидента». 2-я серия.
19.40 Герой дня.
20.00 Наше кино. «Катька и шиз».
0.20 Гордон.

КУЛЬТУРА

8.00 Программа передач.
8.05, 12.30, 16.00, 18.30, 0.00 Новости культуры.
8.30 «Энн из поместья «Зеленые крыши». Сериал (Канада).
10.05 Золотой пьедестал. Николай Андрианов.
10.40, 17.30 «Корда: я не из тех, кто растёт на деревьях». Документальный фильм. Режиссер П.Саси.
11.45 В вашем доме. Вячеслав Войнаровский.
12.45 Вместе с Фафелей.
13.00 «Ох, уж эти детки!» Мультфильм.
13.15 Тесные врата. «Неизвестный Суворов».
13.30 Сценограмма.
14.00 «Седьмое небо». Фильм.
15.45 «Архимедов рычаг». Фильм 2-й.
16.10 «Грозовые камни». Сериал.
16.35 Мультфильмы.
17.00 «Российский курьер».
18.50 А.П.Чехов. «Счастливчик». Читает А.Борисов.
19.10 Торжественный юбилейный концерт, посвященный 80-летию Московской государственной академической филармонии.
21.55 Ретроспектива ранних фильмов Ингмара Бергмана. «Дождь над нашей любовью» (Швеция).
23.30 «Апокриф».
6.30 12.30; 0.30-3.00 Евроньюс

СТОЛИЦА

10.00 НОВОСТИ
10.25 Детский сериал «Арабелла возвращается, или Румбурак – король страны сказок». 4-я часть – «Арафон».
11.05 «Династия Штраус». Историческая драма. Об удивительной жизни композиторе Иогана Штрауса, музыка которого завоевала весь мир. Реж.: Марвин Дж. Чомски. В ролях: Энтони Хигинс, Чери Лунги, Эдвард Фокс и др. Австрия, 1990 г. 1-я серия.
12.05 Сериал «Неукротимая Хильда».
17-я серия.
12.30 НОВОСТИ
13.15 Петровка, 38.
13.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ
16.30 НОВОСТИ (с сурдопереводом)
17.00 Ку-Ко-Ня.
17.15 Щит Родины.
17.30 Документальный фильм «Бездомные люди».
18.00 Сериал «Династия Штраус». 1-я серия.
19.05 НОВОСТИ
19.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ
22.00 НОВОСТИ
22.25 Художественный фильм «Обыкновенный человек». Мелодрама по пьесе Леонида Леонова. Известный певец Ладыгин постеснялся своего школьного друга, приехавшего из провинции, и представил его членам своей семьи как крупного ученого. Он и не догадывался, как близок был к истине... Реж.: Александр Столбов. В ролях: Василий Меркурьев, Ирина Скобцева, Георгий Куликов, Софья Бирман, Роза Макагонова и др. Мосфильм, 1956 г.
00.30 НОВОСТИ
00.55 Ночной гость – поэт-песенник Александр Шаганов.
01.25 Сериал «Гонки на выживание». 12-я серия – «Смертельное хобби».
02.15 Ночной канал.
03.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ

ВТОРНИК, 29 ЯНВАРЯ

ОРТ

6.00 Телеканал «Доброе утро».
9.00, 12.00, 15.00, 18.00 Новости.
9.15 Жди меня.
10.10 «С легким паром!»
10.40 «Кто хочет стать миллионером?» Телеигра.
11.35 «Непутевые заметки» с Дм.Крыловым.
11.50 Библиомания.
12.15 Независимое расследование.
12.55 М.Ульянов в программе «Жизнь замечательных людей».
13.25 О.Борисов в фильме «Кража».
1-я серия.
14.35 Дисней-клуб.
15.15 Что да как.
15.35 Царь горы.
18.00 Детектив «Подозрение». 1-я серия.
17.00 Большая стирка.
18.30 Смехопанорама.
19.05 «Земля любви». Сериал.
20.05 «Слабое звено». Игровое шоу.
21.00 Время.
21.35 «Подозрение». 2-я серия.
22.45 «США. Ключ от ядерной кнопки». Фильм 1-й (США).
23.30 Ночное «Время».
0.00 «Цивилизация». Гарсиа Лорка.
0.30 «Ночная смена» Дмитрия Диброва.

РТР

5.50, 6.50, 7.50, 8.50 Вести - Москва.
6.00, 7.00, 8.00, 9.00, 11.00, 14.00, 17.00, 20.00 Вести.
6.15 «Селеста, всегда Селеста». Сериал.
6.45 Православный календарь.
7.15, 8.35 Экспертиза РТР.
7.30, 12.15 Афиша.
7.40 Семейные новости.
8.15 Национальный доход.
8.20 «Дом, который построил Джек». Мультфильм.
9.15 Джина Гершон и Олимпия Дукакис в фильме «Синатра» (США).
10.05 «Два рояля».
11.30 «Санта-Барбара». Сериал.
12.25 Моя семья.
13.30 «Что хочет женщина». Ток-шоу.
14.30 «Крылья любви». Сериал.
15.25 «Дикий ангел». Сериал.
16.20 «Простые истины». Сериал.
17.30 Комедия «Русский счет».
19.00 Бенефис «Городка».
20.35, 23.15 Местное время. Вести - Москва.
20.55 Сериал «Леди бомж».
21.50 Фильм «Отверженные».
23.00 Вести + Подробности.
23.30 Остросюжетный фильм «Ночная погоня» (США).

ТВЦ

6.00, 7.30 «Настроение».
8.50 Газетный дождь.
9.05 «Тихие страсти Магдалены». Сериал.
10.05 Особая папка.
10.40 Телемагазин.
11.00, 14.00, 17.00, 20.00, 0.05 События. Время московское.
11.15, 23.45 Петровка, 38.
11.30 Телеканал «Дата».
12.35 «Момент истины». Авторская программа А.Караулова.
13.30 Деловая Москва.
14.15 «Инспектор Кестер». Сериал.
15.20 Как добиться успеха. Доктор Богданов.
16.30 Ступеньки.
17.15 «Русские зимы в Ницце». Фильм 5-й.
17.45 Я - мама.
19.50 Пять минут деловой Москвы.
20.20 Лицом к городу.
21.25 «Самозванцы». Сериал.
22.30 «Воплощение счастья». Любовь Орлова.
23.15 Времечко.
0.25 Ночной полет.
0.55 «Открытый проект».
1.50 Синий троллейбус.

МОСКОВИЯ

7.00, 18.15 Новости Подмосковья.
7.05 Будни.
15.30 Большое плавание.
18.30 Главная тема.
18.55 Перекресток.
19.10 «Наша версия».
Под грифом «секретно».

НТВ

6.00, 6.30, 7.00, 7.30, 8.00, 8.30, 10.00, 12.00, 14.00, 16.00, 19.00, 22.00, 0.00 Сегодня.
6.10, 7.15, 15.40, 18.35 Криминал.
6.15, 8.15 Впрок.
6.35, 7.25 Наши любимые животные.
6.40, 7.45, 8.45 Пять минут с Новоженовым.
6.45, 7.50, 8.50 Большие деньги.
6.50, 7.35, 8.40 Карданный вал.
9.00, 22.50 Сериал «Скорая помощь».
10.20, 17.45 Алчность.
11.05 Шоу Елены Степаненко.
12.25 Наше кино. «Сломанная подкова».
14.20 Ток-шоу «Принцип «Домино».
16.25 «Возвращение резидента». 2-я серия.
19.40 Герой дня.
20.00 Наше кино. «Катька и шиз».
0.20 Гордон.

КУЛЬТУРА

8.00 Программа передач.
8.05, 12.30, 16.00, 18.30, 0.00 Новости культуры.
8.30 «Энн из поместья «Зеленые крыши». Сериал (Канада).
10.05 Золотой пьедестал. Николай Андрианов.
10.40, 17.30 «Корда: я не из тех, кто растёт на деревьях». Документальный фильм. Режиссер П.Саси.
11.45 В вашем доме. Вячеслав Войнаровский.
12.45 Вместе с Фафелей.
13.00 «Ох, уж эти детки!» Мультфильм.
13.15 Тесные врата. «Неизвестный Суворов».
13.30 Сценограмма.
14.00 «Седьмое небо». Фильм.
15.45 «Архимедов рычаг». Фильм 2-й.
16.10 «Грозовые камни». Сериал.
16.35 Мультфильмы.
17.00 «Российский курьер».
18.50 А.П.Чехов. «Счастливчик». Читает А.Борисов.
19.10 Торжественный юбилейный концерт, посвященный 80-летию Московской государственной академической филармонии.
21.55 Ретроспектива ранних фильмов Ингмара Бергмана. «Дождь над нашей любовью» (Швеция).
23.30 «Апокриф».
6.30 12.30; 0.30-3.00 Евроньюс

СТОЛИЦА

10.00 НОВОСТИ
10.25 Детский сериал «Арабелла возвращается, или Румбурак – король страны сказок». 5-я часть – «Румбурак в яблочном саду».
11.05 Сериал «Династия Штраус». 2-я серия.
12.05 Сериал «Неукротимая Хильда». 18-я серия.
12.30 НОВОСТИ
13.15 Петровка, 38.
13.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ
16.30 НОВОСТИ (с сурдопереводом)
17.00 Ку-Ко-Ня.
17.15 Мультфильм «Два жадных медвежонка».
17.30 Вам слово.
18.00 Сериал «Династия Штраус». 2-я серия.
19.05 НОВОСТИ
19.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ
22.00 НОВОСТИ
22.25 Художественный фильм «Дьявольски Ваш». Детектив. Кристина Кампо, убив ненавистного ей мужа Жоржа и став его наследницей, обращает внимание на вернувшегося из Алжира красавца Пьера Лагранжа. Подстроив Пьеру автокатастрофу, в которой он лишился памяти, коварная женщина убеждает его, что он ее муж – Жорж... Реж.: Жюльен Дювивье. В ролях: Ален Делон, Сента Бергер, Клод Пьеплю и др. Франция – Италия – ФРГ, 1967 г.
00.15 Сокровища мировой культуры. «Чонгми. Южная Корея».
00.30 НОВОСТИ
00.55 Ночной гость – телеведущий Николай Николаев.
01.25 Сериал «Гонки на выживание». 13-я серия – «Покушение».
02.15 Ночной канал.
03.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ

СРЕДА, 30 ЯНВАРЯ

ОРТ

6.00 Телеканал «Доброе утро».
9.00, 12.00, 15.00, 18.00 Новости.
9.15, 19.00 «Земля любви». Сериал.
10.15 Смехопанорама.
10.45 «Слабое звено». Игровое шоу.
11.35 «Непутевые заметки» с Дм.Крыловым.
11.50 Библиомания.
12.15 «США. Ключ от ядерной кнопки». Фильм 1-й (США).
13.00 40 лет шутя. КВН. Фрагменты биографии.
13.50 «Кража». 2-я серия.
15.15 Семь бед - один ответ.
15.35 Программа «100%».
16.00 «Подозрение».
2-я серия.
17.00 Большая стирка.
18.25 Русский экстрим.
19.55 «Последний герой». «Штормовое предупреждение».
21.00 Время.
21.35 «Подозрение». 3-я серия.
22.45 «США. Ключ от ядерной кнопки». Фильм 2-й (Россия).
23.30 Ночное «Время».
0.00 «Крылья».
0.30 «Ночная смена» Дмитрия Диброва.

РТР

5.50, 6.50, 7.50, 8.50 Вести - Москва.
6.00, 7.00, 8.00, 9.00, 11.00, 14.00, 17.00, 20.00 Вести.
6.15 «Селеста, всегда Селеста». Сериал.
6.45 Православный календарь.
7.15, 8.35 Экспертиза РТР.
7.30, 12.15 Афиша.
7.40 Семейные новости.
8.15 Национальный доход.
8.20 «Пилюля». Мультфильм.
9.15 Фильм «Синатра».
10.05 «Два рояля».
11.30 «Санта-Барбара». Сериал.
12.25 Моя семья.
13.30 «Что хочет женщина». Ток-шоу.
14.30 «Крылья любви». Сериал.
15.25 «Дикий ангел». Сериал.
16.20 «Простые истины». Сериал.
17.30 Документальный фильм из цикла «Российские детские деревни». Фильм 2-й. «Профессия - мама».
18.00 «Мужчина и женщина». Александр Кикавков.
19.00 Бенефис «Городка».
20.35, 23.15 Местное время. Вести - Москва.
20.55 Сериал «Леди бомж».
21.50 Фильм «Отверженные».
23.00 Вести + Подробности.
23.25 Союз бывших. Документальный фильм Алексея Денисова «Украина».
0.25 Комедия «Примадонна Мари».

ТВЦ

6.00, 7.30 «Настроение».
8.50 Газетный дождь.
9.05 «Тихие страсти Магдалены». Сериал.
10.05 Квадратные метры.
10.20 «Молодильные яблоки». Мультфильм.
10.40 Телемагазин.
11.00, 14.00, 17.00, 20.00, 0.05 События. Время московское.
11.15, 23.45 Петровка, 38.
11.30 Телеканал «Дата».
12.25 «Петербургские тайны». Сериал.
13.30 Деловая Москва.
14.15 «Инспектор Кестер». Сериал.
16.30 «Биг-бум». Телеконкурс.
17.15 «Русские зимы в Ницце». Фильм 6-й.
17.45 Кино нашей молодости.
19.50 Пять минут деловой Москвы.
20.40 «Самозванцы». Сериал.
21.40 Секретные материалы: расследование ТВЦ.
22.10 «Парижский полицейский». Сериал.
23.15 Времечко.
0.25 Ночной полет.
0.55 «Открытый проект».
1.50 Синий троллейбус.

МОСКОВИЯ

7.00, 18.15 Новости Подмосковья.
7.05 Будни.
15.30 Большое плавание.
18.30 Главная тема.
18.55 Перекресток.
19.10 Линия фронта.
19.25 Дольче вита.

НТВ

6.00, 6.30, 7.00, 7.30, 8.00, 8.30, 10.00, 12.00, 14.00, 16.00, 19.00, 22.00, 0.00 Сегодня.
6.10, 7.15, 15.40, 18.35 Криминал.
6.15, 8.15 Впрок.
6.35, 7.20 Наши любимые животные.
6.40, 7.45, 8.45 Пять минут с Новоженовым.
6.45, 7.50, 8.50 Большие деньги.
6.50, 7.35, 8.40 Карданный вал.
9.00, 22.50 Сериал «Скорая помощь».
10.20, 17.50 Алчность.
11.05 Квартирный вопрос.
11.35 Экологическая программа «Среда».
12.20 Наше кино. Комедия «Уникум».
14.20 Ток-шоу «Принцип «Домино».
16.25 Наше кино. «Конец операции «Резидент». 1-я серия.
19.35 Герой дня.
19.55 М.Брандо и Ч.Шин в криминальной комедии «Легкие деньги» (США).
0.20 Гордон.

КУЛЬТУРА

8.00 Программа передач.
8.05, 12.30, 16.00, 18.30, 0.00 Новости культуры.
8.30 «Энн из поместья «Зеленые крыши». Сериал.
10.15 Ток-шоу «Наобум». Валентин Никулин.
10.40, 17.35 Понимание. «Смех».
11.45 Кинопанорама.
12.45 Вместе с Фафелей.
13.00 «Ох, уж эти детки!» Мультфильм.
13.15 Чем живет Россия.
13.30 Блистательный Санкт-Петербург.
14.00 «Валентин и Валентина». Фильм.
15.30 Концертино.
15.45 «Архимедов рычаг». Фильм 3-й.
16.10 «Грозовые камни». Сериал.
16.35 Мультфильмы.
17.05 Машины времени.
18.50 Кто мы?
19.15 «Гранд». Сериал.
20.15 «Михаил Булгаков. Черный снег». Передача 7-я.
20.45 Спокойной ночи, малыши!
21.00 Острова. Владимир Басов.
21.40 «Ингмар Бергман. О жизни и о работе». Часть 1-я.
22.00 Ретроспектива ранних фильмов Ингмара Бергмана. «Корабль идет в Индию» (Швеция).
23.30 «Бесконечная история Голливуда».
6.30 12.30; 0.30-3.00 Евроньюс

СТОЛИЦА

10.00 НОВОСТИ
10.25 Детский сериал «Арабелла возвращается, или Румбурак – король страны сказок». 6-я часть – «Роковое яблоко».
11.05 Сериал «Династия Штраус». 3-я серия.
12.05 Сериал «Неукротимая Хильда». 19-я серия.
12.30 НОВОСТИ
13.15 Петровка, 38.
13.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ
16.30 НОВОСТИ (с сурдопереводом)
17.00 Ку-Ко-Ня.
17.15 Светлые будни.
17.45 С Думой о Москве.
18.00 Сериал «Династия Штраус». 3-я серия.
19.05 НОВОСТИ
19.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ
22.00 НОВОСТИ
22.25 Художественный фильм «Груз без маркировки». Приключения. В трюме иностранного торгового судна спрятаны наркотики. Старшему помощнику капитана Чиффу поручено доставить их по назначению. По дороге судно заходит в советский порт для дозаправки. Именно этого больше всего и боялся Чиф... Реж.: Владимир Попков. В ролях: Алексей Горбунов, Тыну Карк, Юрий Григорьев и др. К/ст. им. А. П. Довженко, 1984 г.
00.15 Сокровища мировой культуры. «Нанси. Франция».
00.30 НОВОСТИ
00.55 Ночной гость – актриса Ольга Кузина.
01.25 Сериал «Гонки на выживание». 14-я серия – «Решающий день».
02.15 Ночной канал.
03.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ

ЧЕТВЕРГ, 31 ЯНВАРЯ

ОРТ

6.00 Телеканал «Доброе утро».
9.00, 12.00, 15.00, 18.00 Новости.
9.15, 19.05 «Земля любви». Сериал.
10.10 Русский экстрим.
10.40 «Кто хочет стать миллионером?»
11.35 «Непутевые заметки» с Дм.Крыловым.
11.50 Библиомания.
12.15 «США. Ключ от ядерной кнопки». Фильм 2-й (Россия).
13.05 «В поисках утраченного». Алексей Грибов. Ведущий-Г.Скороходов.
13.40 А.Грибов в фильме «Дорога к морю».
15.15 «Все псы попадают в рай».
15.40 Мультазбука.
16.00 «Подозрение». 3-я серия.
17.00 Большая стирка.
18.35 Программа «Сами с усами».
20.05 «Слабое звено». Игровое шоу.
21.00 Время.
21.35 «Подозрение». 4-я, серия.
22.40 Человек и закон.
23.30 Ночное «Время».
0.00 Формула власти. Президент Израиля.
0.30 «Ночная смена» Дмитрия Диброва.

РТР

5.50, 8.50, 7.50, 8.50 Вести - Москва.
6.00, 7.00, 8.00, 9.00, 11.00, 14.00, 17.00, 20.00 Вести.
6.15 «Селеста, всегда Селеста». Сериал.
6.45 Православный календарь.
7.15, 8.35 Экспертиза РТР.
7.30, 12.15 Афиша.
7.40 Семейные новости.
8.15 Национальный доход.
8.20 Открытая таможня.
9.15 Фильм «Синатра».
10.05 Сам себе режиссер.
11.30 «Санта-Барбара». Сериал.
12.25 Моя семья.
13.30 «Что хочет женщина». Ток-шоу.
14.30 «Крылья любви». Сериал.
15.25 «Дикий ангел». Сериал.
16.20 «Простые истины». Сериал.
17.30 К 100-летию Алексея Грибова. «В стране невыученных уроков». Мультфильм.
17.45 К 100-летию Алексея Грибова. Комедия «Свадьба».
19.00 Бенефис «Городка».
20.35, 23.15 Местное время. Вести - Москва.
20.55 Сериал «Леди бомж».
21.50 Фильм «Отверженные».
23.00 Вести + Подробности.
23.30 Повесть Чехи (США).
1.05 «Панорама кино» с Валерием Тодоровским.

ТВЦ

6.00, 7.30 «Настроение».
8.50 Газетный дождь.
9.05 «Тихие страсти Магдалены».
10.05 Секретные материалы: расследование ТВЦ.
10.40 Телемагазин.
11.00, 14.00, 17.00, 20.00, 0.05 События. Время московское.
11.15, 23.45 Петровка, 38.
11.30 Телеканал «Дата».
12.25 «Петербургские тайны».
13.30 Деловая Москва.
14.15 «Инспектор Кестер». Сериал.
18.20 Экспо-новости.
18.30 «Команда на Марс». Телеигра.
17.15 Романсиада-2001.
17.45 Двойной портрет.
19.50 Пять минут деловой Москвы.
20.35 «Самозванцы». Сериал.
21.35 «Версты». Путешествие в Россию.
22.15 «Парижский полицейский». Сериал.
23.15 Времечко.
0.25 Ночной полет.
0.55 «Открытый проект».
1.50 Синий троллейбус.

МОСКОВИЯ

7.00, 18.15 Новости Подмосковья.
7.05 Будни.
15.30 Большое плавание.
18.30 Главная тема.
18.55 Русский дом.

НТВ

6.00, 6.30, 7.00, 7.30, 8.00, 8.30, 10.00, 12.00, 14.00, 16.00, 19.00, 22.00, 0.00 Сегодня.
6.10, 7.15, 15.40, 18.40 Криминал.
8.15, 8.15 Впрок.
6.35, 7.25 Наши любимые животные.
6.40, 7.45, 8.45 Пять минут с Новоженовым.

Галерея Магнат Арт
СТАРАЯ ЖИВОПИСЬ
ОЦЕНКА
КОМИССИЯ
РЕСТАВРАЦИЯ
ЭКСПЕРТИЗА
ЛАВРУШИНСКИЙ ПЕР, Д.6 СТР. 1
ТЕРРИТОРИЯ КОМПЛЕКСА
"ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ"
951-1443 951-1406

8.45, 7.50, 8.50 Большие деньги.
6.50, 7.35, 8.40 Карданный вал.
9.00 Сериал «Скорая помощь».
10.25 Алчность.
11.10 Дог-шоу «Я и моя собака».
12.20 Наше кино. «Незнакомый наследник».
14.20 Ток-шоу «Принцип «Домино».
16.25 «Конец операции «Резидент». 2-я серия.
17.55 Внимание! Розыск!
19.35 Герой дня.
19.55 «Удар из космоса: армагеддон» (США).
23.00 Совершенно секретно. Информация к размышлению.
0.20 Гордон.

КУЛЬТУРА

8.00 Программа передач.
8.05, 12.30, 16.00, 18.30, 0.00 Новости культуры.
8.30 «Энн из поместья «Зеленые крыши».
10.40, 17.35 Понимание. «Непредвиденность».
11.45 Острова. Владимир Басов.
12.45 Вместе с Фафелей.
13.00 «Ох, уж эти детки!» Мультфильм.
13.15 Чем живет России.
13.30 М.Горький. «Сказки об Италии». «Мать изменника». Читает Л.Гурченко.
14.00 «Люди не мосту». Фильм.
15.45 Архитектурная галерея.
16.10 «Грозовые камни». Сериал.
16.35 Мультфильмы.
17.05 Экспедиция «Чиж».
18.50 Арт-лаборатория.
19.15 «Гранд». Сериал.
20.15 «Михаил Булгаков. Черный снег». Передача 8-я.
20.45 Спокойной ночи, малыши!
21.00 XX век. Избранное. Алексей Грибов. К 100-летию со дня рождения.
21.40 «Шведская спичка». Короткометражный фильм.
22.35 «Культурная революция». «Интернет - конец культуры». Программа М.Швыдкого.
23.30 «Джазофрения».
6.30 12.30; 0.30-3.00 Евроньюс

СТОЛИЦА

10.00 НОВОСТИ
10.25 Детский сериал «Арабелла возвращается, или Румбурак – король страны сказок». 7-я часть – «Здание исполняется».
11.05 Сериал «Династия Штраус». 4-я серия.
12.05 Сериал «Неукротимая Хильда». 20-я серия.
12.30 НОВОСТИ
13.15 Петровка, 38.
13.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ
16.30 НОВОСТИ (с сурдопереводом)
17.00 Ку-Ко-Ня.
17.15 Мультфильм «Сказка про доброго носорога».
17.30 Вам слово.
18.00 Сериал «Династия Штраус». 4-я серия.
19.05 НОВОСТИ
19.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ
22.00 НОВОСТИ
22.25 К 100-летию со дня рождения А. Грибоедова. Художественный фильм «Взрослые дети». О сложных взаимоотношениях двух поколений, о том, сколь смешны бывают родители, без устали опекающие своих великовозрастных детей. Реж.: Вилан Азаров. В ролях: Алексей Грибов, Зоя Федорова, Лилиана Алешникова, Александр Демьяненко и др. Мосфильм, 1961 г.
23.55 Док. фильм «Адмиралтейство».
00.30 НОВОСТИ
00.55 Ночной гость – музыкант Олег Митяев.
01.25 Сериал «Гонки на выживание». 15-я (заключительная) серия.
02.20 Ночной канал.
03.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ

ПЯТНИЦА, 1 ФЕВРАЛЯ

ОРТ

6.00 Телеканал «Доброе утро».
9.00, 12.00, 15.00, 18.00 Новости.
9.15, 19.00 «Земля любви». Сериал.
10.10 Программа «Сами с усами».
10.45 «Слабое звено». Игровое шоу.
11.35 «Непутевые заметки» с Дм.Крыловым.
11.50 Библиомания.
12.15 Человек и закон.
13.05 «Серебряный шар». Фрэнк Синатра. Ведущий - В.Вульф.
13.45 Комедия «Стежки-дорожки».
15.15 «Все псы попадают в рай». Мультсериал.
15.40 «Семь бед - один ответ».
16.00 «Подозрение».
4-я, серия.
17.00 Большая стирка.
18.25 Док. детектив. «Явка с повинной». Дело 2000 года.
20.00 Поле чудес.
21.00 Время.
21.35 Друзья поздравляют Льва Лещенко. Трансляция юбилейного концерта. По окончании: Ночное «Время»; Комедия «По Лос-Анджелесу без карты».

РТР

5.50, 6.50.
7.50, 8.50 Вести - Москва.
6.00, 7.00, 8.00, 9.00, 11.00, 14.00, 17.00, 20.00 Вести.
6.15 «Селеста, всегда Селеста». Сериал.
6.45 Православный календарь.
7.15, 8.35 Экспертиза РТР.
7.30, 12.15 Афиша.
7.40 Семейные новости.
8.15 Национальный доход.
8.20 Мультфильмы.
9.15 Фильм «Синатра».
10.05 Новая «Старая квартира».
11.30 «Санта-Барбара». Сериал.
12.25 Моя семья.
13.30 «Что хочет женщина». Ток-шоу.
14.30 «Крылья любви». Сериал.
15.25 «Дикий ангел». Сериал.
16.20 «Простые истины». Сериал.
17.30 Планета КВН.
18.00 Пресс-клуб.
19.00 Бенефис «Городка».
20.35 Местное время. Вести - Москва.
20.55 Сериал «Леди бомж».
21.55 Фильм «Отверженные».
23.10 Остросюжетный фильм «Крестоносец».
1.20 Церемония вручения премии «Лица года».

ТВЦ

6.00, 7.30 «Настроение».
9.00 Смотрите не качели.
9.05 «Тихие страсти Магдалены». Сериал.
10.05 Двойной портрет.
10.40 Телемагазин.
11.00, 14.00, 17.00, 20.00, 0.15 События. Время московское.
11.15, 23.55 Петровка, 38.
11.30 Телеканал «Дата».
12.25 «Петербургские тайны». Сериал.
13.30 Деловая Москва.
14.15 «Инспектор Кестер». Сериал.
15.20 Путь к себе.
16.30 Идущие вперед.
17.15 Романсиада-2001.
17.45 «Горько!» Телеконкурс.
19.50 Пять минут деловой Москвы.
20.35 «Самозванцы». Сериал.
21.40 «Парижский полицейский». Сериал.
22.40 Детектив-шоу.
23.25 Времечко.
0.35 Русский век.
1.15 «Фатальный роман». Фильм (Франция).

МОСКОВИЯ

7.00, 18.15 Новости Подмосковья.
7.05 Будни.
15.30 Большое плавание.
18.30 Главная тема.
18.55 Перекресток.
19.10 Цена вопроса.

НТВ

6.00, 6.30, 7.00, 7.30, 8.00, 8.30, 10.00, 12.00, 14.00, 16.00, 19.00, 22.00 Сегодня.
6.10, 7.15, 18.35 Криминал.
6.15, 8.15 Впрок.
6.35, 7.20 Наши любимые животные.
6.40, 7.45, 8.50 Пять минут с Новоженовым.
6.50, 7.35, 8.40 Карданный вал.
9.05 Вкусные истории.
9.25 Путешествия натуралиста.
10.10 Внимание! Розыск!
12.25 Наше кино. «Горожане».
14.25 «Продолжение следует...» с Юлией Меньшовой.
15.15 Лапси - чарт.
16.25 Профессия - репортер.
16.50 Наше кино. «Футболист».
19.35 Свобода слова.
21.15 Криминальная Россия. «Неутомимый заказчик».
22.45 М. Ван Пиблс и З.Ливарман в боевике «День Валентина» (Канада - США).
0.35 Кома.

КУЛЬТУРА

8.00 Программа передач.
8.05, 12.80, 16.00, 18.30, 0.00 Новости культуры.
8.25 «Энн из поместья «Зеленые крыши». Сериал.
10.00 XX век. Избранное. Алексей Грибов.
10.40, 17.35 Понимание. «Машины. история любви».
11.35 Мультфильм.
11.42 Календарь.
11.45 «Цитаты из жизни». Летчик-испытатель Марина Попович.
12.45 Вместе с Фафелей.
13.00 «Ох, уж эти детки!» Мультфильм.
13.15 Чем живет Россия.
13.30 Малые музеи Санкт-Петербурга.
14.00 «Сампо». Фильм.
15.45 Власть факта.
16.10 «Грозовые камни». Сериал.
16.35 «Дюймовочка». Мультфильм.
17.05 Сенсация. Сенсация? Сенсация...
18.50 «С потолка».
19.15 «Гранд». Сериал.
20.15 «Михаил Булгаков. Черный снег». Передача 9-я.
20.45 Спокойной ночи, малыши!
21.00 Билет в Большой...
21.40 «Ингмар Бергман. О жизни и о работе». Часть 2-я.
22.05 Ретроспектива ранних фильмов Ингмара Бергмана. «Музыка во тьме» (Швеция).
23.30 1001 рассказ о кино.
6.30 12.30; 0.30-3.00 Евроньюс

СТОЛИЦА

10.00 НОВОСТИ
10.25 Детский сериал «Арабелла возвращается, или Румбурак – король страны сказок». 8-я часть – «Папаша, у вас двойня».
11.05 Сериал «Династия Штраус». 5-я серия.
12.05 Сериал «Неукротимая Хильда». 21-я серия.
12.30 НОВОСТИ
13.15 Петровка, 38.
13.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ
16.30 НОВОСТИ (с сурдопереводом)
17.00 Ку-Ко-Ня.
17.15 Мультфильм «О том, как утенок-музыкант стал футболистом».
17.30 Как живете, москвичи?
17.45 Звонов.
18.00 Сериал «Династия Штраус». 4-я серия.
19.05 НОВОСТИ
19.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ
22.00 НОВОСТИ
22.25 Художественный фильм «Погоня за смерчем». После трагической гибели мужа, исследователя смерчей, Джомми решила продолжить его дело и доказать, что сверхмощные ураганы связаны с работой секретной правительственной лаборатории... Реж. Марк Собел. В ролях: Келли МакГиллис, Вульф Ларсон, Лиз Торрас и др. США, 1998 г.
00.15 Сокровища мировой культуры. «Шахта Мессель».
00.30 НОВОСТИ
00.55 Художественный фильм «Набережные связи». Комедия. Феминистка Салли ищет компаньона для автомобильного путешествия в Германию. Он должен быть вегетарианцем, геем и знать немецкий. Познакомившись с Гарри, который не отвечает ни одному из требований, она все же решается на поездку в его компании... Реж.: Ричард Эйр. В ролях: Стивен Ри, Линдсей Данкан и др. Англия, 1984 г.
02.35 Ночной канал.
03.30 ПРОГРАММЫ ОКРУЖНЫХ И РАЙОННЫХ СТУДИЙ

СУББОТА, 2 ФЕВРАЛЯ

ОРТ

8.45 Е.Меньшов и Л.Ниильская в фильме «Мелодия не два голоса». 1-я серия.
8.00, 10.00, 15.00, 18.00 Новости.
8.10 Мультсеанс.
8.35 КОАПП.
9.00 Слово пастыря. Митрополит Кирилл.
9.15 Играй, гармонь любимая!
9.50 Библиомания.
10.10 Смехоланорама.
10.45 Смак.
11.05 В мире животных.
11.45 Здоровье.
12.25 Детектив «Тайны отца Даулинга».
13.20 Н.Олялин в фильме «ГАЗ - русские машины».
14.35 Дисней-клуб.
15.10 Концер

ПЕРЕСМЕШНИК

Бурный поток Марка Розовского

Борис ГОРЕВ

Отметив в прошлом номере собственное 35-летие, бурная администрация «Клуба 12 стульев» вдруг осознала, что одновременно нагрянул и другой юбилей – 35 лет назад в большую литературу ворвался великий душелюб и людовед Евгений Сазонов. Администрация до сих пор с придыханием цитирует первые строки его неувядающего романа века «Бурный поток», появившиеся в самом первом выпуске 16-й полосы «Литературки» в 1967 году:

«Шли годы. Смеркалось. В дверь кто-то постучал.

– Кто там? – спросила Анна радостно, не подозревая, что ее ждет впереди».

Да что там, все остальные строки «Бурного потока» она, администрация, тоже цитирует с не меньшим придыханием!

Теперь уж не секрет, что одновременно с Евг. Сазоновым над романом века работал (разливал чай, переводил каретку старенькой пишмашинки, ударял по любимой клавише «ё», подбирал цитаты древних) и один из основателей «Клуба ДС» – Марк Розовский.

Ныне выяснилось, что опыт общения с великим душеведом и людолюбом, временно пребывающим в глубоком творческом отпуске, не прошел для Марка Розовского даром.

Он разыскал в анналах людоведа несколько недоисследованных творений других классиков и любезно подбросил их в «Клуб 12 стульев». Творения предъявляем читателю.

Благоговеющая администрация

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

– Это я убил старуху-процентщицу и сестру ее Лизавету топором и ограбил, – сказал Раскольников и был принят на работу в охранное агентство «Петербург – Третье тысячелетие».

Михаил БУЛГАКОВ

Никогда ни у кого ничего не проси. Сами дадут. Под зад.

Франц КАФКА

Из дневника

Несмотря на бессонницу и головные боли, жизнь кажется мне лучше, чем смерть, где бессонницы нет, а головные боли продолжаются.

Борис ПАСТЕРНАК

Быть Пастернаком невозможно.
Таких, как он, один всего.
Поэтому неосторожно
Переиначим мы его:

«Цель творчества – машина, дача,
Шумиха, деньги и успех...
Прекрасно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

И надо жить, пока живется,
Чтобы, ничей не слыша зов,
Упав с небес на дно колодца,
Не повредить своих концов.

Сумрак ночи на меня наставлен.
Гул затих. Все прощены грехи...
Вот сейчас по телефону Сталин
Мне расскажет,
как писать стихи!»

Кабы так... Но вот ведь незадача –
Тверд Поэт, как тот
дверной косяк...
Гамлета нельзя переиначить.
Пастернак на то и Пастернак!

Булат ОКУДЖАВА

Давайте пить вино не
с целью нализаться,
Кровопролитных войн
не будем опасаться,
Давайте говорить друг
другу комплименты.
Ведь это сплошь
для нас одни эксперименты.

Давайте стекла бить,
вести себя нетрезво.
Давайте убивать,
особенно в подъездах.
Не надо предавать
значенья сквернословью,
Поскольку иногда
мат перемешан с кровью.

Давайте воровать
и врать самозабвенно,
Наркотики ширять
не только внутривенно,
Давайте всем хамить,
друг друга оскорбляя...
Вот это наша жизнь
реальная такая!

Анна АХМАТОВА

Могла ли Биче скрыть свои грехи
И Данту самому в любви рога наставить?!.
...Я научила баб писать стихи,
Но, боже, как их не писать заставить!

К.С. СТАНИСЛАВСКИЙ

О критике

Критика так же влияет на положение в театре, как астрономия – на положение звезд.

Александр БЛОК

Россия, нищая Россия,
Мне джипы черные твои
И «мерседесы» легковые –
В расхлябанные колеи –
Как слезы первые любви!..
Дорогой длинной мчатся звонко
Без милицейского свистка –
Уж лучше бы была бы конка
Да песнь глухого ямщика!

Константин БАЛЬМОНТ

Живот мой, как Пелопонесский Понт,
Журчит, ворчит, в нем рык орла и
нежный волчий клекот,
В нем звон и звонь, музыки
гром и топот...
И все это поет поэт
по имени Бальмонт.

ВОЛЬТЕР

Из письма потомкам

Вы, конечно, наделали много ошибок, убили миллионы людей, но я готов в любую минуту присоединиться к ним только потому, что уверен: с вашей стороны это честное заблуждение.

А.П. ЧЕХОВ

Имение в поле, гостиная с колоннами, вишневый сад в детской.

Вечер. Скоро рассвет. Но солнца никогда не будет.

АНДРЕЙ. Город наш на двести жителей, все едят, пьют, спят, потом умирают.

ЛОПАХИН *(входит)*. Я поел. *(Уходит.)*

ИВАНОВ (входит). Я выпил. *(Уходит.)*

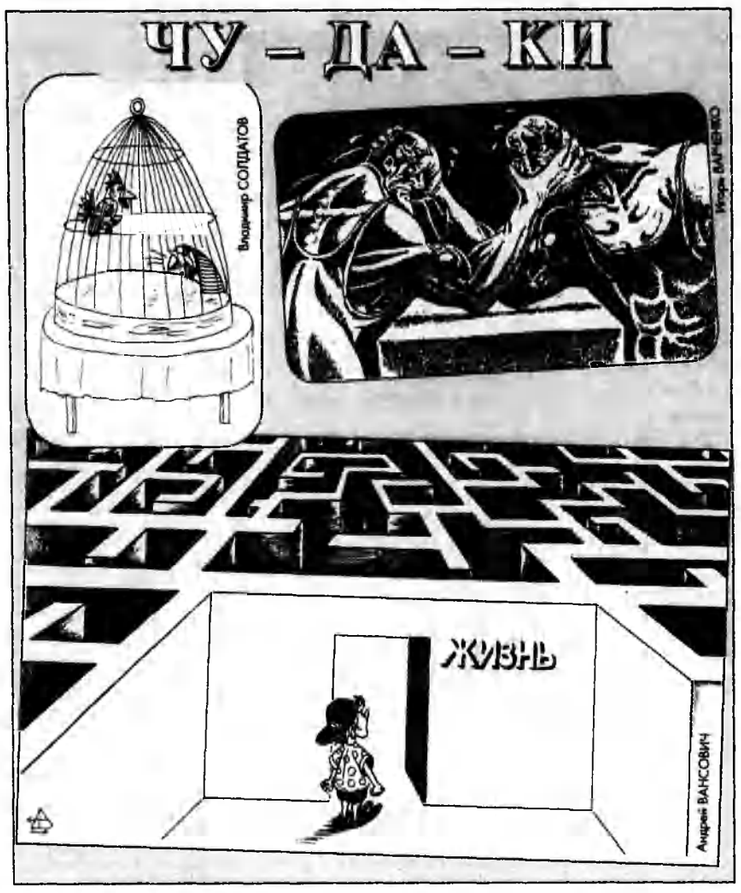
ВОЙНИЦКИЙ *(входит)*. Я поспал. (Уходит.)

ТРЕПЛЕВ *(входит)*. Я одинок, не согрет ничьей привязанностью, мне холодно, как в подземелье, и что бы этот Чехов ни писал о нас, все это мрачно и может огорчить маму.

(Идет в правую дверь и застреливается.)

АНДРЕЙ. Ну вот... А я вам что говорил?

Занавес.

Иосиф БРОДСКИЙ

Я входил вместо собаки в будку,
Жил в городе вкуса
окаменевшей водки,
Целовал девицу
в искусанную комарами губку,
В дудку дул, грыз
хвост ржавой селедки.
Я у Анны Андреевны сидел за чаем,
В тот момент КГБ уже замечаем,
С Рейном дружил, пил кофе
с конвойными,
Мой пиджак распорот
всякими войнами...
Я храпел и пел,
лежа на чужой кушетке,
Словно райская птица
в золоченой клетке.
Я четырежды болел
гриппом и семь раз фурункулезом.
Мой диагноз – Поэт и в жару,
и в морозы.
Я одиннадцать раз ел форель
и трижды угрь.
Полночи встречался
со стриптизершей Асей. Не зря.
Никогда не сидел у реки.
Ждал погоды у моря.
Вдохновляли меня мужики
(маршал Жуков) и горе.
Я горел и шипел, жарясь
на сковородке.
Спал во фраке черт знает
с кем в бараке,
На леднике обнимался
с летчиком Коккинаки
И гармонию Моцарта
слышал в скрипе лебедки.
Я могу погладить, могу и поранить.
Из забывших меня
можно составить «Память».
Я слонялся по полюсу
в модной майке.
Меня знает Гринич
и турок с Ямайки.
Скоро кончится век. А я раньше.
Лучше в баре «Самовар»
утонуть, чем в Ла-Манше.
Я страну свою бросил,
но Родину я не кинул.
Из меня мой вопль сам
я взял и вынул.
Но копыт погони слышал
цок и топот,
После чего я перешел на шепот.
Тут-то и был услышан.
Теперь я с вами.
Мой портрет в стекле,
в венецианской раме.
Что ж вам напоследок
сказать о жизни?
Не важна мне с Нобелем солидарность,
Но ко всем, кто дал
мне жить при капитализме
И не дал при социализме,
Чувствую благодарность.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Я пью за хрипатую астму,
За желчь, что ползет из меня,
За астры, за Данте, за пасту
Зубную московского дня,
За бабочку, за мусульманку,
За Шуберта Скерцовича,
Жизняночку и умиранку,
Про век-волкодав прокричи.
Я пью за помойку и пайку.
За масло воронежских дней,
За курву-Москву и Петрарку,
За сброд тонкошеих вождей.
За их тараканьи усищи,
За губ шевеленье в земле,
За Каму, Чердынь и Мытищи,
Пропащих в египетской мгле.
...Нет, не асти-спуманте, не шерри
И не бренди тогда выпил я.
Пил я кровь, что в конвойное время
К нам стекала с зубчатки Кремля.

Вячеслав ПЬЕЦУХ

Новая московская философия

Сидели мы как-то где-то вшестером под банкой – завсектором Жучкин, инженер-конструктор Лыков и лектор-инспектор Гозенпуд (у каждого уж двоилось) – и тихо-мирно разговаривали каждый о своем, то есть о Достоевском.

– Я, между прочим, однажды ехал с Федором Михайловичем в одной электричке, – сказал Жучкин. – Он сидел там, у окна, и читал глянцевый журнал «Голые бабы» под редакцией Свидригайлова, и все хихикал да в затылке чесал, как этакое огромное счастье столь хорошо построено на слезинке ребенка.

– А я Федора Михайловича в городском туалете у метро «Сокольники» встретил, – сообщил Лыков. – Разговорились по-российски о вечном у писсуаров. То да се... Он мне свои русофильские идейки начал толкать, считая, что наша объевропеющаяся верхушка азиатствующего большинства все хочет соединить гейдельберговскую образованность с пензенской самобытностью и татаро-монгольской вольницей, перемешанной с чисто литовским экстремизмом нашего казачества, а я ему его ж словами: до чего широк человек, я бы сузил, то бишь сначала надо, чтобы пиво бадаевское, которое мы сейчас из себя льем, хоть на чуть приблизилось бы к качеству баварского, а потом уж давайте, господа-товарищи, мировые проблемы решать.

– Не знаете, братцы, вы русского человека! – вмешался тут Гозенпуд. – Вот я с Федором Михайловичем в лифте нос к носу надысь столкнулся. «Вам на какой?» – спрашиваю, приготовив на кнопке палец. «Мне в подполье!» – отвечает. Ну, думаю, если сам Достоевский не знает, где верх, где низ, то мне и подавно «все дозволено»: сегодня же от жены сбегу к Сонечке Шоколадкиной на часок-другой – побесовствуем!

Тут под банку зашел подслушавший весь этот интеллигентский бред наш истопник Слава – то ли не в меру трезвый, потому что злой, то ли злой, потому что не в меру трезвый.

– Эт-то что? – говорит. – Это все новая московская философия!

И погасил свет, при котором мы сейчас это читаем.

Д.Д. СЭЛИНДЖЕР

Над пропастью во лжи

Я ужасный лгун. Иду в школу, а сам иду к проститутке. Школа у нас гадкая, но гнусная. Я в ней учусь, но меня из нее выперли.

Все вокруг врут.

– Разрешите представиться, – говорю, – Джим Стил.

А на самом деле я Холден Колфилд.

Салли блондинка, а на самом деле проститутка.

Она снимает свое грязное платье, и я вижу – под мерзким лифчиком у нее что-то подлое подложено. Этот сучий лифчик я стаскивал в течение часа, потому что не мог, очень нервничал. При этом вспомнил дрянную книжку про одного скотинообразного мосье Блоншара, который говорил, что тело женщины – клавикорда, и надо быть прекрасным музыкантом, чтобы заставить его звучать. Вот такое дерьмо.

– Знаете что, – говорю я ей. – Я вам заплачу, только чтоб у нас с вами ничего не было.

– А в чем дело? – спрашивает она и грязно садится ко мне на колени.

– Да ни в чем. Я тут недавно в пропасть упал и сделался импотентом.

– А что поломал?

– Клавикорду, – говорю. – В спинном мозгу.

– Ну, давай-ка, – говорит она.

Я дал ей пять вонючих долларов за то, что у нас ничего не было. А она недовольна:

– Цена десять.

Жуткая блондинка. А когда голая – еще хуже. Была бы старая, толстая, намазанная проститутка, было бы лучше.

– У меня уйма денег, – сказал я. – Но я могу только пять.

– Дай пять, – сказала она. – Еще.

– Я ей не дал, потому что за что ей давать, если она не дала.

Мы попрощались. Когда она ушла, я долго сидел в своем паршивом кресле и, как идиот, думал, до чего вокруг все поганые, кроме Иисуса Христа.

На душе было отвратительно, омерзительно, гнусно, гадко, подло, пошло и жутко, но гораздо лучше, чем вся эта паршивая давидкопперфилдовская муть.

СО СТОЛА ЕВГ. САЗОНОВА

Увээн и пастырь народов

Отрывок из увээнского эпоса «Увээн»[1]

От редакции

Публикация отрывка из бессмертного увээнского эпоса «Увээн» (см. «ЛГ», № 18 от 25 апреля 2001 г.) вызвала широкий резонанс в научных и людоведческо-душелюбских кругах.

Перед вами очередной фрагмент эпоса. Кропотливый труд целого коллектива литературоведов, лингвистов, историков, спонсоров, под чутким руководством людоведа и душелюба Евг. Сазонова занимающихся реконструкцией и расшифровкой древнейшего памятника, увенчался блестящим результатом. В публикуемом тексте, как видим, почти нет лакун, пропусков, темных мест, разночтений. Данный фрагмент представляет нам первые строки бессмертного творения, являющиеся своего рода ключом к миру «Увээна».

...согражданам тысячи бедствий соделал[2]:

Многие души могучие славных героев низринул

В мрачный Похмел[3] и самих распростер их в корысть плотоядным

Птицам окрестным и псам (совершалась Отвесова[4] воля), –

С этого дня, как воздвигшие спор, воспылали враждою

Пастырь народов Первач[5] и герой Увээн благородный.

[1] Публикуется впервые.

[2] Вариант славянофилов: «исделал».

[3] Похмел – согласно увээнским мифологическим представлениям, подземное царство невыносимых мук, страшнее которых нет ничего на свете.

[4] Отвес – верховное божество увээнского пантеона.

[5] Первач – родной дядя Увээна, представитель высшей увээнской аристократии; воспользовавшись неопытностью и некоторым легкомыслием юного героя, рано оставшегося без родителей, коварно захватил увээнский трон; именно против него были обращены гневные инвективы Увээна.

Комментарии
В. ГВОЗДЕЯ

Владимир СОЛДАТОВ

ОБЪЯВЫ

«Клуб 12 стульев», «Литературная газета» и столичный Центральный Дом литераторов имеют честь сообщить, что 24 января второго года нового тысячелетия в Большом зале ЦДЛ состоится Вечер юмора, посвященный 35-летию «Клуба ДС». Из сатириков и юмористов страны на сцене и за кулисами присутствуют многие, в зале смеются все! Сверх программы – вручение премий «Золотой теленок-2001» и сюрпризы для зрителей (недорого!). Начало сюрпризов в 19 часов, а билеты в кассах ЦДЛ (кажется, еще некоторое оставшееся количество) продаются.

29 января 2002 года в Доме литераторов бенефис блистательного Романа КАРЦЕВА.

Первое отделение – «Моя Одесса», композиция на тексты Михаила ЖВАНЕЦКОГО. Второе отделение – отрывки из книги Р. Карцева «Записки престарелого сорванца», которая будет продаваться с автографом автора.

подписка-2002

Журнал поэзии «Арион»

Чтобы подписаться на единственный в России поэтический журнал «Арион», надо отправить на любого почтового отделения денежный перевод по адресу: 103006, Москва, ул. Садовая-Триумфальная, д.12/14, комн.12, редакция журнала «Арион». Укажите в графе «Только в переводу» свои Ф.И.О. и полный адрес, а в графе «Для письменного сообщения» простаньте срок подписки («Полугодовая-2002», «Годовая-2002»).

Стоимость полугодовой подписки с доставкой по РФ – 88 руб., годовой – 120 руб.

Журнал выходит в марте, июне, октябре и декабре.

Подписка продолжается!

:: www.print-base.ru

ВСЕ О ПОЛИГРАФИИ

печать, репроцентры, оборудование, расходные материалы, агентства, издательства, упаковка, сувенирка, компьютеры

Информационно-техническую поддержку каталога осуществляет компания 'New Line Graphics'.

ТЕЛЕФОННАЯ СПРАВОЧНАЯ СЛУЖБА
7 095 183-7812
info@print-base.ru

:: www.nlg.ru

ГИБКИЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА

Разработка web-представительств, корпоративных порталов, интернет-магазинов и других решений для электронной коммерции.

ПО ГИБКИМ ЦЕНАМ

У Вас нет времени заниматься Вашим Интернет-имиджем? Мы сделаем это вместо Вас.

785-4825
info@nlg.ru

:: www.interior-base.ru

ВСЕ ОБ ИНТЕРЬЕРЕ

мебель, отделочные материалы, сантехника, электроника, бытовая техника, осветительные приборы, аксессуары

Информационно-техническую поддержку каталога осуществляет компания 'New Line Graphics'.

ТЕЛЕФОННАЯ СПРАВОЧНАЯ СЛУЖБА
7 095 185-1868
info@interior-base.ru

СИНЭУС

	м. «Чертаново»:		м. «Калужская»:
	310-02-19	310-47-90	935-11-22
	310-33-21	318-13-07	936-21-58
	310-37-59	318-05-31	936-00-33
FAX: 319-03-09	310-41-02	318-10-35	935-22-11

БУМАГА
для полиграфии и офиса производства ФИНЛЯНДИИ, ШВЕЦИИ, РОССИИ

Бумага LOMOND от 2,45 у.е.

– Офсетные, термо и самокопирующиеся, однослойные и многослойные РОЛИКИ для кассовых аппаратов, телетайпов, принтеров, телефаксов и др.

РАСХОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
генеральный дистрибьютор WORLDWIDE MANUFACTURING
· для всех видов принтеров
· для пишущих машинок
· для кассовых аппаратов
· для копировальных аппаратов
· корректирующие материалы для пишущих машинок
· ленты

Полиграфические краски фирмы Coates Lorilleux

ТЕЛЕФОНЫ РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА

м. «Пересмайская» 461-57-06
м. «Перово» 306-83-62
м. «Пушкинская» 299-87-78, 299-87-84
м. "Электрозаводская" 369-16-36, 369-45-74
м. "Войковская" 156-18-73
м. "Ленинский проспект" 955-74-12, 232-21-39
м. "Алексеевская" 216-40-29, 215-72-59
м. "Пролетарская" 210-31-93
м. "Петровско-Разумовская" 480-79-44

ОАО «Концерн средств массовой информации и рекламы «Системы Масс-Медиа»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ – ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

Генеральный директор
Александр Абрамов

Заместитель генерального директора
Алексей Соболев

Общественно-редакционный совет
Председатель А. ДЕМЕНТЬЕВ

Члены совета
И. АШУРБЕЙЛИ, С. БОЕВ, А. ВАКСБЕРГ, А. ВОРОШИЛО, В. ГЕРГИЕВ, В. ЕГОРОВ, И. КРУТОЙ, Е. ЛАХОВА, В. МЕНЬШОВ, С. МИХЕЕВ, И. МОИСЕЕВ, О. ПОПЦОВ, Н. СКАТОВ, Н. ШМЕЛЕВ, Р. ЮЛГУШЕВ.

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Заместители главного редактора:
Алексей Бархатов,
Леонид Колпаков, Валерий Павлов (*представитель «ЛГ» в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе*),
Игорь Серков

«Политика, экономика» – тел. 208-09-22
ведущий редактор Владимир Поляков; Армен Гаспарян, Анатолий Друзенко

«Общество» – тел. 208-09-22
ведущий редактор Игорь Гамаюнов; Людмила Мазурова, Надежда Горлова

«Наука» – тел. 208-82-76
шеф-редактор Владимир Губарев;
ответственный редактор Андрей Тарасов

«Литература» – тел. 208-94-19
Павел Басинский;
Мария Галина,
Игорь Кузнецов, Алла Латынина, Лев Пирогов, Владимир Радзишевский, Виктор Широков, Александр Яковлев

«Искусство» – тел. 208-98-76
ведущий редактор Сергей Луконин;
Жанна Васильева,
Ирина Тосунян

«Клуб 12 стульев» – тел. 208-82-62
главный администратор Евгений Обухов;
Павел Хмара

Обозреватели:
Дмитрий Беловецкий,
Олег Мороз, Александр Ципко

Фотослужба –
Александр Карзанов,
Борис Горев

Группа выпуска
Роман Родионов, Борис Фуров

Отделы рекламы и PR – тел. 208-95-24, 208-91-62
Елена Беланова,
Юлия Лукьянова

Отдел распространения:
тел. 208-98-55, 208-82-81

Производственный отдел:
тел. 208-91-23

Набор и верстка выполнены в компьютерном центре «ЛГ»

Общий тираж 78 000 экз.

Газета печатается в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, а также Великобритании

Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса». 125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. «Правды», 24

Номер подписан к печати 22 января 2002 г.
Зак. № 10363

Подписные индексы: 50067, 34189 и 84874 (для предприятий и организаций)

Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодика» и «Аргументов и фактов»

Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ №77-1835 от 10.03.2000 г.

Адрес редакции:
Костянский пер., 13
Москва 103045

Для телеграмм:
Москва 90 Литгазета

Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru,
editor@lgz.ru

Факс: 206 62 25, 208 91 83

Корреспондентское бюро «ЛГ» по Центральной и Западной Азии

тел. 8-10-99-412-930989
Васиф Самедов

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

Официальный дилер – группа компаний «Кабак пресс»

«Литературная газета» распространяется на бортах авиакомпаний
AEROFLOT
BRITISH AIRWAYS
JAL JAPAN AIR LINES
ТРАНСАЭРО

Розничное распространение в Европе и Северной Америке осуществляет фирма «Пресс Пойнт Интернейшнл»

ЦЕНА В РОЗНИЦУ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ ДОГОВОРНАЯ

Austria – 2,80 EUR;
Canada – CANO 2,50;
Danmark – DKR 18,00;
England – GP 1,60;
Germany – 2,60 EUR;
Greece – 1,60 EUR;
Hungary – HUF 930,00;
Portugal – 2,60 EUR;
Spain – PTS 476,00;
Switzerland – CHF 4,80;
Turkey – TL 850,000;
USA – USD 2,80.